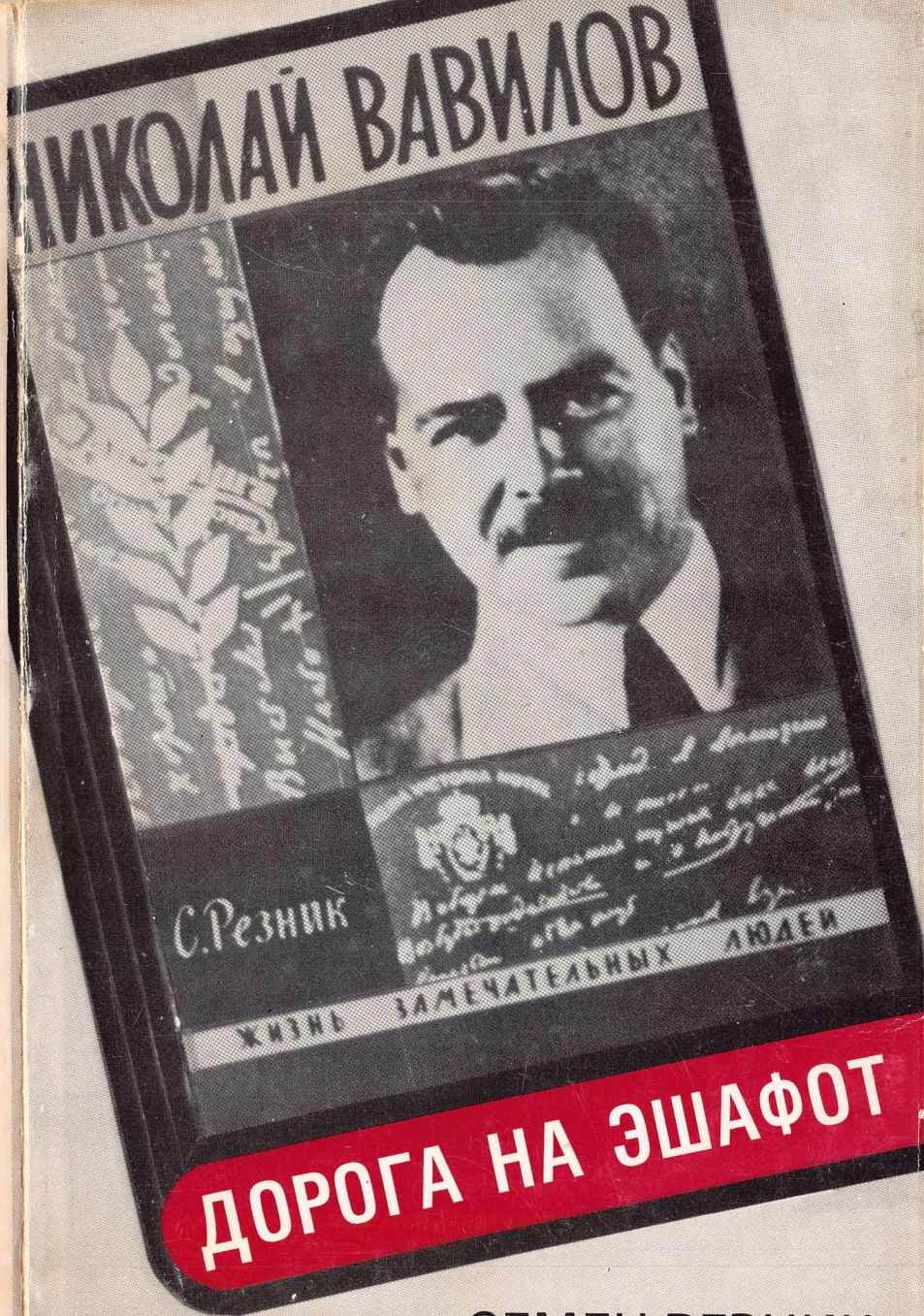

СЕМЕН РЕЗНИК. ДОРОГА НА ЭШАФОТ.

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

СЕМЕН РЕЗНИК

СЕМЕН РЕЗНИК

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

Издательство
"ТРЕТЬЯ ВОЛНА"
Париж — Нью-Йорк
1983

Редактор А. Глезер
Художник Г. Капелян
Корректор Л. Черняк

© Все права сохраняются за автором и издательством "Третья волна".
Все права на распространение книги принадлежат Russica Book Shop, 799
Broadway, New York, NY 10003

N. Vavilov

ИСТОРИЯ С БИОГРАФИЕЙ

Давно сказано: книги, что люди — каждая имеет свою судьбу. К этому можно добавить, что иногда судьба книги оказывается более драматичной, чем судьба ее автора. Цель этого вступительного очерка — рассказать о судьбе книги, часть которой теперь, с опозданием на 15 лет, выносится на суд читателей.

Почему только часть? И почему через 15 лет? На эти вопросы тоже должен ответить вступительный очерк.

К работе над биографией Николая Ивановича Вавилова я приступил летом 1963 года. Мне было тогда двадцать пять, за спиной было всего три года, правда, довольно интенсивной, журналистской работы в области популяризации науки. При этом случилось так, что, хотя по образованию я инженер-строитель, большая часть моих публикаций касалась биологических наук. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, тем, что в начале шестидесятых годов были совершены крупные открытия на стыке биологии с точными науками: физикой, химией, кибернетикой. А, во-вторых, тем, что в СССР биологическая наука находилась в катастрофическом положении — и из-за того, что в ней господствовало так называемое "мичуринское" учение, создателем которого был известный шарлатан в звании академика, Т.Д. Лысенко.

Надо сказать, что в те годы большинство научно-популярных журналов, а также отделы науки многих газет делали немало для популяризации истинных достижений биологии, вопреки зубовному скрежету "мичуринцев".

Разумеется, прямой критики Лысенко и его "теорий" не допускалось. Невозможно было положительно оценивать работы Менделя, Моргана и других основоположников генетики. Однако, не называя запретных имен, не употребляя самих понятий "ген", "генетика", можно было рассказывать о нуклеиновых кислотах, как носителях наследственной информации; о хромосомах, в которых сосредоточены нуклеиновые кислоты; о синтезе белка, идущего по программе, записанной в нуклеиновых кислотах, и о многом другом, что говорило о торжестве классической генетики и посрамлении "мичуринцев". И я старался использовать каждый случай, чтобы рассказать читателям об этих достижениях, которые в то время были свежей научной сенсацией.

В декабре 1962 года я окончательно порвал со своей инженерной специальностью и стал работать редактором серии "Жизнь замечательных людей" издательства "Молодая гвардия", в которой мне, учитывая мой "профиль", предложили вести раздел биографий ученых.

Заведующий серией ЖЗЛ носился тогда с мыслью поставить издание биографий на научную основу, так, чтобы за обозримый период времени, скажем, за пять лет, дать круг чтения по всей мировой истории. Это означало, что из необозримого моря имен великих людей надо отобрать на первые пять лет 120-150 с таким расчетом, чтобы ими покрывались все основные исторические эпохи, все крупные страны мира (или хотя бы все регионы), все основные области культуры...

При этом, конечно, надо было соблюсти определенный минимум конъюнктурных требований, без чего плач никогда не утвердили бы высшие инстанции. Надо было, чтобы древность не довлела над современностью, чтобы не меньше половины героев будущих книг представляли Россию, а из этой половины — около половины советский период; чтобы революционеров было не меньше, чем писателей, и чтобы до половины революционеров были представителями так называемой "ленинской гвардии".

К счастью, конъюнктурные моменты затрагивали меня меньше, чем других редакторов: раздел ученых в серии ЖЗЛ дальше всех других отстоял от политики. Главное требование, которое предъявлялось мне, состояло в том, чтобы были представлены в плане все основные направления науки: физика, математика, химия, биология, науки о Земле, но такое требование вряд ли можно считать конъюнктурным.

Должен сразу сказать, что из затеи с "научно обоснованным" планом ничего не вышло. Написание полноценной биографии — задача слишком сложная, чтобы "производство" таких книг можно было поставить на поток. Есть темы, на которые найти подходящего автора просто невозможно, другой затянет работу на десять лет.

Однако, когда я пришел в редакцию, составление научного плана шло полным ходом, и мне пришлось включиться в эту работу. Списки ученых разделов науки подготовил мой предшественник, но это было самое простое. Главное состояло в том, чтобы по каждой науке из десятков имен выбрать пять-шесть первоочередных. Произвол должен был быть сведен к минимуму, поэтому мне приходилось консультироваться по каждому разделу с несколькими крупными специалистами, чьи мнения и должны были служить основанием для предпочтения одних имен по сравнению с другими.

При этом, естественно, я показывал специалистам только те разделы плана, которые были близки их специальности. И тут я столкнулся с удивившей меня закономерностью. Почти каждый ученый, которому я показывал "его" раздел плана, непременно спрашивал: почему в списке нет Николая Вавилова?

Я объяснял, что имя Вавилова стоит в списке биологов, а сейчас я хочу получить консультацию в области химии (или математики, медицины — в зависимости от специальности консультанта), но на это я слышал в ответ: "В первую очередь вы должны издать книгу о Николае Ивановиче Вавиллове!".

Особенно памятна мне короткая встреча в Президиуме Академии Наук с академиком-секретарем Отделения наук о Земле Д.И. Щербаковым. Я попал к нему в неудобное время. Он торопился на какое-то неожиданное совещание и не мог уделить мне больше двух-трех минут.

Бегло просмотрев список географов и геологов, Щербаков строго спросил:

— А почему нет Вавилова?

Я ответил, что Вавилов стоит в разделе биологов.

— Почему только биологов? — еще строже спросил Щербаков. — Это крупнейший географ двадцатого века. Он не просто ездил в экзотические страны за редкостями, а теоретически предсказал, где и что можно найти!

Я сказал заведующему редакцией ЖЗЛ, что наша первая задача — сделать книгу о Николае Ивановиче Вавиллове.

Зав. ответил, что против этого не возражает, все дело в том, чтобы найти подходящего автора. У него на примете никого нет.

Несколько дней я провел в библиотеке им. В.И. Ленина, где просмотрел десятка два книг о биологах разных авторов, изданных в последние несколько лет. Одни из них были талантливо, другие — откровенно бездарны. Однако все в большей или меньшей степени восхваляли "мичуринское учение" и его создателя Трофима Денисовича Лысенко. Предложить кому-либо из них написать биографию Вавилова для серии ЖЗЛ было бы просто кощунством.

Это я и сказал заву, прибавив, что знаю только одного человека, которому можно поручить такую работу. Правда, он не писатель. Но он превосходно знает предмет и достаточно хорошо владеет пером, так что никаких сомнений относительно того, что он справится с темой быть не может.

На вопрос, о ком идет речь, я ответил:

— О Жоресе Медведеве.

Объяснять, кто такой Медведев, необходимости не было:

его работа "Культ личности и биологическая наука" широко ходила по рукам, и имя было известно даже тем, кто ее не читал.

Зав. ответил, что предлагаемый мною автор, разумеется, хорош, но руководство издательством не захочет подписать договор с такой одиозной личностью, поэтому обратиться к нему с таким предложением мы не можем.

— В таком случае я попробую написать эту книгу сам, — сказал я в значительной мере неожиданно для самого себя. И видя, что зав. встретил эти слова без энтузиазма, поспешил добавить: "Без договора!"

Зав. ответил, что о договоре не может быть и речи, уже потому, что я штатный работник издательства, а заключать предварительные договоры со своими сотрудниками не принято. А кроме того, я никогда не писал ничего подобного, и у него нет уверенности, что у меня что-нибудь выйдет. Единственное, что он может мне обещать — это "застолбить" за мной тему и считать ее занятой до тех пор, пока я представлю рукопись или сам скажу, что книга не получается.

Условия меня вполне устраивали, и я приступил к работе.

Первоначальным моим намерением было по возможности обойти в книге главный предмет спора между "менделистами-морганистами" и "мичуринцами". Поскольку Вавилов был не только генетик, но растениевод, ботаник, географ, путешественник, то мне казалось возможным подчеркнуть эти стороны его деятельности, оставив в тени "менделизм-морганизм". Именно в таком духе были написаны многие опубликованные к тому времени статьи и очерки о Вавилове, а также книга некоей Ревенковой (Сельхозиздат, 1962), очень слабая в литературном и (как я потом понял) в научном отношении, но излагавшая основные данные о жизни и деятельности Вавилова без всякого упоминания Менделя и Моргана.

Все это было вполне естественно: ведь как "враг народа" Вавилов был официально реабилитирован еще в 1955 году, тогда как "менделизм-морганизм" все еще оставался "реакционной буржуазной лженаукой".

Однако знакомство с трудами самого Вавилова, с чего я, собственно, начал работу над книгой, сразу же показали мне, что Вавилов прежде всего и больше всего — г е н е т и к. Что все его достижения в прикладной ботанике и растениеводстве базируются на классической генетике; что он генетик по всему существу своего мышления, по всей стратегии своего научного поиска. Обойти все это — значило солгать, и не в каких-то второстепенных деталях, а в самом главном. Ради чего же тогда писать книгу?

Либо надо было вовсе отказаться от замысла, либо писать всю правду, не думая заранее о том, что она будет "проходить" через инстанции. То есть писать "в стол", как принято у нас говорить.

Впрочем, не могу сказать, что передо мной всерьез встала проблема выбора. Личность Н.И. Вавилова настолько захватила меня, что ни о каком "либо — либо" речи уже быть не могло.

Около года я писал "в стол", ни о чем постороннем не заботясь и проходя вместе с моим героем по путям познания, по каким сам он шел в пору своего ученичества и построения своих основных научных теорий. Я старался уже в первой части книги прорисовать глубокое различие между умозрительной эволюционной концепцией Ламарка (на которой впоследствии базировался Лысенко) и эволюционной концепцией Дарвина, углубленной и утонченной на основе законов генетики, — на ней базировался Вавилов и другие "менделисты-морганисты". Ученичество Вавилова, выработка им своих научных позиций была удобной сюжетной канвой, на которую я нанизывал "драму идей" вокруг механизмов эволюции, как эта драма разыгрывалась в истории биологии.

Вторая часть книги естественно отводилась основным теоретическим работам самого Вавилова, как базировавшихся на всем предшествовавшем развитии биологии, в особенности важнейшим из них: закону гомологических рядов в наследственной изменчивости и теории центров происхождения культурных растений.

Эти два открытия поставили Вавилова в ряд величайших биологов мира, таких, как Линней, Мендель, Морган, и я старался показать, что во включении его в этот ряд нет никакого преувеличения.

Закон гомологических рядов вводил порядок во внутривидовую изменчивость культурных растений и позволял предсказывать обнаружение в природе вполне определенных, хотя и еще неизвестных науке форм. (Этот закон не случайно сопоставляли с законом Менделеева в химии).

Теория центров происхождения шла еще дальше: она показывала, в каких районах земного шара сосредоточен основной потенциал видов и внутривидового разнообразия культурных растений, то есть где следует искать недостающие формы.

Третья часть книги — ее еще предстояло писать — была посвящена экспедициям Вавилова, в которых он блестяще подтвердил и уточнил свои теоретические концепции, собрал богатейшую в мире коллекцию культурных растений и затем использовал ее для создания теоретических основ селекции.

Четвертая часть должна была повествовать о генетических дискуссиях, аресте и гибели Вавилова.

Так, уже в процессе работы складывался ее общий план.

Был написан первый вариант двух частей, когда произошли события, заставившие меня заново вернуться к вопросу о публикации книги.

В октябре 1964 года был неожиданно снят со всех постов Н.С. Хрущев, причем уже на следующий день стало известно, что одним из пунктов обвинения против него значилась "односторонняя поддержка Т.Д. Лысенко". Тотчас в печати — научной и общей — словно прорвало плотину. Полился целый поток критических статей, в течение двух-трех месяцев камня на камне не оставивший от всего "мичуринского" учения. Говорили, что Лысенко пытался жаловаться самому Косыгину, но тот ему ответил:

— В печати идет дискуссия о биологии. Я слежу за ней с интересом. Вы тоже можете принять в ней участие.

Но без поддержки свыше Лысенко дискутировать не умел.

Вскоре Институт генетики Академии наук, возглавлявшийся Лысенко с 1940 года (то есть со времени ареста Н.И. Вавилова), был закрыт, и вместо него был создан Институт общей генетики во главе с Н.П. Дубининым. Было принято решение о пересмотре программ обучения биологии в школах и вузах. Было сделано и многое другое.

Новое, и уже необратимое закручивание гаек началось в ноябре 1966-го. Но об этом чуть ниже.

Падение Лысенко поставило меня в очень своеобразное положение: моя будущая книга, с первых страниц рассказывающая правду о Менделее, Моргане, основных законах генетики, и уже по одному этому совершенно непроходимая, вдруг превратилась не только в проходимую, но и весьма выигрышную конъюнктурно! Велик был соблазн форсировать ее окончание, тем более, что в воздухе ощущалось: весь этот "либерализм" ненадолго!

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, я, однако, решил продолжать работу как будто ничего не случилось. Но теперь это могло касаться лишь темпов работы и ее углубленности, но не той легкости и свободы, какие я испытывал до тех пор. Сознание, что книга может быть опубликована, автоматически "включило" внутреннего цензора и "выключить" его уже было невозможно. Впереди было самое главное — описание биологических дискуссий, и я понимал, что если в печати допускается критиковать сегодняшнего Лысенко, фальсифицирующего опыты по получению жирномолочной породы скота, то это вовсе не значит, что мне позволят раскрыть всю историю того, как советской страной выращивал Лысенко, как наделил его беспрецедентным могуществом, позволил разгромить науку и помог отправить на эшафот десятки лучших ученых страны.

Материал, имевшийся у меня в руках, оставался взрывоопас-

ным, и это невольно налагало отпечаток на все предыдущие части книги, тем более, что их приходилось постоянно дополнять и перерабатывать, так как от учеников Н.И. Вавилова, с которыми я входил во все более тесный контакт, ко мне стекались документы и воспоминания, касавшиеся и тех периодов, которые уже были описаны.

Так, профессор Н.Р. Иванов передал мне фотокопию обширной переписки Вавилова с его учителем и другом Робертом Эдуардовичем Регелем, который возглавлял в Петрограде Бюро по прикладной ботанике — то самое Бюро, которое после его смерти (в 1921 году) возглавил Вавилов и превратил во Всесоюзный Институт Растениеводства — всемирно известный ВИР.

Все письма из этой пачки оказались интересными, но одно из них особенно поразило меня. Это письмо Регеля, написанное 25 октября 1917 года, через несколько часов после большевистского переворота. В этом письме Регель называет большевиков "даже не политической партией", а "группой сектантов" и негодует против "цвета нашей интеллигенции кадетов", которые позволили "сектантам" совершить этот переворот.

В книге, которая пишется в стол, письмо можно было привести целиком как пример отношения научной интеллигенции к большевикам и их власти. Но при открывшейся возможности опубликовать книгу это было бы безумием. Пришлось процитировать письмо только частично и сопроводить его таким комментарием, который не насторожил бы цензоров.

То же касалось многих писем самого Вавилова, в частности, из Палестины, которую он исследовал в рамках Средиземноморской экспедиции 1926 года. Я привел из этих писем только отрывки, касавшиеся сбора растений, и полностью опустил восторженные высказывания о еврейском национальном очаге и о еврействе, которое "с сумасшедшим энтузиазмом", как он выразился, строит жизнь на своей исторической родине. При той ненависти к Израилю, какой были наспигованы газеты цитировать эти высказывания было невозможно: они бы все равно шли под нож, а заодно могли разбудить антисемитские эмоции будущих рецензентов и цензоров.

При появившейся перспективе на публикацию основная задача первых трех частей книги невольно стала сводиться к тому, чтобы, рассказывая о Вавиллове, рисуя его образ, одновременно подготовить читателя к генетическим дискуссиям и в то же время, — усыпить бдительность цензоров, приучить их к восприятию книги как чисто академической и просветительской, никого не задевающей.

И, разумеется, надо было быть предельно осмотрительным в моем собственном комментировании приводимого материала.

Все, что можно было убрать в подтекст, надо было убрать в подтекст! Приводя, например, письма Н.И. Вавилова к выдающемуся генетику Ф.Г. Добжанскому, в которых Николай Иванович горячо уговаривает этого "невозвращенца" вернуться в СССР, обещая блестящие перспективы научной работы, я внешне демонстрировал "советский патриотизм" Вавилова, предоставляя самому читателю решать, кто был прав в этом споре: затравленный и погибший в тюрьме Вавилов или оставшийся в США Добжанский, которого в случае возвращения ожидала бы точно такая же участь...

И, конечно, наиболее строгой и тщательной самоцензуре была подвергнута заключительная часть книги — начиная с названия. Первоначальное — "Дорога на эшафот" — было заменено более нейтральным — "Битва в пути". Все материалы и документы о биологических дискуссиях, которыми я располагал, были просмотрены сквозь призму самоцензуры. Оставлено было лишь самое необходимое для правильной обрисовки картины.

Я закончил рукопись в ноябре 1966 года.

И как раз в это время сверху было "спущено" решение о "подготовке к празднованию 50-летия Великой Октябрьской Революции". Предстоящий год в этом решении объявлялся "юбилейным" и в связи с этим "рекомендовалось" в "литературе юбилейного года" больше подчеркивать "достижения" советской власти и не акцентировать внимания на имевшихся в прошлом "ошибках".

Сразу же после этого в "Правде", где регулярно печатались статьи о деятелях партии, погибших в период "культы личности", исчезли всякие упоминания о репрессиях. Практически полностью исчезли со страниц печати упоминания о "культе" Сталина и его преступлениях, зато стали подчеркиваться его "заслуги" в годы войны. Заметно приглушеннее стала критика и в адрес Лысенко, чему, как выяснилось, способствовали и некоторые специфические причины. Оказалось, что у Лысенко нашелся новый покровитель, тогдашний советский "президент" Виктор Подгорный, который был его земляком.

Учитывая все это, зав. редакцией сказал мне, что не считает возможным сейчас "соваться к начальству" с моей рукописью"; нужно выждать более благоприятного момента. Я этому был только рад, так как не считал работу законченной. Во-первых, ко мне продолжали стекаться материалы о Вавилове, а во-вторых, мне хотелось хоть немного забыть свой текст, а потом заново пройти по нему пером, что, как понятно каждому, никогда не лишне.

Выжидание подходящего момента длилось весь "юбилейный год". Когда, наконец, он миновал, оказалось, что власти не намерены поворачивать к "доюбилейному" либерализму. "Замораживание"

приняло необратимый характер. Стало ясно, что "подходящего" момента скоро нам не дожидаться. И тогда зав. решил двинуть мою рукопись, к тому времени уже доработанную полностью.

В первую очередь нужен был хоть один положительный и более или менее официальный отзыв, но это не представлялось сложным, так как обязанности председателя Комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова в то время выполнял профессор Ф.Х. Бахтеев, один из самых преданных его учеников.

На протяжении всей моей работы над книгой он деятельно помогал мне, горячо одобрял мою работу и относился ко мне с такой симпатией, что, несмотря на разницу в возрасте, мы стали друзьями. Он и написал рецензию на мою рукопись, заверив ее не только своей подписью и титулом и.о. председателя комиссии, но и какой-то печатью. Эта рецензия послужила основанием для заключения со мной договора и одобрения рукописи.

Зав. редакцией, только теперь прочитав рукопись и поняв всю меру опасности, которая от нее исходит, решил не поручать ее редактирование кому-либо из штатных работников, чтобы не ставить их под удар. Он заключил соглашение с недавно уволившейся сотрудницей на внештатное редактирование. Это означало, что всю полноту ответственности за мою книгу он берет на себя.

Вместе с редактором мы снова прошлись по рукописи. Какие-то места были исключены просто потому, что объем рукописи значительно превышал листаж, отведенный под нее в плане. Но главное было в другом. Заключительная часть книги делала ее совершенно непроходимой в новых условиях. Это понимал редактор, понимал зав. редакцией и отлично понимал я сам. Чем-то надо было жертвовать, и хотя мера жертвы, с моей точки зрения, должна была быть значительно меньшей, чем с точки зрения редактора, мы без труда находили общий язык.

Заключительная часть рукописи усохла почти вдвое, причем изъятию подверглись, естественно, наиболее острые материалы.

Отовсюду было изъято имя Сталина — даже из лысенковских цитат: упоминание этого имени в каком-либо негативном контексте в то время уже полностью исключалось. Полностью был выброшен большой кусок о травле академика Н.К. Кольцова, а также заключительные главы — о разгроме генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

Был изъят рассказ об аресте Вавилова. От всего этого куска осталось в качестве иллюстрации факсимиле последней записки Н.И. Вавилова В.С. Лехновичу. Я надеялся, что вне контекста она не обратит на себя внимания, но не тут-то было: позднее записку изъязл Главлит.

Наконец, пришлось смягчить всю интонацию подачи материала. Хотя я пытался быть предельно сдержанным, но все-таки меня "прорывало".

В таком виде рукопись была сдана в производство, но это не означало, что ей обеспечена дорога к читателю. Позднее в "Молодой гвардии" ввели такой порядок, что все рукописи читаются кем-либо из руководства издательством: директором, главным редактором или его заместителем (для этого число начальников удвоили). До этого после заведующего редакцией начальство в рукописи не влезало, хотя могло заглянуть в верстку. Поэтому, уже после сдачи в производство зав. решил, что наши позиции необходимо укрепить и для этого заручиться рецензией более "сильного" человека, чем Ф.Х. Бахтеев.

После долгих раздумий и колебаний мы решили обратиться к профессору В.Н. Столетову, заведующему кафедрой генетики МГУ и, что было особенно важно, Министру высшего и среднего специального образования РСФСР, то есть высокопоставленному представителю власти.

Обращаться к Столетову было рискованно: он сам еще недавно был активным лысенковцем, благодаря чему и получил свои высокие посты. Однако против Лысенко он стал выступать еще до его падения, почему сохранил эти посты в новой ситуации. Словом, риск выглядел оправданным.

Секретарша без долгих расспросов соединила меня с министром. В ответ на мою просьбу он согласился прочесть мою рукопись и предложил привезти ему ее на следующий день в МГУ, где предстояло заседание кафедры и где я должен был его "поймать".

Я приехал заблаговременно, а сам Столетов опоздал ровно на час. Вся кафедра нервничала, и как только он появился, его обступили с разными вопросами. Я с трудом протиснулся сквозь толпу и назвал себя. Столетов бегло взглянул на меня поверх очков водянистыми глазами, сунул под мышку увесистую папку и заговорил с кем-то другим. Я ушел в уверенности, что он скорее всего забудет где-нибудь рукопись, и уж во всяком случае, будет читать ее месяца четыре — шутка ли: такой занятой человек!

Однако уже через неделю мне позвонили из секретариата В.Н. Столетова и сказали, что Всеволод Николаевич просит меня прийти к нему в министерство такого-то числа в такое-то время, если мне это удобно.

Мне, разумеется, было удобно!

...Разговор со Столетовым продолжался около двух часов. При этом у него был отключен телефон и никто в кабинет не вхо-

дил, за исключением секретарши, которая время от времени, по звонку, приносила жиденький чай в тяжелом граненом стакане. Все время прихлебывая чай, Столетов и вел разговор.

Столетов высказал несколько незначительных замечаний и стал предаваться воспоминаниям о "том трудном времени", которое у меня "изображено верно". Беседу он вел не торопясь, по-доброму, по-стариковски. Ему нравилось, что книга написана "без лишнего нажима". Единственное, что он хотел бы, чтобы я имел в виду — не для исправления рукописи, а для личного сведения, — это что академик Тулайков (который у меня лишь несколько раз упоминается — поэтому и исправлять ничего не надо) сыграл отрицательную роль в науке. Он был наделен большой властью, был вхож в ЦК и пользовался этим для расправы со своими противниками.

Все, что я знал о Тулайкове, свидетельствовало об обратном, однако я вспомнил: о Столетове мне говорили, что он сыграл в свое время какую-то роль в дискредитации Тулайкова и, если не прямо, то косвенно, повинен был в его аресте. Поскольку все это не касалось моей рукописи, я возражать не стал.

Разговор кончился тем, что Столетов обещал в ближайшие дни написать рецензию; как только она будет готова, мне позвонят.

Попрощавшись, я, словно на крыльях, полетел в редакцию. Поддержка министра кое-чего стоила! Кажется, только теперь я стал всерьез верить, что книга может увидеть свет.

Однако прошла неделя, вторая, третья, а никаких сигналов от Столетова не поступало. Зав-редакцией, которого я успел обнадеежить, стал нервничать. К тому же со дня на день могла поступить из типографии корректура, в которую надо было внести те мелкие исправления, о которых говорил Столетов и которые были отмечены в рукописи.

Я сам позвонил Столетову. Он объяснил, что был очень занят, но в ближайшую неделю непременно напишет рецензию.

Через две недели я позвонил снова.

Потом стал звонить каждую неделю...

Надо сказать, что Столетов не избегал разговоров со мной: стоило мне назвать себя, и секретарша тотчас с ним соединяла. Однако дело не двигалось, и все это было неспроста.

Ибо буквально дня через два после столь окрылившего меня разговора со Столетовым, состоялся апрельский пленум ЦК, посвященный "идеологической борьбе на современном этапе". Это был сигнал к резкому усилению закручивания гаек: первая внутриполитическая реакция на события в Чехословакии (ведь шел 1968 год!).

Столетов оказался в щекотливом положении.

С одной стороны, он понимал, что я тесно связан с десятками крупных генетиков, и если он, особенно теперь, после того, как одобрил мою книгу на словах, зарубит ее, это немедленно станет известно всему ученому миру, в котором его репутация и так стояла невысоко. С другой стороны, в случае, если моя книга выйдет и разразится скандал, издательство будет прикрываться его рецензией, и у него могут возникнуть куда большие неприятности, нежели пересуды в среде генетиков. Он решил, очевидно, заволыннить дело.

Однако я был настойчив, и, в конце концов, мне было сказано, что я могу приехать за рукописью и рецензией.

Когда я вошел в приемную, моя толстая папка лежала на столе секретарши. Я взял ее и хотел уйти, но секретарша спросила:

— Вы разве не хотите прочитать отзыв?

Я развязал тесемки и быстро пробежал глазами страничку текста, которую Столетову "некогда" было написать несколько месяцев, после того как ему же недели хватило, чтобы прочитать пяти-сотстраничную рукопись!

В рецензии было четыре абзаца — три за здоровье и один за упокой. В нем говорилось, что я "форсирую драматизм событий" и "заживо хороню живого человека"!

Что касается последнего, то тут, по крайней мере, было ясно, что делать. В конце книги говорилось, что Лысенко пережил свой бесславный конец, тогда как Вавилов продолжает жить после смерти. Жалко убирать это противопоставление, да ведь многим уже пожертвовано!.. Но как быть с "форсированием драматизма"? Тут сколько не убирай, все равно можно будет сказать, что драматизм форсирован!

Завязывая тесемки папки, я уже твердо решил, что рецензия не появится в издательстве. Лучше скажу, что Столетов надул и вернул рукопись без рецензии. Тоже радости мало, но оставляет хоть какой-то шанс. А с такой рецензией книга не выйдет ни при каких обстоятельствах...

Я уже взялся за ручку двери, когда услышал голос секретарши, многое понявшей по моему лицу:

— А вы не хотите поговорить с Всеволодом Николаевичем?

У меня и мысли не было говорить с ним после того, как я прочитал его иезуитский отзыв. Но тут вдруг решил: а почему — нет? Терять мне нечего!

...Пока я пересекал обширный министерский кабинет, Столетов широко улыбался мне ртом, а глаза смотрели поверх очков настороженно и воровато.

— Всеволод Николаевич! — я сразу пошел в атаку. — Что же вы написали? Ведь вы рубите книгу!

— Почему? Почему — рублю? — Руки его суетливо перебирали бумаги на столе. — Я дал положительный отзыв.

— Но вы же пишете, что я форсирую драматизм!

— Да, знаете, в конце там у вас... Как-никак Лысенко жив. Нельзя заживо хоронить человека.

— Хорошо, это место можно исключить. Но ведь у меня потребуют снять всю дискуссию.

— Нет, нет. Я имею в виду только последние страницы. Там как-то слишком мрачно. Вообще у вас тон хороший, правильный, но на последних страницах мрачно. Я понимаю: арест, смерть... Но надо бы как-то помягче.

— Но тогда так и напишите, что речь идет о последних четырех-пяти страницах!

— Хорошо, хорошо, — закивал головой Столетов. — Давайте исправим... Где тут исправить? — и он, щурясь сквозь очки, почти под мою диктовку исправил последний абзац.

Через пять минут бумага была исправлена и заново им подписана. (Однако второй экземпляр первого варианта рецензии я сохранил на память).

На следующий день вся правка была внесена в корректуру, которая уже два или три месяца лежала без движения в редакции, однако проволоочки Столетова обошлись слишком дорого. Уже стояло лето 1968 года, и пока корректура проходила сверку, наступило роковое 21 августа.

Естественно, после оккупации Чехословакии "бдительность" внутри страны была доведена до предела, и редакция захотела получить более надежный заслон, нежели слишком короткая и все же не лишенная двусмысленности рецензия Столетова. Решили пробиваться к академику Н.Н. Семенову, Нобелевскому лауреату, вице-президенту Академии наук, известному тем, что он в трудное время поддерживал генетиков и всегда непримиримо относился к Лысенко.

Однако прямого хода к Семенову найти не удалось. Пришлось действовать через Владимира Владимировича Сахарова, крупного генетика, с чьим мнением, как говорили, считался Семенов.

Сахаров прочел корректуру и в разговоре со мной сказал много приятного. Он обещал показать верстку Семенову и попытаться убедить его прочитать ее или поставить свою подпись под отзывом, доверившись ему, Сахарову.

К сожалению, влияние Сахарова оказалось недостаточным: Семенов поручил ознакомиться с корректурой своему заместителю по Президиуму Академии Ковде.

И снова начались проволочки, как со Столетовым, только с той разницей, что к Ковде дозвониться было невозможно: секретарша спрашивала кто звонит, после чего отвечала, что Ковды нет на месте или что у него совещание.

Потеряв всякую надежду "поймать" его в Президиуме Академии, я позвонил Ковде домой; на мое счастье, он сам подошел к телефону.

Узнав, кто говорит, он тотчас сказал:

— Я прочитал вашу книгу. Она не может быть издана. Сейчас, в свете чехословацких событий, это невозможно.

— Простите! — возразил я. — Но в моей книге ни слова о чехословацких событиях!

— А вот это неправильное заявление. Это полемическое заявление! — ответил мне Ковда.

Я положил трубку, не сказав "до свидания".

Пришлось удовлетвориться теми рецензиями, которые были.

Вторая корректура была уже подписана редакцией в печать, когда книгу захотел прочитать директор издательства В.Н. Ганичев, а, прочитав, понял, что от нее исходит немалая опасность. Рецензии, особенно столетовская, отчасти успокоили его, но все же он сказал, что корректуру надо показать в ЦК. Хорошо еще, что Ганичев был слишком ленив, чтобы самому заниматься этим делом, и у нас оказалась некоторая свобода выбора.

Мы понимали, что надо держаться как можно дальше от Отдела пропаганды. Не лучше был и Сельскохозяйственный отдел, где сидели лысенковцы. Единственная надежда оставалась только на отдел науки, но и в нем биологией занимались два человека: один — со странной фамилией то ли Ожипа, то ли Ожажа — в прошлом тоже лысенковец, а другой — Лев Николаевич Андреев, сравнительно молодой, за которым в прошлом особых грехов не водилось.

Ф.Х. Бахтеев имел с Андреевым какие-то дела и говорил, что тот производит благоприятное впечатление. Он и позвонил Андрееву и объяснил, что речь идет о книге, которую он сам читал и одобрил.

Корректуру Андреев продержал около месяца, после чего принял меня, и мы имели продолжительную беседу. Содержание беседы я помню смутно, однако у меня сохранилась копия моего письма Ганичеву, в котором я точно, по пунктам, излагал все замечания, высказанные мне Андреевым. Вот отрывок из этого письма:

"...хочу напомнить, что верстка моей книги по Вашему указанию была направлена на консультацию в ЦК КПСС, где в отделе науки ее рассматривал тов. Л.Н. Андреев, после чего передал ее на рассмотрение в Сельскохозяйственный отдел ЦК (как же наивно

было намерение, отдавая верстку в один цеховский отдел, обойти другой! — С.Р.). В продолжительной беседе со мной Л.Н. Андреев высказал мне свои замечания и замечания работников сельхозотдела. Замечания сводились к следующему:

1. Изъять из текста приводимые мною косвенные данные об участии Н.И. Вавилова в декабрьском восстании на Пресне в 1905 году, так как в пользу этого факта нет неопровержимых доказательств.

2. Сократить сведения интимного характера в переписке Н.И. Вавилова.

3. Несколько расширить рассказ об его организаторской государственной деятельности.

4. В последней части снять упоминание факта о том, что И.В. Мичурин палкой выгнал Лысенко из своего кабинета, ибо этот факт приводится по свидетельству очевидцев, а не на основе документов, а также смягчить некоторые резкие выражения в адрес Лысенко, ибо некоторые работники на местах продолжают придерживаться его взглядов и перевоспитывать их надо постепенно.

Все эти замечания, а также мелкие замечания, о которых мне не говорил тов. Л.Н. Андреев, но которые есть на полях корректуры, были мною учтены”.

И это все?

Все!

И такова цензура самого ЦК? Да не слишком ли я боюсь собственной смелости? Может быть, в моей книге вообще ничего страшного для них нет!

С такими мыслями я покидал ЦК.

И меня почти не беспокоило, что письменного отзыва Андреев не дал, сказав, что у них это ”не принято”. И я не обратил особого внимания на то, что он подчеркивал несколько раз: он высказывает лишь свое личное мнение и мнение товарищей из Сельскохозяйственного отдела. Замечания я могу принимать или не принимать. Это только пожелания, а не директивы. Я слишком хорошо знал, что у работников ЦК ”личного мнения” не бывает: они говорят только ”от имени и по поручению”.

Вся правка была внесена, дописано страницы две про организаторскую деятельность Вавилова (а об одном этом можно было бы написать книгу!) и корректура отправлена на вторую сверку.

Обычно вторая сверка для редакции если не ЧП, то очень большая неприятность, так как с ней связаны сверхплановые расходы. Но в данном случае это была такая мелочь, на которую не следовало обращать внимания.

Я ликовал, зав. редакцией был доволен, а Ганичев окончательно успокоился.

Корректуру подписали в печать. С главлитом я приготовился драться, опираясь на авторитет ЦК, однако и там все прошло гладко: сняли только факсимиле записки Вавилова Лехновичу, написанной в момент ареста, о чем я уже упоминал, а также в основных датах жизни и деятельности Вавилова — последнее упоминание о том, что он умер в заключении. При всей невозможности сказать об этом в основном тексте, я надеялся, что простое упоминание проскочит хоть здесь. Не вышло...

27 декабря в редакцию принесли на подпись два сигнальных экземпляра.

Книга, которой было отдано пять лет тяжелой работы, с которой связано было столько треволнений, которую с нетерпением ждал не только я, но и десятки людей, помогавших мне в работе и переживавших вместе со мной все перипетии ее "прохождения", — вот она, я держу ее в руках! Какой великолепный подарок к Новому году! Какой подарок ко дню рождения моей матери.

Сигнальные экземпляры были подписаны и отнесены в главную редакцию, а я побежал в производственный отдел и выпросил один экземпляр для себя, чтобы в тот же день показать его дома.

Если бы я знал, каким драгоценным окажется этот экземпляр уже через несколько дней!

Гроза разразилась третьего января.

Началась она с того, что зав. редакцией вошел в комнату и, набычившись, в упор глядя на меня, спросил:

— Это верно, что ты использовал неопубликованные материалы Жореса Медведева?

Я ответил, что использовал разные материалы, опубликованные и неопубликованные, и поскольку моя тема близка к теме Жореса Медведева, то возможно, что некоторые материалы совпадают. Во всяком случае, рукописью Медведева я не пользовался. Сам он в курсе моей работы и никаких претензий мне не высказывал.

— Я так и думал, — ответил зав. уже другим тоном. — Однако тебя обвиняют в том, что ты контрабандой протасил запрещенные материалы Медведева. Ганичева вызывают в ЦК. Отнеси ему рецензии.

Со всеми материалами я пошел к директору.

Он уже стоял в пальто. Я отдал ему обе рецензии и корректуру, побывавшую в ЦК; объяснил еще раз, кто такие Бахтеев, Столетов и Андреев. Выслушав меня, он кивнул и уверенно сказал:

— Отобьемся! Когда вернусь, я вас позову.

Вернулся он через два часа, но меня не позвал. К концу дня я сам зашел к нему. Он сидел за своим столом весь красный, потерянный, жалкий.

Потом я узнал, что его вызывал "на ковер" сам Севрук, куратор издательства от Отдела пропаганды. Он кричал, топал ногами и требовал ни в коем случае не выпускать книгу. У Ганичева не повернулся язык сказать, что весь тираж ее (сто тысяч экземпляров) уже отпечатан, а часть даже отправлена в Книготорг.

Не зная еще ничего этого, я спросил:

— Валерий Николаевич! Что сказали в ЦК?

— Оказывается еще в январе (то есть год назад — С.Р.) было принято решение прекратить критику Лысенко. К сожалению, я этого не знал.

Я так и сел перед ним... Лысенко снова поставлен вне критики? Все возвращается на круги своя?! Книга, конечно, погибла, но это уже пустяк, если шарлатанство снова будет господствовать в целой науке!

— Вот! — Ганичев протянул мне экземпляр книги с торчащими из нее закладками. — Можете ознакомиться.

Еще на ходу, поднимаясь по лестнице с четвертого этажа на пятый, я стал просматривать "высочайшие" замечания.

Прежде всего поразился их убогости.

Всего в книге (разумеется, в последней части) отмечено синим карандашом шестнадцать мест. Почти все пометки стояли там, где упоминалось имя Лысенко... Но ведь в книге это имя упоминалось гораздо больше, сотню, а то и две сотни раз! Почему отчерчены именно эти шестнадцать? Может быть, здесь это имя сопровождается особенно "сильными" выражениями? Оказалось, ничего подобного. Часто рядом, на тех же страницах, имя Лысенко стояло в более негативном контексте!

Было очевидно, что "высочайший" цензор лишь бегло пролистал книгу и черкнул там и сям без всякого разбора. Вот как делается дело в лучезарной советской действительности! Пять лет работы, труд рецензентов, редакторов, типографии, все коту под хвост только потому, что где-то ступенькой выше кто-то кисло поморщился! "Мы с ними играем в шахматы, а они с нами в домино", — как любил повторять один мой товарищ.

Я заново прокрутил в голове разговор с Ганичевым, который, между прочим, ни словом не упомянул о мнимом "плагиате" у Жореса Медведева, зато сослался на какое-то секретное решение ЦК годичной давности, и мне вдруг стало понятно, что это блеф! Его

просто запугали в ЦК мнимым постановлением те, кто, может быть, и хотел бы, чтобы оно было принято, да провести его бессильны!

В самом деле, как могло быть, чтобы существовало пусть сверхсекретное постановление, прямо касающееся печати, а об этом не подозревали не только такие рядовые работники как я, но и мой зав. и даже директор крупнейшего издательства? И как мог не знать об этом Главлит? И как мог не знать Столетов и работник аппарата ЦК Андреев?

Да и наконец, в самое последнее время, уже после января предыдущего года, мне попадались в печати статьи с критикой Лысенко. Академик Н.Н. Семенов даже в "Коммунисте" писал, что Лысенко и Презент "стремились к диктату в науке". Не мог же "Коммунист" печатать статью вразрез с только что принятым постановлением ЦК. Очевидно, что никакого постановления нет, а есть донос на мою книгу и ему дан ход! Но от кого? От Лысенко и его людей? Но ведь книга еще не поступила в продажу! Ее еще никто не видел!

Позднее, от одного бывшего ученика Лысенко, который давно порвал со своим учителем, но сохранил связи в близких к нему кругах, мне стала известна технология этого дела. Я еще раньше знал, что библиотекой Министерства сельского хозяйства заведовала жена доцента МГУ Фейгсона, одного из самых непримиримых противников "формальной" генетики и преданного последователя Лысенко, почти единственного, кто сохранил ему верность после его падения. Однако я не знал, что эта чисто ведомственная библиотека включена в список тех, которые первыми получают сигнальные экземпляры выходящих в стране книг (эта — по вопросам, связанным с сельским хозяйством).

Сигнальные экземпляры, еще до выхода книги по особому списку, направляются в ЦК, КГБ, Книжную палату, Библиотеку им. Ленина и т.п. И вот мадам Фейгсон, получив в числе первых сигнальный экземпляр, тотчас оттащила его мужу, тот — Лысенко, и они вместе сварганили донос, в котором, вероятно, говорилось и о Жоресе Медведеве.

К сожалению, я об этом узнал лишь через несколько месяцев, а в тот момент ощущение было такое, что против меня действует какая-то иррациональная сила, невидимая и неуловимая.

Прежде всего, я решил позвонить Андрееву: он давал добро на книгу и должен если не помочь, то объяснить, что происходит. Однако Андреев был предельно сух и немногословен:

- В вашей книге нашли идеологические ошибки.
- Но вы же ее одобрили!
- Вы не учли часть моих замечаний.

— Каких же? У меня имеется корректура с вашими пометками, все замечания учтены.

— Ну, я не знаю, я книги еще не видел. Этим занимается отдел пропаганды, у нас не принято вмешиваться в дела другого отдела.

Все это говорилось вяло, нехотя, сквозь зубы; Андреев давал понять, что если я вздумаю на него ссылаться, он от всего отопрется.

Пришлось действовать по китайскому принципу "опоры на собственные силы". Я поехал в Институт истории естествознания и техники, к моему давнему, хотя и не близкому знакомому, заместителю директора С.Р. Микулинскому. Тот посадил меня в институтскую машину и отвез домой к директору Института академику Б.М. Кедрову, которому я оставил книгу. На следующее утро Кедров вручил мне подробный защитительный отзыв, напечатанный на бумаге с его личным бланком. Но отзыв был адресован не в ЦК, а директору издательства...

Со своей стороны, я тоже написал Ганичеву подробное письмо на 26 страницах, в котором подробно разобрал все 16 "замечаний" Цековского цензора, а кроме того, показал абсурдность утверждения о каком-то постановлении, запрещающем критиковать Лысенко.

Не получив никакого ответа, я написал еще одну записку, в которой сопоставил мою книгу с только что вышедшей книгой Ивана Фролова "Генетика и диалектика", в которой Лысенко и его сторонники (даже всесильный философ академик Митин) подвергались такой же острой критике, как и у меня.

Но Ганичев мне объяснил, что все это ровным счетом ничего не значит: книга Фролова научная, ее тираж 14 тысяч, она для специалистов. А моя книга дает живые образы, стотысячный тираж прочтут миллионы.

Однако вскоре выяснилось, что моя книга остановлена не полностью. Отправленные в Книготорг с самого начала 10 тысяч экземпляров решено было не изымать. То ли в ЦК не разобрались, что изъять ее проще простого, так как она еще не расплзлась по книготорговой сети и лежала в одном месте на складе, то ли работники книготорга решили спасти книгу и "запудрили" мозги высшим инстанциям, только поступило указание отправить ее подальше от Москвы и распродать в сети Райпотребсоюза, чтобы она разошлась по деревням и не попала в крупные города. (Говорили, что это Соломоново решение исходило от самого Суслова).

Ситуация осложнялась тем, что "покатили бочку" на зав. редакцией. После "крупного разговора" с Ганичевым ему предложили уйти "по собственному желанию". Он кинулся в ЦК, где имел покровителей, обошел одиннадцать кабинетов, но поддержки никто не обе-

шал. Все было предопределено заранее. Ему "шили" "идеологически вредную линию", что, в частности, выражалось в издании биографии Чаадаева, написанной А. Лебедевым, Брехта — Л. Копелева и, разумеется, моего "Вавилова". На самом же деле "вредная линия" состояла лишь в том, чтобы в допустимых рамках восстанавливать историческую правду в противовес той лжи, которая производилась миллионными тиражами в сталинскую эпоху.

Понимая, что именно моя книга стала последней каплей, я ходил к начальству и предлагал в качестве жертвы себя вместо зава, но мне ответили, что я тут ни при чем. Если я хочу уйти, меня держать не будут, но зава это не выручит. Таковы парадоксы бюрократической системы: мою книгу признали вредной, но административно страдать должен был не я, автор, а зав. редакцией.

Прошло несколько месяцев, ажиотаж спал, и о том, что книгу надо полностью уничтожить, уже не говорили. Письменного распоряжения на этот счет так и не поступило, а без этого нельзя было списать колоссальные затраты. Дело явно спускали на тормозах, чему, я думаю, способствовали два обстоятельства. Во-первых, история гонений на биографию Вавилова стала известна на Западе, о ней говорили радиоголоса (а теперь она даже попала в диссертацию о жизни и деятельности Вавилова, успешно защищенную в Техасском университете американским историком генетики Барри Менделем Козном). И второе. Наметившаяся стабилизация положения в Чехословакии и ослабление протестов против вторжения в нее советских войск со стороны быстро привыкающего к подобным акциям Запада показали кремлевским руководителям, что настало время выступить с "мирными" инициативами. В этих условиях дразнить общественное мнение такой мелочью, как гонение на мою книгу, было бы "неполитично".

В конце концов что-то пронюхав наверху, Ганичев решил книгу выпускать, но при этом внести в нее хоть какие-то изменения, чтобы отрапортовать, что "ошибки" исправлены. При этом под "ошибками" разумелись те шестнадцать мест, отчеркнутых цеховским карандашом.

Как я уже указывал, устранение всех шестнадцати мест ничего не изменило в книге по существу. Однако я выяснил в типографии, что если исправить все эти места, то потребуется заново набирать и печатать шесть печатных листов (целую небольшую книжку!); если же ограничиться только частью пометок, сосредоточенных на последних тридцати страницах, придется перепечатывать только два листа. Когда играешь в домино, надо громче стучать костяшками, а не задумывать хитроумные комбинации на много ходов впе-

ред. Исходя из этого, я предложил Ганичеву подойти к "идеологическим ошибкам" арифметически, и он кивком головы согласился со мной.

Два печатных листа заново прошли весь издательский цикл: набор, верстку, сверку, подписание в печать, визирование Главлитом. 90 тысяч экземпляров первого варианта этих двух листов были пущены под нож и заменены новыми. Книгу, наконец, сброшюровали и отправили в Книготорг. Исчезала она в магазинах с такой быстротой, что мне ни разу не удалось увидеть ее в продаже.

Книга, представляющая, в сущности, второе издание, вышла под первоначальной обложкой и с первоначальными выходными данными — обычный воровской прием, запутывающий следы.

Однако тайну сохранить не удалось. Жорес Медведев тщательно сверил два варианта книги и подсчитал, что в общей сложности было заменено полторы страницы текста. Он звонил в типографию и выяснил, что "операция" обошлась издательству в 27 тысяч рублей, поглотив всю запланированную прибыль. По радиоголосам прозвучала саркастическая заметка Медведева, заканчивавшаяся словами:

— Вот сколько стоят полторы страницы правды.

Книга вышла, о ней стали появляться отзывы в печати, весьма лестные для меня. Я получал сотни писем от читателей, в основном, от научных работников, многие из которых знали Вавилова и сами пострадали от лысенковщины. Мое авторское самолюбие могло быть удовлетворено.

Но все же я знал, что эта книга — только паллиатив. Что когда-нибудь я опубликую первоначальный вариант моей рукописи о борьбе Вавилова и Лысенко.

Теперь это осуществилось.

Для наглядности книга набрана двумя шрифтами: обычным — все то, что было в моей ЖЗЛовской книге (в ее первом "сосланном" варианте), а все, что было выкинуто на разных стадиях прохождения рукописи — набрано курсивом.

Сем. Решин

Март, 1983
Нью-Йорк

Н.И. Вавилов в своем кабинете. 1939 год.

1.

На высокогорных плато Анд Вавилов встретил свое сорокопятилетие.* Весна жизни уже миновала, но осень была еще далеко впереди. Со знакомым уже нетерпением возвращаясь домой и мысленно представляя себе свинцовую тяжесть невиской воды, острый шпиль Адмиралтейства и открывающуюся из высоких окон его кабинета тихую набережную Мойки, он думал, должно быть, и о том, что не зря мотался по свету эти годы, что земной шар приведен в порядок, и только Индия, ключи от которой хранятся в лондонских сейфах,** пока недоступна ему. Он строил, вероятно, хитроумные планы взятия и этого бастиона, меньше всего подозревая о том, что возвращается из последней заграничной поездки, что не только тропические леса Индии, но и шумные города Европы уже отгорожены от него невидимой, как вата, мягкой, и оттого совершенно непробиваемой стеной...

Бывают события, совпадение которых нельзя считать случайным...

В то время, как вокруг Николая Вавилова сжималось кольцо недоверия, на горизонте биологической науки поднималась новая звезда. Ни звезда самого Вавилова, ни звезды ученых младшего поколения не поднимались столь стремительно и не разгорались так ярко, как звезда Трофима Денисовича Лысенко...

* Последняя зарубежная экспедиция Н.И. Вавилова — по странам Южной Америки, где расположен один из открытых Вавиловым Центров происхождения культурных растений, — состоялась в 1932-1933 годах.

** Как к "красному", к Вавилову с подозрением относились официальные лица западных стран, что нередко служило препятствием для получения им въездных виз, особенно в колонии.

Когда Вавилов в первый раз услышал это имя? Можно определить достаточно точно. В конце лета 1927 года, когда Вавилов вернулся из средиземноморской экспедиции, о Лысенко уже говорили.

Вавилов, естественно, захотел прочесть труды молодого ученого. И к удивлению своему, узнал, что читать нечего. Потому что Лысенко еще ничего не опубликовал о своих исследованиях.*

Но можно было прочесть о самом Лысенко: в "Правде" был напечатан очерк журналиста Виталия Федоровича.

Беря в руки газету, Вавилов, вероятно, с беспокойством подумал, что преждевременные авансы могут вскружить голову начинающему исследователю. Но, конечно, с любопытством стал знакомиться с молодым коллегой. В. Федорович писал, что "если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли, — дай бог ему здоровья, унылого он вида человек. И на слово скупой и на лицо незначительный, — только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто, по крайней мере, собрался он кого-нибудь укокать".

Но по первому впечатлению, к тому же не своему собственному, Вавилов о Лысенко судить не хотел. Понять же что-либо о сути его работ по очерку было невозможно. Журналист и сам признавался, что ничего не понял. Но он определенно заявлял, что "босоногий профессор" "решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрительных и минеральных туков, озеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи и крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день".

В очерке говорилось, что Лысенко работает с бобовыми. Вавилов попросил заведующего отделением бобовых культур Леонида Ипатьевича Говорова** командировать в Ганджу*** одного из своих сотрудников, и туда был послан молодой ученый Николай Родионович Иванов.****

* В активе Лысенко к тому времени были две небольшие работы реферативного характера, которые он выполнил еще студентом.

** Л.И. Говоров — один из ближайших сотрудников Н.И. Вавилова, крупнейший специалист по бобовым культурам. Был арестован вскоре после ареста Вавилова и погиб в заключении в 1941 году.

*** Ганджа — город в Азербайджане, позднее переименован в Кировабад.

**** Профессор Н.Р. Иванов — крупнейший специалист по бобовым культурам. Многие годы жизни отдал собиранию научного и литературного наследства Н.И. Вавилова, издал наиболее полную библиографию работ Н.И. Вавилова и литературы о нем (вышла в свет в 1978 году, уже после смерти составителя).

Лысенко радушно встретил посланца ВИРа. Уговорил остаться у себя — в маленькой, скупо обставленной комнатухе. Уступил гостю единственную кровать. Сам улегся на полу.

Нет, Трофим Лысенко не вызвал в Иванове ощущения зубной боли. Не показался скупым на слово и лицом незначительным.

Наоборот! Он без конца говорил о своих работах, волновался, спешил, будто боялся, что гость уедет, не дослушав. Худощавое лицо его сияло. Глаза горели. Весь облик выражал решимость и волю.

А рассказывал Лысенко примерно следующее (цитируем по его статье "Мой путь в науку"):

"Начав работу в октябре-ноябре 1925 года, я быстро заметил, что в Кировабадской долине осень и зима несравненно мягче, чем на Украине, где я родился и вырос. Как-то сама собой возникла мысль: почему бы не выращивать здесь в осенне-зимний и ранневесенний периоды года какие-либо культурные бобовые растения для удобрения почвы? Эта мысль захватила меня, и поздней осенью 1925 года я высеял в поле набор бобовых растений.

В начале весны некоторые сорта гороха дали довольно большую зеленую массу, которую можно было убирать для силоса или запахивать как удобрение. Выявилось любопытное обстоятельство: некоторые сорта, которые я считал значительно более ранними по сравнению с другими, оказались более поздними, и, наоборот, некоторые из поздних оказались наиболее ранними. Думая об этом обстоятельстве, я впервые понял, что не все положения старых учебников бесспорны".

Последнее признание — а оно не раз проскальзывало в рассказах Лысенко — выглядело странным в устах ученого. О каком продвижении науки вперед можно говорить, если считать бесспорными все положения старых учебников?

Но Н.Р. Иванов видел, что Лысенко не ученый в точном смысле этого слова. В противном случае, наткнувшись на новое, как ему казалось, поведение сортов гороха, он обратился бы не к старым учебникам, а к новейшим трудам по изменчивости растений. Достаточно было ему заглянуть хотя бы в работы Н.И. Вавилова или его сотрудников о результатах географических опытов, чтобы убедиться, что сильная изменчивость сортов, выращиваемых в разных условиях внешней среды, уже установлена наукой. Лысенко мог бы прочесть, что многие поздние на юге сорта с продвижением к северу превращаются в ранние и наоборот...

Лысенко же, забыв, а вернее, просто не задумываясь над тем, что наука не стоит на месте, не дал себе труда полюбопытствовать, что установлено учеными с тех пор, как были написаны "старые учебники". Вместо этого он поспешил с новыми экспериментами.

”Начались опыты со сроками посева (цитируем по той же статье — С.Р.). Был взят набор разных сортов сельскохозяйственных культур (зерновые хлеба, бобовые, хлопчатник). Пользуясь условиями полевого хозяйства, мягкой и почти безморозной зимой, я на протяжении двух лет, через каждые 10 дней высевал набор этих сортов. Опыты окончательно убедили меня в том, что раннеспелость или позднеспелость сорта нельзя оценивать вне условий посева”.

Особенно поразило Лысенко, что посеянные зимой или ранней весной озимые сорта выколашиваются в один год, то есть ведут себя как яровые.

Лысенко решил, что сделал великое открытие. Он понятия не имел об опытах по холодному проращиванию, которые уже несколько лет вел в отделе физиологии ВИРа профессор Н.А. Максимов, как не знал и о том, что еще раньше это явление всесторонне исследовал немецкий физиолог Гаснер.

Впрочем, незнание в данном случае помогло Лысенко. Он вынужден был идти своим путем, разработал свой метод. Высевая одни и те же сорта в разные сроки, он воздействовал на них не просто низкими температурами, что делали Гаснер и Максимов в лаборатории, но определенным п е р и о д о м низких температур. Растения каждого сорта развивались при низких температурах и несколько дней (если они были посеяны поздней весной), и несколько месяцев (если они были посеяны осенью или зимой). Вот это и позволило Лысенко установить нечто такое, что было действительно новым в науке.

Оказалось, что каждому сорту необходим свой, особый п е р и о д ”яровизации”.

При этом для ранних яровых сортов этот период не превышал нескольких дней, для поздних озимых же был близок к двум месяцам. Отсюда, между прочим, становилось ясно, почему Н.А. Максиму удавалось ”яровизировать” одни сорта и не удавалось ”яровизировать” другие: этим другим сортам требовался более долгий срок яровизации, чем давал ученый.

С противоречивыми мыслями вернулся Н.Р. Иванов из Ганджи. Вавилову рассказал, что столкнулся с экспериментатором смелым и безусловно талантливым, но малообразованным и крайне самолюбивым человеком, считающим себя новым мессией биологической науки.

Профессор Н.Р. Иванов вспоминает, что Вавилов подробно расспросил о всех деталях работы Лысенко, а под конец задумался. Если бы знать, какие мысли проносились тогда в его голове! Может быть, вспоминались свои первые опыты? Ведь скрещивая на

делянках Петровки иммунные сорта с пораженными, он получил такую пеструю картину расщепления, что усомнился в правильности законов Менделя! Разве не екнуло тогда его сердце в предвкушении великого открытия? И разве не показался он себе на миг новым мессией? Так, может быть, с Лысенко происходит то же самое? Может быть, через эту болезнь проходят многие начинающие исследователи? У Лысенко болезнь затянулась — наверное, потому, что он не прошел настоящую научную школу, какую довелось пройти ему, Вавилову. Но в этом не вина молодого ученого, а беда...

Право же, очень возможно, что именно об этом думал Вавилов, выслушав рассказ вернувшегося из Ганджи посланца.

— Какие у вас соображения? — спросил он наконец, как бы очнувшись от задумчивости.

Готовый к такому вопросу, Н.Р. Иванов ответил:

— Мне кажется, Лысенко надо пригласить в ВИР и выделить ему лабораторию в отделе физиологии. Только сначала его придется обучить языкам и вообще привить вкус к чтению научной литературы...

На созванном небольшом совещании Вавилов попросил Н.Р. Иванова повторить свой рассказ и энергично поддержал его предложение. Все лучшее и талантливое должно быть сосредоточено в ВИРе, доказывал Вавилов, особенно такие люди, как Лысенко, который без должного руководства, вне атмосферы строгой научной критики может сойти с правильного пути.

Собравшиеся были согласны с Вавиловым, но неожиданно выступил против профессор Н.А. Максимов.

Можно ли пригласить в ВИР, говорил он, человека, не ориентирующегося в литературе? Да и работает Лысенко не чисто. Строгим лабораторным опытам предпочитает полевые, а на их результаты влияют трудноучитываемые погодные условия. К тому же он самолюбив и вряд ли захочет переучиваться. И потом, где это видно, чтобы в крупнейшем институте создавали лабораторию для человека, почти не имеющего печатных работ?..

Да, профессор Максимов выставил веские аргументы. И все же у собравшихся закралось подозрение — не руководит ли Максимов ревнивое чувство? Ведь Лысенко, хоть и ненамного, обошел его в решении вопроса, которым сам Максимов занимался уже несколько лет.

Вероятно, и Вавилов не мог отделаться от такого подозрения, и не умея его прямо высказать, стал горячиться и скоро закрыл совещание. Потом еще дважды собирал руководящих работников института по этому же вопросу, но профессор Максимов и особен-

но его жена Т.А. Красносельская-Максимова оставались непреклонны.

Кто знает, если бы Вавилов настоял на своем, быть может, его судьба и судьба всей нашей биологической науки сложились бы по-другому. Но это можно предположить лишь сегодня. А тогда пригласить в институт Лысенко — значило внести разлад в спаянный институтский коллектив. Короче, в ВИР Лысенко не пригласили.

Наконец вышла книга Лысенко. Объемистый труд — около двухсот страниц. В книге, однако, не нашлось места для списка использованной литературы.

И хотя в тексте Лысенко ссылается на некоторые источники, ссылки эти по большей части случайны. Он ни разу не упоминает основных работ, предшествовавших его собственной, — Гаснера и Максимова.

Однако Лысенко в своей книге впервые формулирует теорию стадийного развития растений, согласно которой развитие растения и его рост не одно и то же и развитие складывается из нескольких последовательно сменяющихся стадий, причем последующая стадия не может начаться, пока не кончилась предыдущая, и для прохождения каждой стадии требуются особые, строго специфические условия внешней среды. Так, озимым хлебам для прохождения стадии яровизации необходим продолжительный период низких температур, и если растение его не получило (при весеннем посеве), оно будет расти, куститься, но не сможет перейти в стадию цветения и плодоношения.

Выводы Лысенко были интересными, хотя многим ученым казались далеко не бесспорными. Впрочем, сам Лысенко в предисловии к своему труду предупреждал о его предварительности и обещал "остальную часть опытов" опубликовать в ближайшее время.

3.

В январе 1929 года в Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. На съезд съехалось полторы тысячи научных работников — от крупных самостоятельных исследователей до начинающих. Полторы тысячи! А ведь Вавилов помнил то время, когда всех русских селекционеров можно было пересчитать по пальцам.

Съезд прошел с большим успехом. Присутствие зарубежных ученых придало ему международный характер. Труды съезда составили три внушительных тома, причем многие из них стали заметной вехой в развитии биологической науки. Таков, в частности, доклад Н.А. Максимова, в котором подводились итоги работ по холодному проращиванию растений...

Одним из участников съезда был и молодой специалист из Ганджи, Т.Д. Лысенко. Естественно было ожидать, что в своем сообщении он приведет обещанные экспериментальные факты. Но доклад Лысенко состоял в основном из уже известных по его книге выводов, экспериментально же был подтвержден слабо.

Не удивительно, что это сообщение прошло почти незамеченным. По нему выступил только профессор Н.А. Максимов, который покритиковал молодого коллегу за излишнюю категоричность в выводах и в то же время отметил совпадение его экспериментальных данных со своими собственными.

Профессор Н.Р. Иванов вспоминает, что Н.А. Максимов считал доклад Лысенко настолько слабым, что при предварительном обсуждении как член оргкомитета съезда предлагал его вообще в повестку дня не ставить. На том, чтобы сообщение Лысенко было заслушано, настоял председатель оргкомитета Н.И. Вавилов, который сказал, что хотя доклад слаб, но оригинален, и молодому ученому будет полезно присутствовать на съезде.

4.

Как выяснилось впоследствии, Лысенко решил, что "профессора" умышленно замолчали его работу, так как они отлично поняли ее революционный характер, поняли, что она перечеркивает их собственные достижения.

Он покидал съезд, полный решимости бороться и победить.

План созрел быстро и, завернув на обратном пути в родную деревню Карловку на Полтавщине, Лысенко обсудил его со своим отцом, крестьянином Денисом Лысенко.

Еще полгода прошло в ожидании. А потом...

Цитируем по одной из заметок, появившихся в газетах осенью 1929 года:

"10 июля сего года в Наркомзем УССР пришел крестьянин Лысенко с прекрасными образцами вызревшей о з и м о й пшеницы, посеянной им 1 м а я семенами, приготовленными по способу сына. 12—13 июля комиссия Наркомзема УССР на месте убедилась в необычайных результатах опыта крестьянина Лысенко и привезла в Харьков* образцы посевов. Комиссия установила путем осмотра посевов на месте, опроса местного населения, агрономов и самого Лысенко следующее: в крестьянском хозяйстве Д. Лысенко в течение трех последних лет высевалась озимая пшеница украинка обыкновенным способом. На четвертый год, в февралье, Лысен-

* Тогда еще столица Украины.

ко задумал посеять украинку по способу сына. Для этого он у себя в хате намочил в тепловатой воде около полцентнера семян украинки, продержал их в воде сутки, и, когда только-только обозначился зародыш (семена "наклюнулись"), он собрал их в два мешка, завязал, вынес на огород, положил на заранее расчищенную площадку, разложив семена в мешках так, что они легли ровным пластом толщиной около 15 см. Затем он хорошо укрыл мешки с семенами снегом и держал их так до весны. Весною, когда снег стал таять, старик прикрыл снег на мешках соломою, чтобы сохранить низкую температуру до посева. 1 мая 1929 года во время разгара посева ранних яровых культур он отрыл семена из-под снега и в тот же день посеял их в поле, а тут же рядом посеял и яровую пшеницу. Результаты следующие: озимая пшеница "украинка", посеянная по методу Лысенко весною, росла совершенно нормально и дала урожай более двух с половиной тонн с гектара, яровая же пшеница, посеянная одновременно и рядом с озимой, легла от июньских дождей и дала урожай вдвое меньший. Приблизительно такие же результаты получил Д. Лысенко от посева этой же весною по такому же способу озимого ячменя".

Указание на какие-то сведения, полученные комиссией Наркомзема Украины от местного населения и агрономов, приведено, вероятно, для пуццей убедительности. Опыт, по настоянию сына, старик Лысенко проводил в строжайшей тайне, и комиссии ничего не оставалось, как принять на веру его версию. Но факт оставался налицо: озимая пшеница, высеянная после предварительной обработки весной выколосилась в один год и дала 24 центнера с гектара.

Трофима Лысенко немедленно пригласили возглавить в Одесском селекционно-генетическом институте отдел физиологии растений.

Опыт в хозяйстве Дениса Лысенко выглядел, конечно, эффективно. Озимые культуры обычно урожайнее, чем яровые. Поэтому во многих районах, особенно засушливых, сеют озимую пшеницу, несмотря на опасность ее гибели в случае неблагоприятной зимы. Как раз в 1927 и 1928 годах наблюдалась массовая гибель озимых посевов, из-за чего интерес к опыту Дениса Лысенко был особенно сильным. Ведь из него следовало, что озимые после несложной обработки можно сеять весной!

Когда Трофим Лысенко доложил об этом на совещании опытников при Наркомземе УССР и призвал поскорее внедрить "яровизацию" в практику, тут же нашлось немало энтузиастов, готовых приняться за дело.

Иначе восприняли "новое открытие" ученые. Они-то знали, что эффектность — плохое мерило достоверности и что один-единственный опыт, к тому же не задокументированный, еще ни о чем не говорит. Когда газета "Социалистическое земледелие" обратилась к пяти крупным ученым с просьбой высказаться по поводу "яровизации", они, оценив положительно постановку проблемы, советовали всесторонне исследовать вопрос, прежде чем вводить новый агроприем в практику. Академик Н.М. Тулайков,* который еще в 1927 году, будучи в Гандже, познакомился с работами Лысенко и относился к ним благожелательно, предупредил, например, что в условиях засушливого юго-востока яровизация озимых вряд ли приемлема. Тулайков объяснил, что здесь сеют преимущественно озимые потому, что, взойдя осенью и тронувшись в дальнейший рост ранней весной, они успевают использовать накопившуюся в почве влагу и лучше яровых противостоят засухе. При весеннем посеве яровизированных озимых мы хотя и гарантированы от их гибели в случае неблагоприятной зимы, но теряем все их преимущества перед яровыми в борьбе с засухой.

С ответом выступил сам Лысенко. Он обвинил своих оппонентов в том, что они умышленно извращают его предложение. Агрессивная по тону статья на деле была шагом к отступлению. Лысенко утверждал, что никогда не предлагал яровизировать озимые, что надо яровизировать яровые, тем самым сократить срок их вегетации и помочь им уйти от вероятного суховея.

Но скоро в той же газете появилась статья, удивительная по резкости и безапелляционности тона. В ней, например, говорилось:

"Мы привыкли думать, что каждый ученый, высказываясь в прессе по тому или иному вопросу, прежде всего отдает себе труд надлежащим образом ознакомиться с существом вопроса, а затем уже дает свое суждение. К сожалению, приходится констатировать, что не всегда так бывает и что в данном случае надлежащее знакомство с работами Т. Лысенко имеет место из высказавшихся только у академика Сапегина и менее всего такое знакомство, к сожалению, приходится отметить у проф. П. Лисицына!"

Под статьей стояла подпись: "НАРКОМЗЕМ УКРАИНЫ".

Меру знакомства каждого из высказавшихся ученых автор статьи определял очень просто. Академик Сапегин наиболее высоко оценил работу Лысенко — значит, у него "надлежащее знакомство" "имело место"; профессор Лисицын же отозвался о работах Лысен-

* Академик Н.М. Тулайков, выдающийся ученый-агроном. Погиб в заключении в 1938 году.

ко крайне сдержанно — значит, "такое знакомство" "приходится отметить" "менее всего".

Суть же была в том, что поддержав с излишней поспешностью работы Лысенко, НАРКОМАТ теперь отстаивал честь мундира, доказывал, что все в этих работах правильно и крайне необходимо сельскому хозяйству страны...

Вскоре у Лысенко нашелся еще более могущественный покровитель — нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев.

Не то, чтобы он был убежден, что наука ничего не дает сельскохозяйственной практике. Надо было быть слепым, чтобы не видеть, как постепенно входят в производство новые сорта, вывозимые со всего мира ВИРОм или выводимые многими селекционерами. А Яковлев слепым не был. Но он считал, что наука может давать больше, не дает же потому, что ученые слишком заняты теоретическими вопросами; значит, их надо "поворачивать".

Например, на расширенном заседании коллегии Наркомата по вопросам борьбы с засухой, как сообщала газета "Социалистическое земледелие", "на заявление одного из ученых о том, что результаты работ по селекции некоторых сортов можно практически получить только через 10 лет.

— Н а м н е к о г д а ж д а т ь 1 0 л е т, — ответил на это тов. Яковлев.

И поставил перед наукой "боевую задачу", выглядевшую очень революционно, но абсолютно не реальную: ускорить сроки выведения сортов методом гибридизации до трех-четырёх лет.

Напрасно возражали ученые, говоря, что доведение сроков до восьми лет уже будет большим достижением. Коллегия приняла официальное решение "обязать" селекционеров выводить сорта в три-четыре года.

Задача была не только невыполнимой, но и ненужной именно с точки зрения практики. Уже около десяти лет функционировали созданные в 1921-1922 годах селекционные станции. Выведение новых сортов на многих из них было поставлено на поток, то есть, ежегодно закладывались скрещивания и соответственно ежегодно сдавались в государственное сортоиспытание готовые сорта...

Между тем, "не только вопросы сроков являются большим местом наших научных кругов, — констатировала газета. — Это особенно резко подчеркивается на последнем заседании, когда тов. Яковлев в течение нескольких часов не только короткими репликами, но и перекрестным опросом выступавших ученых старался добиться прямых, точных практических указаний на вопрос, поставленный коллегией в повестку дня" (т.е. вопрос о борьбе с засухой).

"Здесь происходит характернейший диалог, — продолжает

газета, — между тов. Карпеченко* и тов. Яковлевым. Карпеченко говорит о задачах генетики, о ее важности, о десятках возможностей в этой области работы.

Тов. Яковлев задает вопрос:

— Что бы вы сказали, если бы мы поставили перед вами вопрос, что можно сделать в течение ближайших лет для создания засухоустойчивых сортов пшеницы?

— Мне представляется, — ответил Карпеченко, — что нужно привести в порядок ботанику, выбрать возможно большее количество форм. А потом мы, генетики, будем говорить с другими научными работниками на эту тему. Мы можем взять генетику на себя, а все, что пойдет дальше, селекционер должен оставить за собой и прибавлять кое-что новое. Эта проблема очень сложная, но если мы возьмем очень большой масштаб и возьмем большое количество растений, будем систематически работать, то добьемся определенных успехов. Повторяю, эта проблема очень сложная (...). Мы такого рода работу сейчас ведем, но определенных результатов пока еще нет.

Но такие ответы не удовлетворяли наркома, который, по выражению газеты, старался "помочь научным работникам понять, чего же хочет страна от их знаний, то есть учил ученых. Поставленный руководить сельским хозяйством страны, Я.А. Яковлев возмнил, что лучше ученых знает, какие задачи стоят перед наукой.

Ясно, что такие ответы не удовлетворяли наркома. Я.А. Яковлеву казалось, что ученые слишком мало внимания уделяют практике, слишком увлекаются чисто теоретическими, далекими от жизни исследованиями. Зато ему нравилось то, что неустанно повторял Лысенко.

Молодой, энергичный, напористый, он не устал говорить о практическом значении своих работ, требовал вывести науку из четырех стен лабораторий на колхозные и совхозные поля. и уже практически осуществлял это требование. С именем Лысенко стала связываться политическая кампания "перестройки агронауки на социалистические рельсы", и на том же совещании по борьбе с засухой, как писала газета "Социалистическое земледелие" — "тов. Яковлев особо подчеркнул огромное значение и широчайшие перспективы этой работы, отметив, что сам тов. Лысенко до сих пор

* Георгий Дмитриевич Карпеченко — выдающийся ученый-генетик, друг и сподвижник Н.И. Вавилова, возглавлял отдел общей генетики ВИРа. Арестован вскоре после ареста Н.И. Вавилова и погиб в заключении в 1942 году.

недооценивает масштаба того переворота, который должны создать его опыты в с.-х. производстве”.

А одновременно с этим невольно возникал вопрос: все ли благополучно в главном растениеводческом институте страны — в ВИРе? Вот Карпеченко не может дать точный ответ, когда будут выведены засухоустойчивые сорта. Максимов тоже говорит весьма неопределенно. А Вавилов? Его коллекция, конечно, много дает практике. Но не слишком ли увлекается Вавилов теорией? Так ли нужны эти ботанические описания мировой коллекции, которыми заполнены тома ”Трудов по прикладной ботанике”? Ведь этими томами не победить суховея!

Подобные вопросы казались тем более естественными, что в адрес Вавилова и руководимого им института не раз уже раздавалась критика, причем в чрезвычайно шумной и резкой форме.

6.

В 1930 году при ВАСХНИЛ был создан институт аспирантуры, через несколько месяцев переданный ВИРу.

Нежданное пополнение обрадовало вировцев. Вскоре, однако, выяснилось, что молодежь подготовлена слабо, не знает иностранных языков, а значит, не может следить за развитием мировой науки. Правда, аспиранты с головой ушли в учебу, и впоследствии многие из них стали первоклассными учеными.

Но несколько аспирантов пришли в ВИР не учиться, а учить. Они-то и стали ”критически пересматривать” все направление работы института и увлекли за собой других молодых людей. На этот ”подвиг” их вдохновляло руководство института аспирантуры, оказавшееся после закрепления аспирантов за лабораториями не у дел и стремившееся оправдать свое право на существование.

Критики заявляли, что ВИР оторван от жизни, что теоретические работы Н.И. Вавилова и его сподвижников бесплодны, противостоят дарвинизму и даже реакционны.

Со стороны ”критика” казалась очень смелой. Шутка ли: пять-шесть юнцов восстали против когорты мировых знаменитостей. На деле же шумные выступления только и позволяли ”критикам”, не работая, держаться в институте, ибо любые меры против них тут же могли быть истолкованы как ”зажим критики”.

Вернувшись из экспедиции по Мексике и Центральной Америке,* Вавилов увидел, что в институте идут постоянные споры. Мало того, ”критики” уже начали ”действовать”.

* Экспедиция состоялась в 1930-1931 годах.

Бесконечно терпимый к инакомыслию, Вавилов писал в президиум ВАСХНИЛ и Я.А. Яковлеву в апреле 1931 года:

"Можно спорить о принципах и можно их подвергать дискуссии, но, к сожалению, дело пошло дальше и фактически ежедневно в той или иной форме ведутся уже действия и открыто и закрыто по свертыванию частей работы, и только приезд директора из-за границы несколько умирил темп событий".

Образумить критиков не удавалось.

"Николай Иванович с мокрыми от пота волосами влезал на кафедру и в одно и то же время кратко и недоумевающе, возмущенным голосом начинал возражать, искренне стремясь убедить оппозиционеров, что все высказанное ими есть плод невежества, что Дарвина он знает и почитает и т.д., и уходил с кафедры под свист и улюлюканье".

В этом воспоминании Евгении Николаевны Синской, видимо, сгущены краски. Должно быть, память ее наложила на первоначальные события впечатление от последующих. Но бесспорно то, что игра велась не на равных. Вавилов убеждал своих противников, они же разоблачали его.

Между тем "разоблачения" из стен института вышли в печать. В связи с этим справедливость требует прежде всего вспомнить Александра Карловича Коля, тем более что впоследствии он всячески подчеркивал свой приоритет в деле дискредитации академика Вавилова.

Этот маленький, вечно суесящийся и крикливый человек с дряблым женоподобным лицом, каким вспоминает его Е.Н. Синская, с 1924 года возглавлял в ВИРе бюро интродукции. Серьезной работе по внедрению в производство новых сортов он предпочитал сенсации и, по выражению П.М. Жуковского,** "донимал советскую общественность" невежественными проектами введения в широкую культуру примитивных растений вроде лебеды инков. Теперь же он выступил с "критикой" всей работы ВИРа и прежде всего Н.И. Вавилова, который-де в угоду своим теоретическим представлениям собирает примитивные растения Афганистана и Абиссинии и якобы игнорирует достижения мировой селекции. И это говорилось о В а в и л о в е, который не только был в курсе работы всех селекционных станций и фирм мира, но по многим культурам знал буквально всех работников.

** Петр Михайлович Жуковский, выдающийся ботаник, генетик, растениевод, один из самых крупных представителей школы Н.И. Вавилова и продолжатель его работ. Активный участник биологических дискуссий. Умер в Ленинграде в 1975 году.

Достаточно привести первый абзац "критической" статьи Коля, опубликованной в газете "Экономическая жизнь", чтобы увидеть, насколько "глубока" и "аргументирована" была его критика:

"Революционное задание В.И. Ленина обновить совземлю новыми растениями оказалось сейчас подменным реакционными работами по прикладной ботанике над центрами происхождения растений. Под прикрытием имени Ленина окрепло и завоевывает гегемонию в нашей с.-х. науке учреждение, насквозь реакционное, не только не имеющее никакого отношения к намерениям Ленина, но им классово чуждое и враждебное. Речь идет об институте растениеводства с.-х. академии им. Ленина".

Так с первых строк своей статьи Коля огорошивал читателя.

А дальше? А дальше шли слезливые жалобы на то, что он, Коля, возглавляя в институте бюро интродукции, не мог развернуться, ибо ему не давали средств, не давали помощников, да к тому же загрузили "кропотливой" работой по учету поступающих из-за границы семян.

Что правда, то правда. Бюро интродукции работало в ВИРе из рук вон плохо. Вавилов, да и другие специалисты института постоянно критиковали Коля. Вавилов мечтал с ним расстаться, и только мягкость характера не позволяла ему добиться увольнения заведующего бюро интродукции. А так как работу по интродукции, то есть выделению из мировой коллекции ценных для хозяйственного использования форм и их внедрению, Вавилов считал одной из важнейших, то возложил ее по отдельным культурам на соответствующие отделы. Функции же бюро интродукции свел к минимуму, обязал Коля лишь регистрировать поступающий из-за границы материал и передавать его в соответствующие отделы. Кропотливая работа была Колю не по нутру. Пытаясь как-то изменить свое положение в институте, он опубликовал хвалебную статью о теории центров. Но отношение к нему Вавилова не изменилось. Тогда от обороны Коля перешел к наступлению. Правда, он решился выступить против Вавилова в печати лишь после того, как ушел из ВИРа, тем более что в это время в институте уже "бушевали" аспиранты, и это Колю, разумеется, было известно.

Вскоре появилась на свет брошюра некоего Г.В. Григорьева, личность которого нам установить не удалось. (Возможно, это чей-то псевдоним). Брошюра называлась "К вопросу о центрах происхождения культурных растений (разбор теории ак. Вавилова)"... По хлесткости стиля, чудовищности возводимых на Н.И. Вавилова обвинений, передержкам и безграмотности она могла соперничать

разве что с писаниями Коля и последующими писаниями ближайшего сподвижника Лысенко И.И. Презента.

”Задача решается просто, — писал о теории центров Г.В. Григорьев. — С математической точностью можно указать пункт, откуда произошел тот или иной вид, вплоть до отдельного кишлака. А где этих видов большинство, там и центр происхождения земледельческой культуры. А где же исторический процесс? — негодовал ”критик”. — Где человек в его долгой исторической жизни? Где создание человеком ”искусственной среды”, одной из сторон которой являются культурные растения?”

Всего этого в теории Вавилова Г.В. Григорьев не видел. Зато видел то, чего в ней не было. То есть надевал на теорию центров ”дурацкий колпак”, как выразился впоследствии в адрес Презента Н.П. Дубинин.*

”Если статья на точку зрения Н.И. Вавилова, — заявляет Григорьев, — мы должны будем признать, что стиль ”ампир” зародился в Петербурге, т.к. здесь он наиболее полно представлен во всем его многообразии; мы должны будем признать, что производство фитильных ружей имеет своим центром происхождения (...) горы Памира, т.к. там в н а с т о я щ е е в р е м я сосредоточено производство их во всем их разнообразии, притом в исходных формах”.

”По Н.И. Вавилову выходит, — изготавливает ”критик” еще один ”колпак”, — что фараоновская организация власти и системы орошения или откуда-то пришли в готовом виде, или кем-то были выдуманы (?). Ни то, ни другое решение не годится, так как если бы они пришли, то, конечно, мы имели бы свидетельства об их прародине и археологи давно бы уже их нашли”.

С ”дурацкий колпаком” расправиться нетрудно. Ведь у Вавилова речь шла лишь о том, что существовавшее в горных долинах примитивное земледелие о б л е г ч а л о задачу строительства великих цивилизаций в долинах рек, так как на первом этапе снабжало эти цивилизации готовыми формами культурных растений.

* Николай Петрович Дубинин, академик, генетик, один из самых активных участников генетических дискуссий. После сессии ВАСХНИЛ 1948 года, на которой был завершен разгром генетики в СССР, стал орнитологом. После падения Лысенко возглавил вновь созданный Институт общей гентики АН СССР. Вскоре занял в советской генетике почти такое же монопольное положение, какое раньше занимал Лысенко. Показал себя крайне нетерпимым к инакомыслию, что заставило других крупных советских генетиков отказаться от совместной с ним работы. В автобиографической книге ”Вечное движение” приписал себе заслуги других ученых и представил себя чуть ли не единственным борцом с лысенковщиной.

”Таким образом, — резюмирует критик, — Н.И. Вавилов устанавливает четыре пункта, долженствующие служить убедительным доказательством правильности его теории: 1) наличие сортового разнообразия, 2) укрытость горных долин от нападений, 3) легкость орошения в горах и трудность в долинах рек (Вавилов указывал, что в горах во многих случаях возможно земледелие без всякого орошения. — С.Р.), 4) наличие отсталых форм земледелия в горных районах. Как мы видели, — разделяется с этими ”пунктами” критик, — третий пункт о зарождении орошения в горах не выдерживает критики. Второй пункт также не убедителен, а четвертый не нуждается в серьезном опровержении (!) ввиду своей очевидной слабости”.

Что же ”критик” противопоставляет вавиловской теории центров? Оказывается... ничего! Это отмечается в редакционном предисловии к брошюре:

”Основной ее порок — отсутствие положительной части, в которой были бы развиты взгляды, конкретные построения, конкретные объяснения, противопоставляемые критикуемым автором взглядам, построениям, объяснениям Н.И. Вавилова”.

Но Г.В. Григорьев на этом не заканчивает свой ”разбор”. Он едва дошел до половины. Ему еще необходимо вскрыть ”сущность ошибок Н.И. Вавилова”, которая, оказывается, ”заключается в том, что, может быть, сам того не подозревая, он (Вавилов — С.Р.) разделяет точку зрения индо-европейского языкознания (!)”.

”Реакционная, шовинистическая, западноевропейская лингвистическая теория, — объясняет Григорьев, — производит индогерманцев от какого-то индогерманского пранарода, индогерманской расы. Когда-то, где-то, по взглядам одних ученых — в Припамирских горах, потому что там сохранились языки, наиболее близкие к санскриту, по другим — в Прибалтике, так как литовский язык является будто бы исходным для всех индогерманских языков, образовалась индоевропейская раса, и отсюда пошли культуры. Н.И. Вавилов повторяет любого индоевропейца, забывая о диалектическом характере исторического процесса, он устанавливает, что когда-то в Гиндукуше произошли все сорта таких-то и таких-то культурных растений. Почему именно там? Потому что там разнообразие их древнейших форм. Далее Н.И. Вавилов пишет: ”Указанные горные районы представляют не только очаги разнообразия культурных сортов растений, но и разнообразие человеческих племен”. Значит, и люди распространялись из этих же очагов? Между тем яфетическая теория (речь идет о теории академика Н.Я. Марра* — С.Р.)

* Николай Яковлевич Марр, выдающийся лингвист. Н.И. Вавилов был

доказывает, что все человечество пережило яфетическую стадию развития языка и этот процесс проходит одновременно в разных местах в зависимости от развития социально-экономического строя различных обществ”.

Но разве не то же самое доказал Вавилов, установивший ряд независимых очагов происхождения землевладельческой культуры? Разве он не показал, что решающими факторами ее возникновения и развития являются не какие-то выдающиеся способности той или иной человеческой расы, а особые природные и экономические условия, в частности, наличие соответствующих форм растений? Разве он не показал, что в тех районах, где нужных растений не имеется, оседлая земледельческая культура могла возникнуть лишь благодаря их заимствованию из других очагов?

По мнению же Григорьева, ”Н.И. Вавилов крепко держится (!) за индоевропейскую теорию”.

Прочитывая высказывание Вавилова о том, что в долинах великих рек земледелие ”требовало железной деспотической организации”, Григорьев спрашивает:

”А кто же создал эту ”деспотическую” организацию и возможность ”массовых действий”? Кто научил этого ”первобытного земледельца” высочайшей технике ирригации? Царь? Бог? Герой? Где та обетованная индогерманская (!) прародина, в которую в настоящее время верят лишь метафизики и идеалисты, откуда все появилось в готовом виде?”

Вот так вскрывает Григорьев ”сущность ошибок” Н.И. Вавилова. Нам же это ”вскрытие” позволяет вскрыть сущность и цели его выступления, которое было ничем иным, как прямым политическим доносом.

Между тем в редакционном предисловии к брошюре говорилось:

”Критический анализ Г.В. Григорьева работ акад. Н.И. Вавилова показывает, что специалисту не-гуманитария не приходится отрекаться (?) ни от учета достижений советской истории, ни даже от учета достижений такой, казалось бы, далекой от естественно-исторической специальности области научного знания, как лингвистика. Без осознанного учета выводов последней на деле имеет место неосознанное повторение реакционных положений буржуазной лингвистики”.

Редкостный трагикомизм положения. Это Николая Вавилова, к тому времени уже объездившего весь мир и вобравшего в себя чуть

дружен с Марром, своими исследованиями по происхождению земледелия и культурных растений подтвердил некоторые положения Н.Я. Марра, в свете чего попытка Г.В. Григорьева ”побить” Вавилова Марром выглядит особенно комично.

ли не всю мировую культуру, безымянный автор предисловия уличает в невежестве!..

На эти и подобные выпады Вавилов не отвечал, и, когда ему советовали выступить в печати с подробным аргументированным разъяснением своих взглядов, он отшучивался:

— В Испании мне приходилось наблюдать бои петухов — любимое зрелище испанцев. Так там петухов равных по весу подбирают.

Он, правда, ответил на статью Коля; показал, во-первых, что институт ведет всестороннюю работу по изучению культурных растений, а не только "по прикладной ботанике над центрами происхождения", как неуклюже выразился Коль; и, во-вторых, что в первобытных центрах, вопреки Колю, удастся найти немало форм, чрезвычайно ценных в хозяйственном отношении. Но ведь Коль затронул не только самого Вавилова, а всю работу института.

Критика?.. Но ведь она — плод невежества... Стоит ли обращать внимание? Жизнь коротка, уже к пятидесяти подходит, а сколько дел впереди.

Мог ли он догадаться, что начался необратимый процесс, что впереди наглое надругательство над наукой...

7.

Вавилов один из первых почувствовал диспропорцию, сложившуюся к началу тридцатых годов в генетике. Теория наследственности, разрабатываемая в основном на плодовой мушке дрозофиле и некоторых других объектах, к этому времени продвинулась далеко вперед. Но если основные положения генетики, такие, как законы Менделя, теория чистых линий, давно уже широко использовались в селекции, то новейшие достижения применять на практике не удавалось. Потому что установленные на плодовой мушке законы нельзя было механически применять к сельскохозяйственным растениям и животным. Генетика как бы прорвала фронт на узком участке, и, чтобы закрепить, развить успех, надо было скорее подтянуть отставшие фланги.

Вавилов остро ставит вопрос о необходимости скорейшего развития частной генетики, то есть генетики отдельных культурных растений и животных.

Нельзя сказать, что такая работа вообще не проводилась. Но там, где другие ученые считали ее законченной, Вавилов видел лишь начало.

”Ю.А. Филипченко* всерьез переходит на животных, хочет кончить свиньей, — писал Вавилов в одном из писем Г.Д. Карпеченко. — Пшеница надоела! А у меня большой задор, наоборот, приниматься всерьез за генетику пшеницы”.

В другом письме к Г.Д. Карпеченко Вавилов писал:

”Что мне кажется нужным сделать. Это действительно попытку монографической обработки генетики ячменя с взятием различных групп, хотя бы выборочным учетом признаков по разным географическим группам. Словом, хотелось бы от фрагментов подойти к чему-то целостному, углубляющему познания внутривидовой дифференциации, осмысляющей процесс формообразования”.

И в том же письме:

”...Мне, как систематику-географу, не могущему отойти от вопросов эволюции (внутренне я убежден, что никогда мы от них не отойдем, и было бы скучно жить без сюжетов), все это (сделанное в области частной генетики. — С.Р.) кажется маленькими фрагментами”.

И дальше:

”Так вот, май дир, помогите перейти к следующей эпохе. Систематика, может быть, идет медленнее, чем хотелось бы, но все-таки непреложно, она заканчивается. Факты она дала в мировом подходе, несомненно, прелюбопытнейшие, и логически, конечно, надо было пройти до конца эту фазу и было бы глупо отойти от этой фазы, но надо переходить и в фазу генетики отдельных растений на основе материала и знаний, которыми мы начинаем овладевать.

К секции общей гентики мы апеллируем за помощью, готовы пойти к Вам и послать к Вам народ в учебу. Систематики в генетике народ глубоко невежественный, надо их выварить в генетическом кипятке.

Вот это, май дир, обдумайте... Мое наблюдение над тем, что делают генетики, заставляет меня думать, что, пожалуй, сочетание систематики с генетикой для этой цели будет особенно нужным. Если бы общие генетики пожелали бы работать по частной генетике — сколько угодно. Дела хватит на целое поколение, на сотни исследователей, но машину разворачивать надо. Может быть, это проявление организационного зуда, но, поскольку существуем, движемся”.

”Поскольку существуем, движемся”. Пожалуй, единственная догма, которую исповедовал Вавилов.

* Ю.А. Филипченко — крупный генетик, автор монографии по генетике пшеницы, вышла в свет после смерти автора в 1930 году под редакцией Н.И. Вавилова.

Наука движется. И ученый должен постоянно идти вперед, если не хочет отстать от нее.

В том же поистине примечательном письме к Г.Д. Карпеченко от 10 мая 1930 года Вавилов писал о новой подмеченной им закономерности:

”Пропитан насквозь антоцианом абиссинский лен, абисс. ячмень, абисс. пшеница, кунжут; в счастливой Аравии нашли самую раннюю в мире пшеницу, но там же самый ранний в мире ячмень. А вот на днях узнал, что и люцерна синяя в Йемене из многолетней стала однолетней”.

Так рождалась идея новой агроэкологической классификации культурных растений, то есть классификации, основанной не на остях и пленках, а на важнейших биологических и хозяйственных признаках. В начале двадцатых годов провести такую классификацию было невозможно. Ведь агроэкологические признаки — такие, как срок созревания, быстрота налива зерна, кустистость, размер плодов и т.д. — сильно меняются под действием внешних условий. Один и тот же сорт — это показали географические опыты ВИРа — меняется до неузнаваемости при перенесении его из одной географической области в другую. Но те же опыты показали, что по многим признакам разные сорта резко различаются при их выращивании в одних и тех же условиях. И эти различия как раз определяются ”экотипом” растений, их длительной эволюцией в определенных условиях внешней среды. Многообразие пшениц Эфиопии — наибольшее в мировом ассортименте — по экологическим признакам оказалось очень выровненным, и Вавилов объединил все эфиопские пшеницы в один экотип. В то же время один ботанический вид льна, прошедший в результате эволюции ряд совершенно разных географических областей, пришлось подразделить на несколько экотипов.

В агроэкологической классификации Вавилов увидел решение проблемы, к которой шел всю свою жизнь: создание конкретного руководства по селекции. От принципиальной постановки вопроса о роли исходного материала в селекции, от сбора и всестороннего изучения этого материала он подходил теперь к выработке учения о подборе пар для скрещивания в зависимости от задач, стоящих перед селекционером.

”Наша работа, — говорил Вавилов, — логически привела нас от вопросов географической изменчивости к новому этапу, к разработке учения о селекции (...). Вопрос о подборе пар на этом этапе является основным вопросом, не менее важным, чем учение об исходном материале”.

Агроэкологическая классификация требовала новой гигантской коллективной работы, конкретного изучения всего многообразия форм каждой культуры.

А он выдвинул еще и новые идеи. Например, разработал систему циклических скрещиваний: предложил каждый экотип скрестить со всеми другими экотипами данного вида и близких к нему видов. Такие циклические скрещивания должны были, по мысли Вавилова, вскрыть весь наследственный потенциал хозяйственных признаков вида, то есть дать конкретный материал для построения научных основ гибридизации применительно к практической селекции.

К этому времени появилась настоятельная необходимость обобщить многолетние работы ВИРа по исследованию культурных растений, и Вавилов приступает вместе с сотрудниками к подготовке трехтомного коллективного труда "Теоретические основы селекции" (два тома его вышли в 1935, третий — в 1937 году). Он еженедельно устраивает обсуждения сначала плана томов, а потом и содержания поступающих статей. Глубокая и нелицеприятная, но вместе с тем дружеская и деловая критика, как вспоминает Ф.Х. Бахтеев, позволила этому труду стать крупнейшим и современным в мире руководством по селекции. И позднее, когда этот труд подвергался резким нападкам, Вавилов с полным правом говорил:

"Как вы ни расценивайте "Теоретические основы селекции", но мы, знающие состояние глобуса, как он вращается, мы чувствуем, что мы стоим на уровне глобуса и даже на несколько миллиметров выше".

Под уровнем глобуса они понимал уровень мировой науки.

Но то была лишь часть работы, выполняемой Н.И. Вавиловым.

"Я буквально задавлен бесчисленными обязанностями, не говоря уже о научной работе, — писал он Н.М. Тулайкову в апреле 1933 года. — Только что кончил ревизию 25 опытных учреждений Ср. Азии и Кавказа и еженедельно получаю задания от правительства и разных наркоматов (...).

Успешное выполнение той или другой миссии, как правило, вызывает привлечение еще 10 новых дел".

Да, обязанностей у него было предостаточно. Он продолжал выполнять ответственные правительственные задания. Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина все разрасталась и набирала мощь. Немалые обязанности нес Вавилов и в Академии наук СССР. Он был членом созданной еще В.И. Вернадским* Комиссии по использованию производительных сил России (КИПС), в которой возглавлял сельскохозяйственную секцию. Он был

* В 1916 году.

членом комитета по химизации и многих других комиссий и комитетов. Н.И. Вавилов состоял в ряде научных обществ, причем Всесоюзное географическое общество в 1931 году избрало его своим президентом.

П.П. Померанцев, активно работавший в Географическом обществе, вспоминает, что "десятилетие (1931 — 1940 гг.) должно быть отмечено, как период большого подъема /общества/. За это время оно стало не только официально, но и по существу Всесоюзным, так как достигло того авторитета, каким оно пользовалось лишь в лучшие годы своей былой славы, в конце XIX — начале XX в.". "В помещении Общества, — пишет П.П. Померанцев, — сотрудники канцелярии, библиотеки, архива и секретариата говорили все как один, что не любить Николая Ивановича было просто невозможно". Когда он приходил в общество, "у всех на лицах появлялись радостные улыбки приветия. Они с одинаковой сердечностью шли от до щепетильности безукоризненного и строго в научных оценках секретаря наших "Известий" В.И. Ромишевского, и от старейшего вахтера Н.С. Стальмашка, издавшего в этом здании и встречавшего в этом же вестибюле и П.П. Семенова-Тян-Шанского, и А.П. Карпинского, и Козлова, и Нансена, и Амундсена, и многих других всемирно известных ученых".

Такое отношение понятно. Ведь любому делу, за которое брался Н.И. Вавилов, он отдавал не только свои знания и опыт, но и всю душу.

Однако главным, любимейшим его детищем оставался, конечно, Всесоюзный институт растениеводства, ВИР, известный во всем мире научный центр, с разветвленной сетью опытных станций, выросший из скромного Отдела по прикладной ботанике.

Как и прежде, будучи в Ленинграде, Вавилов появлялся в институте часов в десять утра, уже поработав дома. Он пожимал руку вахтеру, заходил в библиотеку и, забрав новые поступления, мимо лифта, шагая через ступеньку, поднимался на второй этаж. Еще на лестнице и в коридоре звучал характерный вавиловский голос, возвещая во все уголки огромного здания, что пришел директор. Здесь же, на лестнице и в коридоре он раздавал распоряжения, расспрашивал о работе, и многие сотрудники, любившие эти короткие встречи, нарочно старались оказаться у него на глазах. Тот же, кто был в чем-либо виноват, например, не сдал в срок статью, старался, наоборот, избегать этих встреч и даже проходил в институт с черного хода, о чем, впрочем, Вавилов отлично знал.

Он входил в кабинет с первым из ждавших его посетителей, и часов до пяти продолжался прием. Зная о его занятости, многие

входили к нему с твердым намерением уйти тотчас же, как будут разрешены все вопросы, но Вавилов расспрашивал с такой заинтересованностью, что посетитель задерживался.

Нередко среди посетителей были почти незнакомые люди, которые приходили к академику Вавилову за материальной поддержкой. Он в таких случаях быстрым движением руки вынимал из заднего кармана брюк все имеющиеся у него деньги. В.С. Соколов — тогда аспирант — рассказывал, как "отчитывал" за подобное легкомыслие своего учителя, а тот виновато оборонялся:

— Ну ладно, батенька, не будем об этом.

...Лишь после окончания рабочего дня начиналась для Вавилова настоящая работа, как, впрочем, и для многих сотрудников. Поздно вечером, выходя из института, он видел на безлюдной Исаакиевской площади рыжие квадраты, расчерчивавшие асфальт, как шахматную доску. Эти квадраты света радовали его директорское сердце.

Стремясь сохранить в институте прежнюю спайку, прежнюю атмосферу доброжелательности и веселости, Вавилов прежде всего сам был ко всем внимателен, со всеми доброжелателен и весел.

"Объявляю соцсоревнование: первой тройке, которая сдаст работу, выдается коробка импортного шоколада. Специально заводится красная доска, надеюсь, что в черной нужды не будет".

Это официальный приказ Вавилова по институту.

Без черной доски ему почти всегда удавалось обойтись. Он не любил выставлять людей на публичное поругание, и примерно так "выговаривал" сотрудникам за проволочки:

Е.А. Столетовой:

"Дорогая Екатерина Александровна, пришла пора сдавать Вам манускрипт по гречихе. Все сроки прошли. Для писания самое лучшее время. Жду от Вас через 3 недели бесмертного труда".

Или И.В. Кожухову:

"Дорогой Иван Васильевич, забудьте жену, и детей, и все на свете, напишите немедленно статью по кукурузе для культурной Флоры*. От Вас требуется классическая монография. Посоветуйтесь с Е. Ф. Вульфом**, учитеесь по лучшим

* Большой коллективный труд "Культурная флора СССР", который выходил под редакцией Н.И. Вавилова.

** Е.Ф. Вульф — выдающийся ботаник, в то время работал в ВИРе.

образцам, а не по худшим. Хорош 16-й том. Словом, через 2, максимум 3 недели придется Вам сдавать манускрипт”.

Появляясь на опытных станциях, Вавилов, как и прежде, своей стремительной, чуть раскачивающейся походкой человека, привычного к седлу, шел между посевами, и по-прежнему к нему устремлялись с опытных делянок работники. По-прежнему он ходил по делянкам с четырех утра до заката, а после еще собирал совещания и, как прежде, уезжая поздно вечером, слышал чей-то доброжелательно передразнивающий басок:

— Жизнь коротка, завтра в четыре утра...

Росла международная известность Вавилова. Все чаще стали приезжать в СССР иностранные ученые.

Приезжал из Италии крупнейший специалист по пшенице доктор Дж. Ацци, который посетил пшеничные районы СССР.

Приезжал из Америки крупнейший специалист по хлопчатнику доктор Харланд, который вместе с Вавиловым объехал хлопковые районы страны и разработал конкретные рекомендации по хлопководству.

Приезжал читать лекции по генетике ближайший сотрудник Моргана* профессор Бриджес.

А другой ближайший ученик Моргана, основоположник нового направления в генетике, связанного с искусственным вызыванием мутаций — в 1927 году он опубликовал свои эксперименты по рентгеновскому облучению дрозофил, которое приводило к многократному увеличению частоты мутаций, — профессор Герман Меллер, решил навсегда остаться в Советском Союзе. Он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и получил лабораторию в руководимом Н.И. Вавиловым Институте генетики.

Еще раньше в Советскую страну перебрался выдающийся болгарский генетик Дончо Костов, тоже получивший лабораторию в Институте генетики. За первые же полтора года талантливый исследователь опубликовал ряд интереснейших работ по проблемам отдаленной гибридизации и эволюции... К счастью для себя и для науки Г. Меллер и Д. Костов через несколько лет покинули СССР, разобравшись в ”прелестях” советской действительности.

В 1933, 1934, 1935 годах Вавилов исследует Кавказ. Находит там новые формы растений. Все отчетливее он говорит о той роли, какую играет Кавказ в формировании культурной флоры.

Письма его по-прежнему бодры и жизнерадостны. И только одно беспокоит Вавилова: некогда писать давно задуманные рабо-

* Томас Гент Морган — великий американский ученый, основатель хромосомной теории наследственности. В 1922 году Н.И. Вавилов впервые посетил лабораторию Моргана, после чего между ними завязалась дружба и тесное научное сотрудничество.

ты. Но и из этого он находит выход. Изредка вырывается из Ленинграда со стенографисткой в Пушкин — бывшее Детское Село.* С утра запирается в кабинете. Диктует, сосредоточенно сдвинув брови, пересекая своей раскачивающейся походкой кабинет и всегда быстро и неожиданно для его полноватой фигуры у стены поворачиваясь, иногда сопровождая слова быстрым и тоже неожиданным жестом.

Так появляются его новые книги и статьи. Прежде всего, написанная для "Теоретических основ селекции" работа "Селекция как наука", в которой он впервые обосновывает идею о необходимости выделить селекцию в отдельную научную дисциплину (до того селекцию считали разделом генетики), базирующуюся, с одной стороны, на генетике, а с другой — на всестороннем знании культурных растений и животных, их взаимодействия со средой, их происхождения и эволюции; "Ботанико-географические основы селекции", в которой он подводит итог экспедиционным исследованиям земного шара и определяет восемь (взамен прежних пяти)** основных очагов происхождения культурных растений.

Он заново перерабатывает монографию об иммунитете, пишет новую статью о законе гомологических рядов.

Нет, ему решительно некогда отвечать невежественным критикам, да и неинтересно. Кстати, он помнит, что Линней никогда не отвечал своим противникам, благодаря чему их имена и не сохранились в истории науки.

Между тем кое-кому начинало казаться, что Вавилов не вступает в полемику из-за слабости своей позиции.

Вот Лысенко — он не оставляет без ответа ни одного маломальски скептического замечания в свой адрес. Не потому ли, что стоит прочно?..

8.

Однако первые же опыты по яровизации на колхозных и совхозных полях фактически провалились. Сам Лысенко в докладе президиуму ВАСХНИЛ, опубликованном газетой "Социалистическое земледелие", привел цифры, показавшие, что метод яровизации недоработан и практическая эффективность его спорна.

"Урожай яровизированных посевов, преимущественно сорта украинка (...) представляет сильно колеблющуюся величину —

* В Пушкине располагалось отделение ВИРа, служившее основной базой для многих исследований.

** В последнем варианте Вавилов остановился на семи основных очагах происхождения культурных растений.

от 27 центнеров до 3 на гектар. Главной причиной, влияющей на величину урожая яровизированной озими, была изреженность всходов. Последняя получилась в результате сильного прорастания семян до посева. Слишком теплая зима во многих районах, совершенное отсутствие снега потребовали в добавление к предложенной инструкцией технике яровизации еще много внимания от самих опытников, чтобы не дать семенам сильно прорасти”.

”Дать точную характеристику урожая яровизированной украинки, сравнив ее с урожаем яровых сортов, не представляется возможным”, — признавал Лысенко.

Но оптимизму Лысенко не было границ. Он отнес все неудачи за счет недоработанности инструкции, а это дело чисто техническое, не принципиальное. Не удивительно, что газета сопровождала его доклад шапкой: ”Опыты тов. Лысенко создадут переворот в зерновом хозяйстве нашей страны”.

9.

Н.И. Вавилов впервые высказался в печати о работах Лысенко, по-видимому, 13 сентября 1931 года в газете ”Социалистическое земледелие”, где был опубликован его доклад на коллегии НКЗ СССР ”Новые пути исследовательской работы по растениеводству”.

В докладе говорилось:

”Последние годы привели нас к замечательным фактам возможности изменения вегетационного периода, возможности по желанию ускорять время плодоношения. В этом отношении первым начинанием мы обязаны работе американских ученых Алларда и Гарнера. Мы умеем теперь заставлять плодоносить в условиях Туркестана даже тропический многолетний хлопчатник. Особенно интересны в этом направлении работы Лысенко, который подошел конкретно к практическому использованию позднеспелых сортов в раннеспелые, к переводу озимых в яровые. Факты, им обнаруженные, бесспорны и представляют большой интерес, но нужно определенно сказать, что требуется огромная коллективная работа над большим сортовым материалом, над различными культурами, чтобы разработать конкретные действительные меры овладения изменением вегетационного периода в практических целях (...).

Что особенно существенно в открытии Лысенко — это открывающиеся возможности в использовании мировых сортовых ресурсов. Опыт Лысенко показал, что поздние средиземноморские сорта пшеницы при специальной предпосевной обработке могут быть сделаны ранними в наших условиях. Многие же из этих сортов

по качеству, по урожайности превосходят наши обыкновенные сорта. Пока мы еще не знаем, с какими сортами практически надо оперировать в каких районах. Еще не разработана самая методика предпосевной обработки посадочного материала. Еще нет оснований с полной гарантией идти в широкий производственный опыт”.

Как видим, свое отношение к работам Лысенко выражает достаточно ясно.

Он высоко ставит теорию стадийности, как позволяющую глубже распознать природу сельскохозяйственных растений и на этой основе управлять их развитием. Но в то же время стремлению Лысенко немедленно двинуть яровизацию в практику Вавилов противопоставляет обширную программу строго научных исследований, осуществление которой, по его мнению, только и может обеспечить практическую эффективность предпосевной обработки семян. Полемика с Лысенко содержалась и в напоминании Вавиловым об исследованиях Алларда и Гарнера, открывших явление фотопериодизма и показавших, что искусственное освещение для одних растений и затенение для других ускоряет их развитие. Ведь Лысенко громогласно заявлял, что он открыл не только метод яровизации, но первым указал *п р и н ц и п а л ь н у ю в о з м о ж н о с т ь* управлять развитием растений.

В связи с этим очевидна ошибочность утверждения М. Поповского в документальной повести “1000 дней академика Вавилова” (журнал “Простор”, №№7,8 за 1966 год), будто Н.И. Вавилов безоговорочно поддерживал Лысенко, и что даже эта его поддержка решающим образом способствовала возвышению Лысенко. Сенсационное название одной из глав повести “Ошибка академика Вавилова” не соответствует исторической правде. А попытки противопоставить Вавилову его друзей и единомышленников в науке, которые будто бы боролись с Лысенко в то время, когда Вавилов его поддерживал (М. Поповский даже называет Лысенко *п р о т е ж е* Вавилова) вызывает чувство протеста.

Совсем неправдоподобным выглядит в описании М. Поповского посещение Вавиловым Одесского института весной 1932 года.

“Вместе с Лысенко они обходят поля института, ездят по колхозам. Интеллектуал и ученый, Николай Вавилов, естественно, верит каждому слову своего спутника. Со временем он поставит в ВИРе собственные опыты и проверит эксперименты Лысенко, но пока ему в голову не приходит заподозрить агронома в нечестности, в подтасовке фактов”.

Странно, не правда ли? Мало образованный агроном, как рыночный фокусник, надувает крупнейшего в мире знатока культурных растений, а тот, “естественно (!) верит каждому слову”, “ему

и в голову не приходит (!) заподозрить агронома в нечестности" и т.д.

Но почему же тогда в 1935 году, то есть после того, как многократно проверил опыты Лысенко, Вавилов говорил на заседании научного совета ВИР: "Мы имеем очень сильное новое оружие в виде учения о стадийности академика Лысенко. Это, несомненно, очень сильное оружие, которое, может быть, никто, как наш коллектив, не может оценить по достоинству..."!

Да, Вавилов высоко ценил работу Лысенко, которая, как он писал в 1932 году из Одессы, "заставляет многое ставить по-новому". Вавилов выдвинул перед ВИРом грандиозную задачу: исследовать на яровизацию всю мировую коллекцию растений. Но это не значит, что он верил "каждому слову" Лысенко. На том же заседании научного совета ВИРа 29 июля 1935 года он говорил:

"Товарищ Лысенко не сдержал своего обещания, которое он мне дал три года назад (то есть, в 1932 году, вероятнее всего, во время того самого посещения Одессы, о котором говорится в повести М. Поповского), когда обещал заставить столетний дуб давать желуди в один год. Задача оказалась несколько сложнее".

То есть, и тогда они спорили!

Однако, полемизируя с Лысенко, Вавилов подчеркивал свою к нему расположенность. Очевидно, ему импонировали энергия, увлеченность, страстность, с какими Лысенко отстаивал свои идеи. К тому же он вообще был неизменно и бесконечно доброжелателен — в этом сходятся все знавшие его. Но это лишь одна сторона вопроса.

Доброжелательность Вавилова у некоторых порождала иллюзию, будто он был излишне доверчив. Но достаточно заглянуть в его письма, чтобы увидеть меткие индивидуальные характеристики десяткам ученых. Он пытался установить истинную цену каждому! и в соответствии с этим строил свое отношение к людям, стремясь к тому, чтобы ученый дал максимум той пользы, какую способен принести. Вавилов, конечно, не был гарантирован от ошибок, но, во всяком случае, к людям, как и к растениям, подход у него был дифференцированный.

И вот особый подход был у него и к Лысенко.

Надеясь, что с годами Лысенко освободится от своих заблуждений, а останется то ценное, что уже дали и еще дадут его работы, Вавилов исподволь старался помочь ему в этом.

Учитывая болезненное самолюбие Лысенко, Вавилов понимал, что его нельзя убедить иронией, сарказмом; полемическая резкость лишь ожесточит его. Поэтому Вавилов подчеркивал успехи Лысенко (разумеется, истинные, а не мнимые) и старался развеять, по-видимому, глубокое убеждение Лысенко в том, что его умышленно "зажимают".

В 1932 году Вавилов рекомендовал избрать Лысенко академиком украинской Академии наук. В том же году включил его в состав советской делегации на VI Международный генетический конгресс. (На конгресс поехал один Вавилов). По его предложению Лысенко дважды получал денежную премию. В 1934 году Вавилов рекомендовал Лысенко в члены-корреспонденты Академии наук СССР, мотивируя это тем, что "хотя им опубликовано сравнительно немного работ, но последние работы представляют (...) крупный вклад в мировую науку".

Во всех этих действиях не было компромисса. Это была борьба. Борьба за Лысенко, *п р о т и в лысенковщины...*

Как же могло случиться, что *через несколько лет хорошо начавший свой путь ученый превратился в шарлатана, Распутина биологической науки, как называл его в те годы Вавилов?*

Есть основание полагать, что Вавилов не раз задавал себе этот вопрос. Потому что однажды он задал его вслух — Лидии Петровне Бреславец.* И был удивлен, услышав:

— А знаете, Николай Иванович, я, пожалуй, могу вам ответить.

И Лидия Петровна напомнила о том, как однажды, облучив зерна ржи определенной дозой рентгена, получила невиданную вспышку урожайности. И, конечно, опубликовала работу. И повторила опыт на следующий год. Но подтверждения не получила...

Лидия Петровна и через тридцать пять лет помнила, как тяжело было разочарование, как велик был соблазн промолчать и как трудно ей было решиться честно объявить о неудаче.

Очевидно, решимости не хватило Лысенко.

Яровизация** была уже широко разрекламирована. Она была объявлена универсальным приемом повышения урожайности по всей стране. Энтузиасты-яровизаторы уже ставили опыты на тысячах гектаров. И вот Лысенко увидел, что, несмотря на совершенствование инструкции, получается все такой же разброс результатов.

* Л.П. Бреславец — друг и соратница Н.И. Вавилова, была близко знакома с ним еще со времени их учебы в Петровско-Разумовском, где располагался Московский сельскохозяйственный Институт и Высшие (женские) сельскохозяйственные курсы.

** Термином "яровизация" Лысенко обозначал сразу три понятия: теорию стадийного развития растений (теория яровизации), первую стадию, через которую проходит развитие (стадия яровизации), и практический агроприем предпосевной обработки семян. Этот триединый термин порождал массу недоразумений, так как далеко не в каждом конкретном случае было ясно, какой смысл вкладывает в него Лысенко. Мы в дальнейшем яровизацией будем называть разработанный в СССР агроприем.

Их обработка не могла привести к нужным ему выводам.

И он... стал учитывать лишь те данные, которые говорили в пользу яровизации, и попросту отбрасывать все отрицательные результаты — теперь уже под предлогом несоблюдения инструкции.

Шли годы, а точных объективных сведений о том, что же дает сельскому хозяйству яровизация, не появлялось. Академики П.И. Лисицын и П.Н. Константинов, проводившие точные контрольные опыты в течение четырех лет (1932 — 1936), установили, что в некоторых районах в отдельные годы яровизация действительно дает положительный эффект, в других же — отрицательный.

В.И. Лисицын говорил по этому поводу в 1936 году:

"Мы, собственно, сейчас не имеем точного представления о том, что дает яровизация. Акад. Т.Д. Лысенко говорит, что она дает десятки миллионов пудов. В связи с этим мне приходит на память один рассказ из римской истории о том, как один мореплаватель перед тем, как отправиться в плавание, решил принести богам жертву, чтобы обеспечить себе благополучное возвращение.

Этот мореплаватель пошел искать бога (а их там было много), какому выгоднее было бы принести жертву, и когда он в каждом храме находил доску со списком лиц, принесших жертву и спасшихся, он обратился с вопросом к жрецам: а где же доска со списком лиц, которые принесли жертву, но все-таки погибли, чтобы было с чем сравнивать.

Я так же мог поставить акад. Т.Д. Лысенко вопрос: вы приводите прибавку в десятки миллионов пудов, а где убытки, которые принесла яровизация? Этого сказать мы не можем, потому что громадный материал, накопившийся на опытных станциях и в государственной сети сортоиспытания, не опубликован и не учтен, а он есть".

Подобные детали, столь ясные ученым, не интересовали Я.А. Яковлева. А может быть (кто знает!) и он во всем разобрался. Но уже не был властен над своими словами и делами. Слишком много авансов выдал он стране в связи с яровизацией. Слишком шумно и открыто противопоставлял он Лысенко другим ученым.

Провал яровизации, как массового агроприема, пригодного во всех климатических зонах страны, если и стал очевиден Яковлеву, то слишком поздно.

Мосты уже были сожжены.

О том, что в Москве недовольны ВИРОм Вавилов узнал от Сергея Мироновича Кирова. Он сам приехал в институт, подробно ознакомился с работой, о которой, впрочем, и без того был хорошо осведомлен, сказал, что недовольство, конечно, вызвано недоразумением, и он, Киров, все уладит.

Но в конце 1934 года Кирова не стало...

Еще раньше, в мае, Наркомат земледелия подготовил проект решения Совнаркома о реорганизации ВАСХНИЛ. Проект предусматривал ряд организационных изменений в структуре академии. Учреждалось звание академика ВАСХНИЛ, и через год это звание было присвоено двадцати наиболее известным ученым, среди них Н.И. Вавилову, Н.К. Кольцову, А.С. Серебровскому, М.М. и Б.М. Заводовским, П.И. Лисицыну, П.Н. Константинову, Т.Д. Лысенко... Однако к работе над проектом президент академии привлечен не был. Ему лишь для ознакомления был послан проект, по поводу которого Вавилов телеграфировал наркому земледелия М.А. Чернову (Я.А. Яковлев к тому времени стал заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б)):

"Ознакомившись с проектом Постановления Совнаркома, считая совершенно правильными намеченные организационные изменения Академии, полагаю первой вводной части необходимы исправления тчк По сортосмене Академией развернуто широкое планомерное сортоиспытание основе которого приводятся все практические мероприятия размещению семеноводства тчк Первоначальный проект районирования опубликован в конце 1931 тчк Работы удобрениям сортам проводились непосредственно в совхозах колхозах тчк (...) Проведены большие работы селекции севере выведен сорт новинка на базе работ Полярной станции идет развитие совхозов крайнего севера тчк Эти три года советской агрономической наукой сделаны крупнейшие мирового значения достижения практическим вопросам селекции управления растением племенному животноводству агропочвоведению давшим новую основу государственным мероприятиям тчк Этого нельзя не указать постановлении тчк Нельзя ответственность за производство оперативную работу семеноводству животноводству возлагать научную систему".

Как видим, Наркомат земледелия перекладывал ответственность за просчеты в собственной работе на академию.

В 1935 году президентом ВАСХНИЛ стал заместитель наркома земледелия А.И. Муралов. Н.И. Вавилов был назначен вице-президентом. Тогда же признали нежелательным празднование двойно-

го юбилея: двадцатипятилетия творческой деятельности Н.И. Вавилова и десятилетия ВИРа.

Впервые, должно быть, Вавилов почувствовал всю серьезность положения. Понял, что существуют силы, заинтересованные в его систематической травле. И что для достижения своих целей они не остановятся ни перед чем, *готовы даже нанести ущерб престижу родной страны.*

Ведь о юбилее было широко объявлено.

...Зарубежные гости уже получили приглашения на юбилейные торжества и готовились в путь. А те, кто не мог приехать, прислали поздравления. Эти поздравления смягчали досаду и в то же время обостряли ее.

”Вам удалось благодаря Вашей совершенно выдающейся деятельности заслужить признание биологов всего мира, что Вам должно приносить большое удовлетворение и что будет служить стимулом для Вашей дальнейшей деятельности”.

Так писал один из основоположников генетики Эрик Чермак*.

”Примите мои лучшие пожелания к Вашему 25-летнему юбилею и уверение в моем глубоком уважении к Вашей научной деятельности.

Вам мы обязаны словами, что ”образование видов имело место преимущественно в горах и лишь побочно в равнинах”.

Фотография, которую Вы сняли во время Вашего пребывания в Дунтерне, висит передо мной и служит мне ежедневным милым напоминанием о наших разговорах”.

Это другой основоположник генетики, Гуго де Фриз.

”По моему мнению, работа, проделанная Вами и Вашим институтом, является самым важным памятником для применения науки к сельскому хозяйству в течение этого столетия.

Помимо непосредственных результатов, которые представляют громадную ценность для человечества, я думаю, что Вам удалось проникнуть в душу народов и что Ваши творения не умрут никогда.

Я надеюсь, что Вы еще долго будете плодотворно работать и покажете всему свету, что может быть сделано на основе организации с таким широким горизонтом”.

* Вероятно, не лишне напомнить, что основные законы генетики были открыты дважды. Гениальная работа августинского монаха из чешского городка Брно Грегора Менделя, опубликованная в 1866 году, настолько опередила свое время, что осталась незамеченной. В 1900 году те же самые законы были открыты независимо друг от друга сразу тремя учеными: Гуго де Фризом, Карлом Корренсом и Эриком Чермаком, что и послужило толчком к бурному развитию генетики.

Это директор Государственного института селекции Голландии профессор Брокем...

А в родной стране юбилей отмечать запретили. Хоть бы предупредили заранее. А теперь стыдно, стыдно перед всем миром...

Примерно в это время произошел и другой случай, все значение которого Вавилов осознал лишь впоследствии.

Его правый глаз, поврежденный еще в детстве, почти совсем перестал видеть (о чем почти никто не знал).

Как-то вызванный на совещание и, видимо, немного опаздывая, погруженный в свои мысли, Вавилов стремительно шел по пустому коридору в Кремлевском дворце. Вдруг он столкнулся с человеком (тот шел навстречу с правой от Вавилова стороны), которого заметил лишь после того, как тот в испуге огпрыгнул. Это был Сталин. Вавилов вежливо извинился, но потом во время всего заседания чувствовал на себе подозрительный взгляд Сталина из президиума.

На ближайших выборах во ВЦИК кандидатура Вавилова не была выставлена...

Поражает железная закономерность в протекании двух взаимообусловленных процессов: по мере того, как в глазах руководителей страны падали акции Николая Вавилова, стремительно возрастал престиж Лысенко.

С каждым месяцем Лысенко торжествовал все новые и новые победы.

11.

Из-под пера Лысенко одна за другой выходили все новые "практические рекомендации", которые он не желал проверять точными лабораторными опытами и требовал немедленного внедрения их на "миллионах гектаров колхозных и совхозных полей".

"Обобщая" эту деятельность, Лысенко и Презент писали в редакционной статье первого номера журнала "Яровизация", который начал выходить под их редакцией в 1935 году:

"Сокращение сроков вегетации в поле злаковых растений как средство борьбы с суховеями; яровизация картофеля и высадка глазков яровизированных клубней, как средство уменьшения посадочного материала, одновременно ведущее к повышению урожая; открытие различия зимостойкости растений на различных стадиях развития и вытекающие отсюда мероприятия борьбы с зимней гибелью озимых; способ выведения сортов озимых путем отбора из популяций при помощи посева недояровизированными семенами; открытие причин вырождения картофеля на юге и лет-

ние посадки картофеля, как средство борьбы с вырождением посадочного материала в засушливых районах степи; теоретические основы сознательного подбора родительских пар для скрещивания при выведении сортов различных культур; открытие и формулирование закономерностей выщепления по срокам вегетационного периода как теоретическая основа новых приемов браковки в селекционном процессе; совершенно новая постановка вопросов семеноводства — вот те, далеко не исчерпанные в нашем перечислении, выходы теории стадийного развития, которые уже претворены и претворяются в практику социалистического сельского хозяйства”.

Психологическое возникновение этого каскада предложений легко объяснимо. Ясный уже для самого Лысенко провал агроприема яровизации и нежелание мириться с этим провалом, усилившиеся выступления против повсеместной мочки семян ряда крупнейших ученых (прежде всего, Дончо Костова, П.И. Лисицына и П.М. Константинова), пробудили в Лысенко попытку доказать, что яровизация (на успехе которой он продолжал настаивать) — это вообще мелочь, что его теория стадийности может дать практике и массу других полезных вещей. Надо только, чтобы ему, Лысенко, не мешали! В то же время при такой постановке вопроса можно было не оспаривать аргументы противников яровизации, а обрушиться на самих противников, обвинить их в стремлении сорвать важное государственное дело, в посягательстве не только на яровизацию, как агроприем, но и на саму теорию стадийности, хотя на нее никто не посягал.

Между тем даже безудержная фантазия Лысенко постепенно истощалась. Доить теорию стадийности становилось все труднее, и Лысенко стал безмерно раздувать ее значение, расширять ее “сферы влияния”.

Так, два последних из “далеко не полного перечня выводов теории стадийного развития”, по существу, имели к этой теории отдаленное отношение, зато посягали на сложившиеся представления о наследственности.

Лысенко не давала покоя “задача”, поставленная в 1931 году перед селекционерами Я.А. Яковлевым: ускорить выведение сортов путем гибридизации до трех-четырех лет.

Больше года он раздумывал и колебался.

И наконец решился: “взял обязательство” вывести сорт яровой пшеницы за два с половиной года.

Ученые не приняли всерьез это обязательство. Знали — подобное невозможно. И надеялись, что провалившись, Лысенко станет

осторожнее, и, может быть, — нет худа без добра, — возьмется, наконец, за пополнение своих знаний.

Между тем, первый номер журнала "Яровизация", начавший выходить в 1935 году, под редакцией Т.Д. Лысенко и И.И. Презента, открывался рапортом:

"ЦК ВКП(б), зав. сельхозотделом тов. Я.А. Яковлеву.

Наркому земледелия СССР тов. М.А. Чернову.

Зам. наркома земледелия СССР — президенту Всесоюзной Академии с.-х. наук им. В.И. Ленина — тов. А.И. Муралову.

При вашей поддержке наше обещание вывести в два с половиной года путем скрещивания сорт яровой пшеницы для района Одессщины, более ранний и более урожайный, нежели районный сорт "лютесценс-062" — выполнено".

Ученым оставалось лишь усмехнуться при виде того, как ловко невыдержанный Лысенко владеет этикетом в обращении с начальством. И в недоумении развести руками: метод, которым Лысенко и его сподвижники "вывели" сорт в "рекордно короткий срок", не лез, как говорится, ни в какие ворота.

Как известно из законов Менделя, в первом поколении гибрида рецессивные признаки родительских форм не проявляются. Чтобы быть уверенным, что ни одна ценная форма не утрачена, селекционер должен высеять все до единого семени первого поколения и только во втором начинать отбор. Если исходные формы отличаются друг от друга хотя бы десятком генов, возможны миллионы различных сочетаний, из которых лишь несколько представляют практическую ценность. Отсюда огромный масштаб селекционной работы.

А Лысенко браковал гибриды в первом поколении.

Имея дело с небольшой горсткой семян, он выращивал их в теплице и в год получал три поколения. За два с половиной года он довел свои гибриды до седьмого поколения.

Только случайная удача могла дать действительно ценный сорт при таком "методе". Но если удача и сопутствовала Лысенко, семи поколений обычно недостаточно, чтобы получить константный (нерасщепляющийся) сорт. Даже если допустить, что такой сорт получен, как можно было рапортовать, что он лучше районированного? Ведь для этого необходимо испытать его в полевых условиях. Причем испытать в течение ряда лет (обычно применяются трехлетние испытания), так как разные погодные условия могут дать разные результаты.

Словом, никто из серьезных ученых Лысенко не поверил. Они вынуждены были заявить, что работа проведена неграмотно,

что "метод" Лысенко противоречит элементарным законам генетики.

К тому же сам Лысенко, бодро отрапортовав об удаче, вынужден был признать, что выведенный им "сорт" сильно поражается головней, но говорил, что этот недостаток можно устранить отбором. Отбором улучшить сорт, может быть, и удастся, возражал ему академик Константинов, но это будет продолжение работы, требующее времени; следовательно, сорт в "рекордно короткие сроки" не выведен.

Методику браковки гибридов по первому поколению разбили в печати многие ученые, но, может быть, наиболее убедительно это сделал Николай Иванович Вавилов.

Следуя своей тактике доброжелательства, Вавилов продолжал подчеркивать положительное во взглядах Лысенко. Он говорил, что на девяносто процентов согласен с предлагаемой Лысенко методикой сортовыведения, а не согласен только на десять процентов. Однако и сторонникам, и противникам Лысенко было ясно, что девяносто процентов слагаются из старых, давно апробированных методов, а также из прямых следствий теории стадийности. Вавилов, например, поддержал здравую мысль Лысенко о том, что при выведении ранних сортов не обязательно брать для скрещивания хотя бы одного раннего родителя; можно выбрать два поздних сорта, но так, чтобы у одного из них была короткой стадия яровизации, а у другого — световая стадия (так Лысенко называл вторую стадию развития растений), — тогда в потомстве гибридов можно ожидать сочетания обеих коротких стадий и таким образом получить сорт, более ранний, чем оба родительских. Но Вавилов показал, ссылаясь на факты мирового опыта, а также на свои эксперименты, что скороспелость вовсе не всегда, как утверждал Лысенко, доминирует над позднеспелостью, и поэтому опрометчиво при выведении скороспелых сортов браковать гибриды по первому поколению. Кроме того, в своем обобщающем труде "Научные основы селекции пшеницы" (1935 год) Вавилов отчетливо показал, что селекция на вегетационный период (раннеспелость) составляет лишь небольшую часть задач, стоящих перед селекционером. Достаточно перечислить разделы, составляющие в этой работе главу "Селекция пшеницы", чтобы увидеть, что не только непосредственные работы Лысенко, но и вся область селекционной науки, в которой он работал, — это лишь звено в длинной взаимно увязанной цепи. Ведь селекционер ведет работу на урожайность, на иммунитет к заболеваниям, на химический состав (у пшеницы, главным образом, на процент содержания белка), на мукомольные и хлебопекарные качества,

на засухоустойчивость, на зимостойкость, на отзывчивость к удобрению, на неполегаемость и неосыпаемость, а не только на вегетационный период.

Но Лысенко ничто не могло убедить. Спорить же с ним становилось все труднее, так как он отвергал любую основу для спора. Он не желал признавать не только какие-либо теоретические положения, кроме своих собственных, но даже элементарные факты, широко известные в литературе, отрицал с порога, говорил, что верит лишь тем фактам, которые получил он сам и его сотрудники.

Впрочем, вывел или не вывел Лысенко сорт в два с половиной года — вопрос частный. Его методике браковки гибридов по первому поколению селекционеры следовать не собирались.

Опасной была другая затея, с которой тогда же выступил Лысенко, — та, что названа "совершенно новой постановкой вопроса семеноводства".

Лысенко заявил, что самоопыление вредно для растений, что оно ведет к "вырождению" сортов. И предложил способ "борьбы" с мнимым вырождением — внутрисортное скрещивание. Специалисты не на шутку встревожились. Ведь сорта никогда не бывают абсолютно чистыми. Вовлеченная в перекрестное опыление пыльца незначительных чужесортных примесей может привести к расщеплению и погубит сорта, выводившиеся десятилетиями.

В ответ на такое предостережение Лысенко стал утверждать, что чистоты сорта и не следует добиваться, что теория "чистых линий" порочна в своей основе. Что вообще законы генетики вредны и бесплодны, что представления генетиков о случайном, статистическом сочетании признаков "небиологично", что растения при опылении "выбирают" пыльцу. Презент окрестил эту теорию "браком по любви", что очень понравилось Лысенко. Он писал:

"...Самоопыление — это вынужденный брак, брак не по любви. Как бы ни хотела данная яйцеклетка "выйти замуж" за того "парня", который растет от нее за три вершка, она этого сделать не может, потому что пленка закрыта и не пускает чужой пыльцы".

И это выдавалось за новое слово в науке!

По-своему Лысенко умел быть последовательным. Выступив за перекрестное опыление самоопылителей, он ополчился и на самоопыление перекрестников.

Опыт многих десятилетий показала, что если искусственная гибридизация при умелом подборе родительских пар ведет к огромным успехам в селекции самоопылителей, то у перекрестников серьезных результатов почти не бывает. Причина ясная: перекрестно-опыляющиеся растения по своей наследственной природе уже

гибридны. Их доминантные гены неизменно выявляются, а рецессивные остаются скрытыми.

Американским ученым пришла идея вести селекцию перекрестников методом принудительного самоопыления. По теоретическим представлениям, этот метод должен был вести к выщеплению рецессивных форм. Среди них селекционеры и рассчитывали вести отбор. Теория подтвердилась: самоопыление давало очень большой спектр изменчивости. При этом выщеплялись многие ценные формы, например, иммунные. Правда, растения получались хилые, низкоурожайные. Их нельзя было размножать, как готовые сорта. Но вовлечение таких "инцухтированных" (от "инцухт" — разведение в себе) линий в последующие скрещивания сулило хорошие перспективы. Особенно блестящий результат получили американские селекционеры на кукурузе. Скрещивание специально подобранных инцухт-линий давало небывалую вспышку урожайности: до тридцати-сорока процентов прибавки.

И вот Лысенко выступил против инцухт-метода.

Разумеется, самого Лысенко и его сотрудников никто инцухт-методом работать не заставлял. Но Лысенко требовал, чтобы этот метод был исключен из практики всех селекционерных учреждений страны. Всякие попытки экспериментировать с инцухтом он объявлял вредными и бесплодными.

Летом 1935 года в Одессе состоялась выездная сессия ВАСХНИЛ. В обширном докладе Н.И. Вавилов не мог обойти и вопрос об инцухт-гибридах кукурузы. Не вдаваясь в теоретические споры с Лысенко, Вавилов лишь напомнил о практическом достижении американцев. Указал, что в США уже пять процентов площади под кукурузой засеяно инцухт-гибридами, и что американцы народ практичный и денег зря на ветер не бросают. Но Лысенко возразил:

"Мне непонятно, в чем именно в данном примере пракτικότητα американцев — в том ли, что они "хорошее дело", а именно — теорию инцухта, использовали в практических посевах кукурузы только на площади в 5%, или же в том, что американцы 95% кукурузной площади засевают сортами кукурузы, выведенными (...) обычным массовым отбором, т.е. методом, совершенно противоположным инцухт-методу.

Более того, в литературе (может быть, я не всю ее знаю) я не нашел подтверждения цифры 5% кукурузной площади в Америке, засеваемой гибридными сортами, полученными от скрещивания инцухт-линий. А ведь при все этом акад. Вавилов безусловно прав, говоря, что "янки народ практичный".

Незаурядный полемист, Лысенко умело сочетал в своих публичных выступлениях безграничную саморекламу с показной скромностью, тонко отождествлял себя с истинно советской наукой, а своих противников — с ее врагами.

На II съезде колхозников-ударников, происходившем в феврале 1935 года, он, например, говорил:

”В нашей советской сельскохозяйственной науке день за днем развивается коллективность в работе. Растет связь теории с практикой. В самом деле, кто разработал научные основы яровизации? Я в этом деле участвовал (!) и знаю, кто еще в нем принимал участие. Может быть, их разработал Яков Аркадьевич Яковлев? Потому что, если бы он в 1930 году не подхватил этого вопроса в зародыше, не было бы в таком виде и в такой форме яровизации на сегодняшний день, как мы ее имеем. Может быть, автор этого дела Родионов А.Д., который работает сейчас в лаборатории, — молодой парень, 30 лет, рабочий, лучший знаток и настоящий специалист этого дела? Он как раз ведает всеми колхозными опытами в этой части.

Может быть, это Лысенко, тот Лысенко, который перед вами, ученый Лысенко? Может быть, это колхозники создали ее, потому что и в этом году 25 тысяч колхозников участвовали в этом деле? Будет правильно на все эти вопросы ответить так: не имели бы мы яровизации без Якова Аркадьевича Яковлева, без А.Д. Родионова, без Лысенко. А все это вместе — наша советская действительность, наша колхозная действительность. *Этим и сильна наша советская наука. Но, товарищи, все то, что я перечислил, хорошо для собраний, для докладов, для приема иностранных экскурсий, которые сильно интересуются яровизацией. Они удивляются, когда видят, как на их глазах тысячи неплодоносящих сортов мировой коллекции пшеницы после яровизации великолепно плодоносят. Но все ли мы сделали, что нужно? Нет, нужно и можно сделать гораздо больше, особенно в практике нашего социалистического сельского хозяйства. На самом деле, товарищи, хотя яровизация, созданная советской действительностью, и смогла за довольно короткий период времени, за какие-то 4-5 лет, вырасти в целый раздел науки, смогла отбить все нападки классового (!) врага, — а немало их было, — но сделать надо еще много.*

Товарищи, ведь вредители-кулаки встречаются не только в нашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее они закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с неко-

торыми так называемыми "учеными" по поводу ярдовизации, в борьбе за ее создание, немало ударов пришлось выдержать в практике. Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте ярдовизации? В колхозах были кулаки и подкулачники, которые не раз нашептывали крестьянам, да и не только они, а всяческий классовый враг шептал крестьянину: "Не мочи зерно. Ведь так семена погибнут". Было такое дело, были такие нашептывания, такие кулацкие, вредительские рассказы, когда вместо того, чтобы помогать колхозникам, делали вредительское дело. И в ученом мире и не в ученом мире, а классовый враг — всегда враг, ученый он или нет.

Вот, товарищи, так мы выходили с этим делом. Колхозный строй вытянул это дело. На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами".

И Лысенко не ограничивался выпадами против своих противников вообще. Он называл их поименно. Когда через год на совещании передовиков урожайности он опять заговорил о своих теоретических положениях, "против которых многие представители науки наиболее спорят", Я.А. Яковлев задал вопрос:

"А кто именно, почему без фамилий?"

Лысенко ответил:

"Фамилии я могу сказать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. Проф. Карпеченко, проф. Лепин, проф. Жебрак, в общем большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе "Научные основы селекции", соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе".

В статье "Наука не терпит субъективизма" ("Наука и жизнь", №4, 1965) академик Н.Н. Семенов напомнил, что "Лысенко и такие его сторонники, как например, И.И. Презент, используя условия культа личности, перевели борьбу с инакомыслящими из плоскости научной дискуссии в плоскость демагогии и политических обвинений". К сожалению, Н.Н. Семенов не подтвердил этих слов цитатой, воспользовавшись чем Лысенко ответил:

"Никогда я не занимался никакой демагогией и никакими политическими обвинениями. Пусть этот грех академик Семенов берет на себя".

Разумеется, академик Н.Н. Семенов в нашей защите не нуждается. Но нам думается нелишним напомнить процитированное высказывание Лысенко, после выступления которого, как свидетельствует "Правда", Сталин воскликнул: "Браво, т. Лысенко,

браво!'. Или обвинение всех противников яровизации (Лысенко и Презент распространили это обвинение на противников любой выдвинутой ими идеи) в том, что они действуют заодно с "кулаками" и являются "классовыми врагами" — не политическое ли обвинение?

Из этого выступления, между прочим, видно, что Лысенко вовсе не был подвержен шпиономании. Он отлично понимал: его расхождение с генетиками объясняются не тем, что в науке руководящие посты захватили "вредители", а несходством теоретической позиции. Значит, политический шантаж был одним из сознательно применяемых шулерских приемов в затеянной им игре. Впрочем, то были вынужденные приемы.

Лысенко не мог рассчитывать на поддержку большинства ученых. Потому что ученые верят фактам, а с фактами у него было неблагополучно. Ему все чаще приходилось для "подтверждения" своих идей искусственно подбирать, подтасовывать факты, иногда прямо фальсифицировать их. Зная заранее, что честного научного поединка ему не выиграть, он вступил на опасный, но единственный для него путь.

Лысенко лишь выглядел властелином, направляющим события. По существу же, вызванная им цепная реакция сразу вышла из повиновения, стала развиваться по своим внутренним законам. Выпустив из бутылки могущественного джина, Лысенко стал его рабом.

Такова жестокая диалектика жизни. Раз ступивший на наклонную плоскость лжи и интриг, неизбежно скатывается в пропасть.

Игра шла ва-банк. На карту было поставлено все: и репутация ученого, которую Лысенко успел завоевать, и доверие руководителей страны, и материальное благополучие. То была азартная игра, в которой можно было все выиграть или все проиграть.

Впрочем, выиграть уже было невозможно. Но можно было создать иллюзию выигрыша, что и удалось Лысенко благодаря своеобразию времени, в которое шла эта единственная в своем роде игра. Своеобразие времени было таково, что в умах большинства современников истинное положение в биологической науке получало зеркальное отражение. Падение представлялось стремительным взлетом...

Между тем Лысенко выступил с новой идеей.

В интервью газете "Социалистическое земледелие", опубликованном 7 ноября 1935 года, он поделился с читателями своей "заветной мечтой":

"Мы сейчас начинаем, хотя в небольшом масштабе, работу по превращению озимых сортов пшеницы, ржи и ячменя в яровые не путем яровизации (при которой изменяются соответственно требованиям растений внешние условия), а путем изменения требований самого растения, то есть путем переделки природы растения (без гибридизации) из озимого в яровое. Ту же работу будем проводить по превращению яровых в озимые, длиннодневных в короткодневные, а короткодневные в длиннодневные. Все наши теоретические предположения и весь побочный (!) фактический материал, который нам известен, говорят за то, что задача эта, сулящая огромные перспективы для селекции, вполне разрешима".

Внешне все это выглядело заманчиво, а по сути означало начало конца. Как собирался Т.Д. Лысенко, к примеру, превратить яровые формы в озимые? Он говорил, что если поздней осенью, перед выпадением снега, высеять яровые формы, то большинство растений погибнет, но небольшой процент удачно перезимует и на следующий год даст семена. Если теперь эти семена высеять опять поздней осенью, но несколько раньше, чем в предшествующий год, то произойдет то же самое. Так можно постепенно довести срок посева до срока посева обычных озимых, а следовательно, яровые по своей природе растения превратятся в озимые.

Сделав такое предположение, Лысенко попробовал его осуществить. Получилось. Почему? По очень простой причине, ответили генетики. Зимние холода действовали на посевы как фактор отбора. Истинно яровые формы они уничтожали, а небольшую примесь озимых сохраняли. Ничего нового в этом нет. Так называемый "провокационный" отбор давно применяется в практике селекции.

Но Лысенко давал другое объяснение. Он утверждал, что под действием холода растения по своей наследственной природе становятся более холодостойкими, что приспособления, вырабатываемые в процессе индивидуального развития растений, закрепляются наследственностью.

То есть выдвигал старую, давно отброшенную наукой концепцию Жана-Батиста Ламарка.

Поразительную живучесть обнаруживала эта концепция на протяжении десятилетий. Один за другим ламаркисты неизбежно приходили к краху, но на смену им появлялись новые.

”Если бы мы имели время обозреть многочисленные попытки, сделанные за последние сто лет для восстановления учения Ламарка, — писал Томас Гент Морган, — то эта история показала бы слабость и ничтожество одной попытки за другой, подлинный бред ошибочной логики, недостаточных доказательств, различного рода погрешностей и неудержимых сенсаций”.

В 1926 году застрелился один из самых убежденных ламаркистов, австрийский биолог Пауль Каммерер, ставший жертвой собственной предвзятости. Больше двух десятилетий будоражил он ученый мир своими ”открытиями” и не смог пережить позора, когда в его опытах обнаружили фальсификацию (в которой сам Каммерер, как считают историки науки, повинен не был). Фанатическая вера прямо противоположна научному познанию. Характерно, что Николай Вавилов — ученый не только по профессии, но по всему складу своего мышления — в общем отрицательно относившийся к ламаркизму, в 1923 году писал П.П. Подъяпольскому*:

”Положение таково, что экспериментальных данных по унаследованию приобретенных признаков нет. Только что еще лишний раз опровергнуты недавние опыты Гайера. Опыты Гайера были поразительно эффективны с вызыванием деформации глаза путем впрыскивания сыворотки. Коротенько эти опыты изложены в моей брошюре, которую Вам посылаю. Она опубликована в 1923 году, но 2 месяца тому назад в новом прекрасном английском журнале экспериментальной биологии внук Гексли**, проверивший опыты Гайера, не подтверждает их. Каммерер безнадежен. Любопытна полемика в прошлом году между Бэтсоном***, Макбрайдом и Каммерером, которая еще лишний раз кончилась крахом для Каммерера. Право, я, Петр Павлович, объективен. Приемлем, в случае необходимости, ламаркизм, но экспериментальных данных нет, ничего не поделаешь”.

Со смертью Каммерера ламаркизм сошел с исторической сцены, и возрождение его через десять лет Лысенко с Презентом казалось поразительным невежеством.

* Петр Павлович Подъяпольский, крупный ученый, психолог и психиатр, широко использовал лечение гипнозом. Вавилов был близким другом Подъяпольского со времени работы в Саратове, где постоянно жил Подъяпольский.

** Джулиан Хаксли, выдающийся английский биолог, один из создателей современной теории эволюции.

*** Вильям Бэтсон, один из основоположников генетики, предложивший сам термин ”генетика” для обозначения науки о наследственности. В 1914 году Н.И. Вавилов стажировался в Англии в институте Бэтсона и считал себя его учеником.

”Попытки возрождения ламаркизма на фоне биологии звучат так же, как если бы были сделаны попытки восстановить представление о том, что не земля вращается вокруг солнца, а солнце вокруг земли”, — писал академик М.М. Завадовский.

”Идеи, обобщения, которые имеют, казалось бы, каждодневное подтверждение, идеи, которые, казалось бы, вытекают из каждодневного опыта каждого зрячего человека, имеют, как правило, очень большую устойчивость и их необыкновенно трудно изживать даже в том случае, если этот каждодневный опыт имеет в своей основе иллюзию. К числу таких идей относится представление, что солнце вращается вокруг земли.

После появления трудов Коперника, который показал иллюзорность каждодневного опыта о вращении солнца вокруг земли, прошло много лет и столетий, прежде чем мысль о том, что не солнце вращается вокруг земли, а земля вращается вокруг солнца сделалось для каждого грамотного человека основным представлением о природе.

Представьте себе в наш век культурного человека, который бы выступил в печати со святым наивным утверждением, что ”как он сам убедился”, солнце вращается вокруг земли”.

Вот таким наивным (но отнюдь не святым) было утверждение Лысенко, что ”воспитание” меняет природу растений, что осенний посев превращает яровые формы в озимые.

Генетики спрашивали: почему же ”изменяется” наследственная природа только небольшого процента растений, а подавляющее большинство их гибнет? Разве не говорит этот факт о том, что здесь действует отбор, а не воспитание?

На этот вопрос Лысенко не мог дать убедительного ответа. И отвечал умело подобранными цитатами из Дарвина, Тимирязева, Мичурина, которыми его снабжал И.И. Презент.

Так создавалось учение, которое вскоре, с легкой руки его авторов и к немалому удивлению большинства биологов, стало громко именоваться ”мичуринским”.

14.

Иван Владимирович Мичурин прослеживал в своем творчестве несколько этапов. Первые двадцать лет, под влиянием идей садовода Греля, Мичурин пытался акклиматизировать нежные южные сорта плодовых в суровых условиях севера путем прививок их на местные растения. Этот период сам Мичурин впоследствии считал бесплодным. Только приступив к гибридизации, он добился

тех успехов, которые благодаря Н.И. Вавилову* стали известны всему миру.

”Основную и крупнейшую заслугу” Мичурина Вавилов видел в том, что ”он, как никто другой в нашей стране, выдвинул идею отдаленной гибридизации в плодоводстве. Он первый приступил к широкой мобилизации со всего земного шара видов и сортов для скрещивания”.

В то же время Вавилов считал, что ”в писаниях Ивана Владимировича при всех его больших заслугах есть много элементов ненаучности, как у Бербенка **”.

Элементы ненаучности сводились главным образом к тому, что Мичурин хоть и отказался от методов Греля, но не смог до конца освободиться от лежащего в их основе ламаркистского взгляда на эволюцию. Чтобы ждать положительного эффекта от перенесения сортов, приспособленных к одним условиям существования, в совершенно иные условия, надо было верить, что приспособления, вырабатываемые в растениях под воздействием новых условий среды, закрепляются наследственностью.

Отказавшись от прямой акклиматизации и приступив к скрещиванию, Мичурин тем не менее придавал большое значение ”воспитанию” гибридных растений.

Надо сказать, что на этом пути он пришел к интереснейшим открытиям. Он, например, доказал, что доминирование одних родительских признаков над другими вовсе не предопределено в генотипе, как считали генетики со времен Менделя. Выращивание (”воспитание”) гибрида в определенных условиях может привести к доминированию признака, обычно считающегося рецессивным. Этот факт имел колоссальное значение для селекции плодовых и вообще растений, размножающихся вегетативным путем (то есть отростками, клубнями, а не семенами). Ведь при размножении отростками сохраняется наследственная структура исходного растения, а значит, не происходит менделевского расщепления гибрида. Поэтому, если мы получили растение с ценными качествами, его можно закрепить и размножить как сорт, хотя бы в его генотипе содержались в рецессивном состоянии вредные гены. Но Мичурин

* В 1920 году Н.И. Вавилов посетил Мичурина в Козлове (ныне Мичуринск), и с тех пор стал активно пропагандировать его работы. Одновременно Н.И. Вавилов убедил Мичурина подготовить большой труд о его работе с плодовыми и издал его со своим предисловием.

** Лютер Бербанк, американский селекционер-самоучка, автор большого числа превосходных сортов плодовых, овощных и полевых культур. В области теории допускал серьезные ошибки, как и И.М. Мичурин.

недостаточно четко формулировал свои положения, и некоторые его высказывания, особенно в ранних работах, можно истолковать в том духе, что "воспитание" гибрида приводит к направленному изменению его наследственной природы.

Так и истолковывали Мичурина Презент и Лысенко и при этом утверждали, что все успехи замечательного плодОВОДА, давшего 350 отличных сортов плодовых и ягодных культур, объясняются не умелым подбором пар для скрещивания, как это подсказывает всесторонний анализ его работ*, а направленным изменением наследственности путем "воспитания".

15.

По-видимому, без И.И. Презента Лысенко не решился бы выступить против основ учения о наследственности.

Юрист по образованию, преподававший дарвинизм и выступавший по философским вопросам естествознания в печати, Презент еще в начале тридцатых годов громил "классового врага на естественнонаучном фронте". С легкостью необыкновенной он зачислял во "враги" крупнейших ученых страны, например, академика В.И. Вернадского.

Но к генетике в тот период Презент относился лояльно. Ему даже принадлежала крылатая фраза: "Генетика порождает диалектику".

Рассказывают, что в 1932 году Презент предлагал Н.И. Вавилову основать в ВИРе философское отделение, поручить руководство отделением ему, Презенту, а он возьмется за обоснование достижений института с позиций дарвинизма и диалектического материализма. Получив отказ, Презент отправился в Одессу и здесь был встречен с распростертыми объятиями.

Впоследствии, на совещании передовиков урожайности, Лысенко рассказывал:

"Я часто читаю Дарвина, Тимирязева, Мичурина. В этом помог мне сотрудник нашей лаборатории И.И. Презент. Он показал мне, что истоки той работы, которую я делаю, исходные корни ее дал еще Дарвин. А я, товарищи, должен тут прямо признаться *перед Иосифом Виссарионовичем*, что к моему стыду, Дарвина понастоящему не изучал".

Как видим, И.И. Презент мог "обосновать" с позиций дарвинизма все, что угодно.

* Н.П. Д у б н и н. Теоретические основы и методы работ И.В. Мичурина. М., 1966.

Делалось это просто. Все положения Лысенко, намеки на которые можно было найти у Дарвина (неважно, что некоторые положения Дарвина могли устареть, что Дарвин высказывался с большой осторожностью, а Лысенко — с крайней категоричностью), объявлялись истинно дарвинистскими; что же касается тех положений Лысенко, о которых у Дарвина не удавалось найти ни слова, и даже тех, которые были противоположны дарвинскому учению, то они объявлялись "творческим развитием" дарвинизма.

Так человека, который не изучал Дарвина, Презент объявил истинным и единственным дарвинистом.

Между двумя апостолами нового учения быстро наметилось разделение труда, часто, впрочем, нарушавшееся. Лысенко разрабатывал "новое" учение, а Презент "обосновывал" его положения с позиций дарвинизма, мичуринизма и диалектического материализма, а параллельно "разоблачал" "антидарвинизм", "антимичуринизм", "идеализм и механицизм", классической или "формальной", как ее стали называть, генетики.

Лысенковцы, впрочем, отлично сознавали, как далеки их взгляды от взглядов И.В. Мичурина, который, как рассказывают многие свидетели и участники драмы, палкой выгнал Лысенко из своего кабинета, когда тот приехал к нему, чтобы обратиться к нему за помощью. Автору этих строк довелось несколько лет назад слушать лекцию одного правоверного лысенковца. Он заявил, что теоретические основы мичуринской биологии заложил Трофим Денисович Лысенко. Не случайно Лысенко и Презент объявили свое "учение" мичуринским уже после смерти Ивана Владимировича.

16.

Атака на генетику с "мичуринских" позиций особенно усилилась в 1936 году. Нельзя сказать, что Лысенко и Презент были уже к ней хорошо подготовлены. Но медлить они не могли. Через год в Советском Союзе должен был состояться VII Международный генетический конгресс, а он бы продемонстрировал огромные успехи советских и зарубежных "формальных" генетиков. И лысенковцы решили предотвратить это событие.

Острая дискуссия со страниц печати была перенесена на IV сессию ВАСХНИЛ, состоявшуюся в декабре 1936 года.

Многие генетики на сессии мастерски разбили положения Лысенко, показали, что истоки их надо искать не у Дарвина, а у Ламарка, и что завоевания классической генетики, обоснованные сотнями тысяч фактов, остаются незыблемыми. Они показали,

что "новое" учение Лысенко, по существу, отбрасывает науку на много десятилетий назад. Этого, впрочем, не отрицали и сами лысенковцы.

Еще до сессии И.И. Презент на страницах "Яровизации" выступил с демагогическими рассуждениями, которые сводились к тому, что дарвиновское учение создавалось в эпоху подъема капитализма, потому это учение надо считать прогрессивным; генетика же создавалась в эпоху загнивания капитализма, поэтому ее законы реакционны. А на самой сессии один из ближайших сотрудников Лысенко, Н.А. Долгушин, сказал:

"Нам кажется, что стоит только хотя бы немножко отступить назад, вернуться на биологические позиции Дарвина и забыть (!) на мгновение Менделя, его последователей, Моргана, кроссигOVER (то есть перекрест хромосом* — С.Р.), капустно-редечный гибрид (то есть одно из крупнейших завоеваний генетики двадцатых годов — межродовой гибрид, полученный Г.Д. Карпеченко — С.Р.) и другие премудрости генетики, как станет совершенно ясным путь, по которому должен идти селекционер..."

Блестяще парировали подобные высказывания генетики.

"Под якобы революционными лозунгами "за истинную советскую генетику", "против буржуазной генетики", "за неискаженного Дарвина" и т.д. — говорил академик А.С. Серебровский,**. — мы имеем яростную атаку на крупнейшие достижения XX века, мы имеем попытку отбросить нас назад на полвека. Какими бы хорошими и благородными чувствами ни руководствовалось большинство наших противников, объективно их поход, направленный по совершенно ложному пути, является во многих отношениях просто скандальным и уже сейчас наносит вред нашему хозяйству хотя бы тем, что сбивает с толку недостаточно устойчивую часть нашей научной молодежи и работников племенного дела

...Обратите внимание на курьезность положения. Генетика старается овладеть явлениями наследственности, в десятках лабораторий стремятся получить и получают мутации; стремятся вскрыть законы возникновения новых признаков и их передачи потомству. И вот им говорят: чего же вы ломаете головы, этот вопрос решен. Можно получать новые наследственные изменения прививкой, кормлением, яровизацией и притом не какие-то уродливости, а

* Явление, открытое в лаборатории Моргана и объяснявшее многие "странности" в наследственной передаче комплексов биологических признаков.

** Александр Сергеевич Серебровский — выдающийся ученый-генетик, сформулировал и доказал идею о делимости гена. Активный участник генетических дискуссий. Третировался как "мракобес" и "идеалист".

именно адекватные изменения, которые нам так нужны. А генетики вдруг почему-то не хотят воспользоваться этими методами и ломают головы над хромосомами, генами, возятся с рентгеном, радиом.

Но в том-то и дело, что все подобные методы давно опробованы, перепробованы, десятки ученых потратили на них десятки лет, десятки раз им казалось, что они получили то, что хотели. И десятки раз их постигало горькое разочарование, так как неизменно каждый раз обнаруживались ошибки”.

Один за другим поднимаются на трибуну крупнейшие генетики, селекционеры, цитологи и камня на камне не оставляют от “нового” учения. Известный цитолог М.С. Навашин говорит:

”Первоначально я имел намерение выступить здесь в защиту генетики от нападок, содержащихся в статьях, опубликованных непосредственно перед этой сессией, а также в ряде выступлений с этой трибуны (...). Но пока очередь дошла до меня, другие сделали это настолько хорошо, что я не вижу больше необходимости для себя лично выступать в роли защитника генетики”.

Но Лысенко и его сторонники не сдавались. Понимая, что ламаркистская концепция эволюции давно уже скомпрометирована, они отрешивались от ламаркизма, утверждали, что их не так понимают. При этом дарвиновский смысл своих позиций и антидарвиновский смысл позиций своих противников они даже не пытались доказывать, а постулировали его. Лысенко декларативно заявил:

”Я и мои единомышленники стоим за эволюционное учение Дарвина, за дарвинизм во всех разделах агробиологической науки. Отсюда (!) мы в корне не согласны со взглядами многих генетиков на эволюцию, на создание новых форм растений”.

Правда, выступивший на сессии закоренелый ламаркист академик С.С. Перов (он тоже считал себя ”истинным” дарвинистом) оказал Лысенко медвежьей услугой. Он сказал:

”Прав или не прав акад. Т.Д. Лысенко во всех деталях, я обсуждать не буду. Вообще ни дискутировать с ним, ни защищать акад. Т.Д. Лысенко я не собираюсь. Я нахожусь по своей научной работе в положении того же самого академика Т.Д. Лысенко и глубоко сочувствую его состоянию.

Те расхождения, которые могут быть между нами, не являются такими, которые бы заставили открывать широкую дискуссию”.

”С Ламарком я не согласен, а вы согласны”, — пытался репликой смягчить впечатление от этих слов Лысенко.

Но Перов его ”успокоил”:

”Я не упоминал ни слова о Ламарке. Я думаю, что академик Т.Д. Лысенко в вопросе о Ламарке может быть совершенно спокоен. Я не собираюсь обвинять его в ламаркизме и спорить по это-

му поводу. В ламаркизме его обвиняют генетики, я же считаю акад. Т. Д. Лысенко истинным дарвинистом”.

Но проиграв бой по существу, лысенковцы выиграли его тактически.

Они так умело распределили роли, что на последних заседаниях сессии произошел поворот. Дав высказаться своим противникам, они прочно завладели трибуной. В адрес генетиков новым каскадом посыпались старые обвинения. А возражать было уже почти некому: большинство генетиков высказалось, другие, увидев, что дело сделано, отказались от выступлений.

Выступившие с позиций “новой” генетики малограмотные “работники с мест”, вели дискуссию в тоне, заданном следующими словами доклада Лысенко:

“Некоторые из дискуссирующих... выступают в довольно приподнятых тонах, с нередкими, на мой взгляд, перегибами, со стремлением подтасовать факты в выгодном для себя направлении.

Лично к себе я этого отнести не могу. Я думаю, что тот, кто следил за печатью, должен прийти к заключению, что мои статьи, хотя и являются страстными, но во всяком случае, беспристрастными.

Статьи же Дончо Костова, акад. П.Н. Константинова, акад. П.И. Лисицына, акад. М.М. Завадовского и некоторых других, мне кажется, действительно не страстны, хладнокровно размерены, но зато сугубо пристрастны”.

Вот так и выступали лысенковцы, сваливая с больной головы на здоровую.

Они подтасовывали факты, и утверждали что их подтасовывают противники. Они так ловко “цитировали” своих оппонентов, что придавали их высказываниям прямо противоположный смысл, и утверждали, что противники неправильно толкуют утверждения Лысенко.

Они выступили с антидарвиновских позиций, называя их подлинным дарвинизмом, и утверждали, что антидарвинистами являются классические генетики.

Они возводили на своих противников политические обвинения, всячески стремясь дискредитировать их в глазах общественного мнения, и утверждали, что противники дискредитируют “мичуринское” учение.

И хотя сессия приняла решение поручить ВИРу экспериментально проверить все спорные вопросы, и в соответствии с этим решением институту было выделено 87 тысяч рублей, у большинства участников сложилось впечатление полного разгрома классической генетики.

Старейший советский ученый, из школы которого вышла добрая половина наших генетиков, академик Николай Константинович Кольцов, глубоко обеспокоенный за судьбы генетики, воспринявший ее беды как личную трагедию, обратился к президенту ВАСХНИЛ А.И. Муралову с призывом "спасать науку" от полного разгрома. С предложением собрать новую "узкую" сессию, то есть при участии одних членов Академии, и заново, на высоком научном уровне, разобрать спорные вопросы.

16 января 1937 года Президиум рассмотрел письмо Н.К. Кольцова и постановил:

"Признать, что письмо академика Н.К. Кольцова неправильно оценивает результаты дискуссии, указывая, что она "не дала никаких результатов или дала результаты самые отрицательные", так как в действительности дискуссия по вопросам генетики дала весьма положительные результаты, вызвала интерес к вопросам генетики и селекции в широких кругах и выдвинула ряд положений, подлежащих экспериментальной проверке".

В протоколе записано, что это положение принято "тремя членами президиума — акад. А.И. Мураловым, акад. Г.К. Мейстером и акад. Д.С. Марголиным при двух воздержавшихся — акад. Н.И. Вавилове и акад. М.М. Завадовском. Академики Н.И. Вавилов и М.М. Завадовский, мотивируя свое воздержание при голосовании этого пункта, заявили, что на данной стадии более отчетливо видны отрицательные результаты дискуссии, но что в дальнейшем постановка экспериментов и разработка спорных вопросов окажутся полезными с точки зрения интересов науки"...

Направляя это решение Н.К. Кольцову, А.И. Муралов сопроводил его длинным, на девяти страницах, письмом, которое превосходно показывает, как относились иные руководители к происходящим в биологической науке событиям. Не имея возможности привести его целиком, ограничимся небольшой выдержкой:

"В своем письме ко мне Вы пишете, что оно является "голосом в защиту науки". Разберем также и это Ваше положение. Вы себя считаете генетиком и Вас считают генетиком. Но я позволю себе Вас спросить: как выглядят Ваши высказывания в свете современных знаний науки, успехов социализма и существования Сталинской конституции, которые (высказывания) хотя и относятся ко времени 1921-23 гг., но от которых Вы до сих пор нигде не отказались.

В "Русском евгеническом журнале" Вы писали: "Опустошения, производимые в культурном человечестве эпидемиями чумы, холеры, оспы и тифов, а также и туберкулезом, могут быть рассматриваемы как отбор слабых конституций, являющийся в расовом смысле благотворным для физиологического здоровья расы".

В других Ваших писаниях в том же журнале не меньше мракобесия, чем в приведенном мною. Вы пишете: "Было бы достаточно предположить, что законы Менделя были открыты всего веком раньше: русские помещики и американские рабовладельцы, имевшие власть над браком своих крепостных и рабов, могли бы достигнуть, применяя учение о наследственности, очень крупных результатов по выведению специальных желательных пород людей".

Если Вы имеет в виду такую "науку", – продолжал А.И. Муралов, – такие "теории", когда пишете о разгроме генетики, то Вы правы, что такую науку в советской стране будет громить всякий честный ученый".

Трудно не содрогнуться при чтении цитат из работ Н.К. Кольцова, приведенных А.И. Мураловым, и трудно не присоединиться к его негодованию. А между тем, хотя цитаты текстуально точны, ничего подобного академик Н.К. Кольцов не утверждал.

И цитаты Муралов взял не из первоисточника, а из писаний И.И. Презента, который увидел в академике Кольцове особенно удобную мишень для атаки.

В начале двадцатых годов Н.К. Кольцов увлекался идеей улучшения человеческого рода, "евгеникой", учением, которое заложил двоюродный брат Дарвина Френсис Гальтон. В основу этого учения была положена мысль о том, что поскольку законы генетики общи для всего живого и, следовательно, для человека, то и "улучшать" человеческий род можно обычными методами селекции, применяемыми в растениеводстве и животноводстве. Ошибка в таком способе рассуждений очевидна: общность законов генетики еще не означает, что на человеческий род можно переносить методы, применяющиеся в растениеводстве и животноводстве. Человеческое общество развивается не столько по биологическим, сколько по социальным законам, вся история человеческого общества – это стремление к полной свободе личности, к ее наиболее полному и всестороннему развитию. Ни о каком отборе и подборе в человеческом обществе речи быть не может. Н.К. Кольцов это отлично понимал. Он писал, что "современный человек не откажется от самой драгоценной свободы – выбирать супруга по своему собственному выбору". Все же цели (а не средства!) евгеники его одно время сильно увлекали: он считал, что на основе всеобщих законов генетики евгеника выработает свои методы, которые позволят улучшить человеческий род, не ограничивая свободу личности. Ни о каком "мракобесии" в писаниях Н.К. Кольцова, конечно, говорить не приходится. Чтобы не было на этот раз сомнений, повторим приведенную А.И. Мураловым цитату из работ Кольцова в расширенном виде:

“...Мы не можем представить себе такие условия, при которых человеческая порода могла бы быть улучшена теми же способами, которыми современный зоотехник улучшает породы домашних животных. Для этого нам пришлось бы или перенестись воображением далеко назад, ко временам, когда могущественные властелины управляли своими подданными, как рабами, или же дать простор своей фантазии и на минуту вообразить, что осуществилась идея знаменитого английского писателя Уэллса, и на поверхность Земли опустились жители Марса, обладающие величайшими знаниями и недоступной для нас техникой марсиане. Если бы они действительно со всей своей культурой появились на Земле, то, конечно, сместили бы человека с того пьедестала “царя природы”, на который человек сам себя ставит, и отнеслись бы к человеку точно так же, как современный человек относится к своим домашним животным”.

Пусть нас не смущает слишком далекий взлет нашей фантазии. Повторяю, для нашей утопии, вместо того, чтобы выдумывать несуществующих марсиан, было бы достаточно предположить, что законы Менделя были открыты всего веком ранее: русские помещики и американские рабовладельцы, имевшие власть над браками своих крепостных и рабов, могли бы достигнуть, применяя учение о наследственности, очень крупных результатов по выведению специальных желательных пород людей ко времени освобождения крестьян и негров.

Я развернул эту фантастическую картину для того, чтобы показать, что по убеждению современного биолога, разведение новых пород человека подчиняется тем же законам наследственности, как и у других животных...” (Н.К. Кольцов. “Улучшение человеческой породы”. Петроград. 1923 г.).

То есть Н.К. Кольцов всего лишь иллюстрировал банальную истину: распространимость законов Менделя не только на животных, но и на человека. И вот, вытащив из небытия старые, давно забытые номера давно забытого журнала И.И. Презент так ловко “процитировал” высказывания Н.К. Кольцова, что превратил честного ученого в “мракобеса”, “расиста”, “классового врага”. При этом он, разумеется, заявлял, что высказывания Кольцова лишь наиболее характерны, что все генетики стоят на тех же позициях, но они “маскируются”.

Старые, давно отброшенные самой генетикой взгляды Лотси* и Бэтсона об абсолютной неизменяемости генов Презент и Лысенко

* Ян Паулюс Лотси, голландский ботаник. Выдвинутые им в 1916 году положения, согласно которым гены неизменяемы и потому эволюция может идти только путем перекомбинирования одних и тех же генов,

объявили основным принципом генетики. Теория мутаций, утверждал Презент, этот принцип не отменяет, а лишь слегка маскирует, так как по мнению самих же генетиков, мутации редки и в большинстве случаев вредны для организма.

И не только А.И. Муралов безответственно верил каждому слову Презента и Лысенко. Я.А. Яковлев скоро выступил с широко опубликованной речью, в которой говорил:

''Вы можете меня спросить, кто же открыто выступает против дарвинизма. Я на это отвечаю: никто (!), кроме явных мракобесов и неучей. Каждый сельскохозяйственный ученый понимает, что выступить открыто против Дарвина – значит похоронить свое научное имя, и поэтому противники дарвинизма оспаривают по существу учение Дарвина о развитии, сохраняя на словах преданность дарвинизму...

...В самом деле, можно ли примирить с теорией Дарвина теорию неизменяемости генов? Эта теория заключается в том, что будто бы в природе дан определенный запас неизменных генов, обреченных в бесконечном ряду сменяющихся поколений на полную неподвижность, на неизменяемость, на постоянную повторяемость. Эта теория, далее, рассматривает все изменения в природе лишь как результат рекомбинации данных неизменных генов: сумма форм при этих рекомбинациях остается постоянной, неизменной, опять-таки строго ограниченной в бесконечном ряду нисходящих поколений, – исключения из этого правила, именуемые мутациями, происходят лишь случайно, внезапно, по неизвестным причинам, раз в десятки или даже сотни тысяч лет...

...Ясно совершенно, что теория концентрации всего запаса ныне существующих генов культурных растений в диких растениях (?) в каких-то центрах происхождения, – Я.А. Яковлев переходит уже непосредственно к теориям Н.И. Вавилова, – теория о том, что в центрах происхождения концентрируется вся наследственная система форм вида, что там представлено все богатство сортов так же, как и идея неизменности запаса генов, присущих тем или иным народам или, родственная этой идее, идея особой ценности генов, присущих народам арийской расы, – несовместимы с учением Дарвина о развитии...

Расправившись таким же образом с законом гомологических рядов, Я.А. Яковлев приемами заправского оратора заключает:

были пересмотрены после того, как трудами школы Моргана была доказана изменяемость генов. Выдающуюся роль сыграло открытие Г. Меллером воздействия рентгеновских лучей на генетический аппарат.

"Дарвинисты не против генетики, но дарвинисты против фашистского извращения генетики и фашистского использования генетики в политических целях, враждебных прогрессу человечества;

Дарвинисты не против генетики, но дарвинисты против превращения генетики в науку, имеющую своей задачей доказать недоказуемое — неизменность генов;

Дарвинисты не против генетики, но дарвинисты против легкомысленных попыток использовать лже-генетику для низвержения теории развития Дарвина.

Речь идет о том, чтобы обеспечить дальнейшее развитие генетики с точки зрения теории развития, обеспечить развитие генетики как науки вместо превращения ее в служанку ведомства Геббельса". ("Яровизация". №2, 1937 г.).

Так, соорудив по проекту Презента и Лысенко псевдоздание генетики, Я.А. Яковлев ими же изобретенным оружием это здание разрушал. Конечно, германские фашисты, стремившиеся "теоретически обосновать" свою захватническую политику, не гнушались ничем, и пытались "доказать" преимущества арийской расы ссылками на законы генетики. Но причем здесь Николай Вавилов, причем советские ученые?

Тем не менее лысенковцы продолжали уверять, что они овладели "истинной", "мичуринской", "дарвинистской" генетикой и поэтому в состоянии решить любые проблемы, стоящие перед сельскохозяйственной практикой. Все очень просто. Чтобы получить засухоустойчивые сорта, надо воспитывать растения в условиях засухи; чтобы получить зимостойкие — выращивать их в условиях суровой зимы; чтобы получить высокоурожайные сорта, надо воспитывать их на хорошем агротехническом фоне: такое воспитание не только повысит урожай на данном поле, но и наследственную природу растений сделает более урожайной. Нет существенных различий между наследственной и ненаследственной изменчивостью. Нет никаких ограничений для улучшения сортов сельскохозяйственных культур и пород домашних животных. Все можно сделать! И притом в кратчайшие сроки. Всякие трудности — выдуманы "формальными" генетиками, которые сами ничего не дали сельскому хозяйству.

17.

Многие считают, что Вавилов выступал в дискуссиях слишком мягко. И действительно, речи его не блещут каскадами остроумия и парадоксов. В них нет резких выпадов против противников. Из

этого, однако, нельзя делать вывод, что Вавилов примирительно относился к лжеучениям Лысенко и Презента.

Долгое время Вавилов, как, впрочем, большинство генетиков, считал, что Лысенко ошибается, но искренне верит в правильность своих взглядов. Вавилов старался в споре быть деликатным, подчеркивал положительные моменты в работах Лысенко и не стремился уличать его в невежестве. По существу же его выступления были направлены в самое сердце лысенковских позиций.

В центр своего доклада сессии ВАСХНИЛ 1936 года Вавилов поставил практические достижения классической генетики. И в его устах эти достижения звучали особенно весомо, так как практическое значение работ самого Вавилова не вызывало сомнений.

Объясняя направление работы Института растениеводства, Вавилов говорил:

”Работа систематика-классификатора — малоблагодарное дело. Но каждому селекционеру, каждому семеноводу нужен определитель сортов и руководство по апробации сортов.

Открыв континенты новых видов, разновидностей и рас, не тронутых селекцией и даже мировой ботаникой, советский исследователь должен был дать современную научную инвентаризацию собранного исходного материала. Нас упрекают в увлечении систематикой, но в нашем понимании систематика не самоцель, а средство, необходимое для овладения открытыми ресурсами. По важнейшим культурным растениям три четверти ботанических разновидностей заново вскрыты советскими исследователями...

Приступая к мобилизации исходного сортового материала в областях, как правило, отличных от наших земледельческих районов, мы не ждали нахождения готовых сортов (...). Нашей задачей было нахождение исходных видов и форм для улучшения современных сортов путем гибридизации. Собранный обширный материал, исследованный в разных районах, вскрыл, однако, возможности использования значительного числа сортов непосредственно для введения в культуру”.

Далее Вавилов приводит примеры, показывающие, как во многих агрономических зонах вывезенные из центров происхождения и других районов сорта победили в конкурсных испытаниях местные и вошли в широкую культуру. Мы не будем повторять эти примеры. Достаточно сказать, что к 1936 году пятнадцать процентов посевных площадей уже было занято сортами из мировой коллекции ВИРа.

Даже Лысенко, вынужденный демонстрировать свою объективность, не раз заявлял:

”Академиком Вавиловым собрано по всему миру 28 тысяч сортов пшеницы. Академик Вавилов сделал громадное полезное дело. Эта ценнейшая коллекция теперь есть у нас в Союзе” и т.п.

Признав, что коллекция Вавилова ”является кладом”, Лысенко, однако, уклонялся от обсуждения его теорий. На декабрьской сессии ВАСХНИЛ Лысенко сказал:

”Изложенное мною в докладе, конечно, в корне противоречит и закону гомологических рядов изменчивости акад. Н.И. Вавилова. Этот закон в своей основе зиждется на генетической теории комбинаторики и неизменных в длительном ряде поколений корпускул ”вещества наследственности”. Я не чувствую в себе достаточной силы, знания и умения (!), чтобы по-настоящему разбить этот ”закон”, не отвечающий действительности, т.е. эволюции”.

Поразительное признание! *Излагая ”новое” учение, Лысенко требует его безоговорочного принятия, ”не чувствуя” в то же время ”в себе достаточной силы, знания и умения” ”по-настоящему разбить” закон, признаваемый всеми и в то же время ”в корне” (!) противоречащий его ”новому” учению!* Впрочем, это тоже был ход в игре. Полностью отрицать практические достижения Вавилова значило *разоблачить свою предвзятость, может быть, подорвать к себе доверие руководителей страны: глава ”нового” учения, выступавший под флагом борьбы за интересы сельского хозяйства страны, позволить себе этого не мог. Но то, что нельзя ”главе”, дозволено его добровольным помощникам.*

Словом, подготовить общественное мнение к мысли о том, что вся деятельность Вавилова не только бесполезна, но и вредна, Лысенко решил исподволь и преимущественно не своими руками.

Еще перед началом сессии 1936 года на страницах печати А.К. Коль и один из бывших аспирантов ВИРа, в то время заведующий отделом интродукции Г.Н. Шлыков, выступили со статьями, в которых ”доказывали” бесплодность, ошибочность и вредность всей работы Н.И. Вавилова.

Втянутый в дискуссию, Вавилов в статье ”Пути советской растениеводческой науки (ответ критикам)” разбил доводы оппонентов. Тем не менее на декабрьской сессии и Шлыков, и Коль повторили свои обвинения.

”Я доказал, — заявил, например, Г.Н. Шлыков, — что это (заимствование закона гомологических рядов у Дарвина)* —

* Среди обвинений, сыпавшихся на Н.И. Вавилова, одно из самых примечательных состояло в том, что открытый им ”Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости” просто напросто переписан

С.Р.) было проделано с лукавой целью (!) не продолжить, а подменить, опровергнуть дарвинизм, все эволюционное учение”.

Вообще, на сессии ”критика” раздавалась, главным образом, в два адреса. В адрес генетики вообще и в адрес концепций Н.И. Вавилова.

В связи с этим в заключительном слове Вавилов подробно остановился на своих теоретических положениях. Он вовсе не стремился изобразить себя непогрешимым.

Н.И. Вавилов показал, что генетика в своем развитии прошла несколько этапов, и от этапа к этапу менялась концепция гена. От представлений о неизменяемости, большой устойчивости гена генетика пришла к признанию его изменчивости — главным образом, благодаря трудам школы Моргана и в особенности Меллера, который в эксперименте показал, что рентгеновское излучение в несколько раз увеличивает частоту мутаций. ”Никто не оспаривает в настоящее время в генетике изменчивость генов, она доказана”, — говорит Вавилов. И он признает, что ”изменчивость генов недостаточно учитывалась нами в нашем первом изложении закона гомологических рядов, а также в учении о ”Центрах происхождения культурных растений”. Но ”таково было тогда состояние генетики”. И еще раз: ”Исследования проф. Меллера, разрушившие представления о консерватизме генов, внесли много нового в наши представления”.

Говоря о разногласиях с Лысенко, Вавилов ясно и просто формулирует их:

”Акад. Т.Д. Лысенко выдвигает новое положение о том, что ген весьма изменчив, что его можно изменить по желанию экспериментатора и в определенном направлении. Пока для этого нет точных экспериментальных данных; может быть, Т.Д. Лысенко в дальнейшем покажет экспериментально возможность таких изменений, это будет новым этапом, который мы будем приветствовать, но пока этот этап для нас, генетиков и селекционеров, не доказан, и в экспериментальном доказательстве этого положения — все трудности и все наши расхождения (...). Возможность адекватных изменений наследственности никем не доказана и противоречит современным представлениям генетики. Чтобы опровергнуть сложившие-

у Дарвина, на что Вавилов никогда не возражал, а лишь заметил однажды, что труды Дарвина слишком хорошо известны, чтобы из них можно было что-либо красть. Одновременно Вавилова упрекали в том, что его закон является ”антидарвинистским”. Эти два, по-видимому, несовместимых друг с другом обвинения и попытался совместить Г.Н. Шлыков.

ся представления генетиков, нужен точный эксперимент. Его мы не знаем”.

Таким образом, анализ материалов сессии показывает, что Лысенко и его сторонники потерпели на ней полное поражение.

Но совершенно иное впечатление сложилось у современников. Громкие обещания лысенковцев, агрессивный тон их выступлений, постоянное жонглирование именами Дарвина, Тимирязева, Мичурина, а также ловкая расстановка сил, благодаря которой в первые дни работы сессии выступали главным образом сторонники классической генетики, а когда почти все они высказались, лысенковцы прочно завладели трибуной, — все это не прошло бесследно. И хотя сессия приняла решение поручить ВИРу экспериментально проверить все спорные положения, то есть фактически приняла предложение Н.И. Вавилова, докладывая в ВИРе о результатах сессии, Вавилов должен был **д о к а з ы в а т ь**, что никакого разгрома генетики не было.

18.

После сессии положение осложнилось. Проведение в СССР Международного генетического конгресса было решено отложить на год. Оргкомитет конгресса постановил провести его в 1939 году, и не в Москве, а в Эдинбурге (Шотландия).

Профессор Г. Меллер к этому времени покинул Советский Союз. Уехал в республиканскую Испанию, где в Интернациональной бригаде основал группу переливания крови.

О решении Оргкомитета он писал Вавилову:

”Мне известно, что оба представителя двух крупных стран, говорящих на английском языке (Холден от Англии и Дэн от Америки) голосовали в комитете в пользу безусловного созыва конгресса в СССР, так что окончательное решение было принято вопреки голосованию представителей этих двух стран, в которых наряду с СССР генетическая наука представлена наиболее полно. Возможно, что я льщу себе, но полагаю, что мои усилия не остались без влияния на точку зрения представителей этих стран.

(...) И хотя они не могут изменить принятое решение, однако считают более желательным, чтобы Конгресс был созван здесь (т.е. в Эдинбурге. — С.Р.), а не в какой-либо фашистской стране, и, заручившись гарантией, по крайней мере, в этом отношении, стремятся сейчас сделать все от них зависящее, чтобы провести Конгресс под знаком наибольшего благоприятствования к СССР.

Английские ученые стремятся объединиться с представителями советской науки и способствовать своим авторитетом и автори-

тетом Конгресса укреплению дружеских отношений в дни столь напряженного положения в мире”.

”Благоприятствование к СССР” выразилось в том, что президентом Конгресса был избран представитель Советской страны Николай Иванович Вавилов. Это избрание говорило, конечно, и о том, как высок личный авторитет Вавилова среди генетиков мира.

Извещая Вавилова об этом избрании, профессор Крю писал: ”Дорогой проф. Вавилов!

Как генеральному секретарю 7-го Международного генетич. Конгресса, который должен состояться в Эдинбурге летом 1939 года (вероятно, между 13 — 20 сентября), мне выпала большая честь известить Вас, что Орган, комитет Конгресса единогласно и при всеобщем одобрении выбрал Вас Президентом Конгресса.

Это доставило мне большое удовольствие, так как Вы понимаете, что я как генер. секретарь должен сделать Конгресс максимально успешным, а ничто не является столь важным, как выбор Президента. Более удачного выбора на этот пост сделано быть не могло. Я считаю, что успех Конгресса обеспечен заранее. Во-первых, Ваша президентская речь будет, конечно, сообщением большого интереса и важности. Во-вторых, работа в области генетики, проводимая в СССР в течение последних 20 лет, оставила настолько глубокий след в науке, что совершенно естественно высший пост на Конгрессе предоставить представителю Вашей страны. Меня радует также мысль, что Вы приедете в Эдинбург, т.к. Королевское общество Эдинбурга около года назад удостоило себя и Вас чести, избрав Вас в число его почетных членов”.

Получив это уведомление, Вавилов написал в правительство В.М. Молотову и М.М. Литвинову.

”Насколько я понимаю (и это было ясно всем — С.Р.), избрание советского ученого председателем Конгресса указывает на дружеское отношение английских ученых к советской науке”.

Но силы, готовые ради дискредитации Н.И. Вавилова, поступиться всем, даже престижем родной страны, — действовали.

Открывая Конгресс уже в качестве президента, профессор Крю печально сказал:

”Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, то вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека”.

Лысенко и его сторонники не стали, конечно, ждать, пока в ВИРе будут проверены экспериментально их положения.

Еще развязнее и резче стали статьи Лысенко и Презента в "Яровизации" и других органах печати. Все сильнее становился административный нажим на генетиков. В их лагере появлялось все больше перебежчиков, вдруг круто взявших сторону Лысенко.

Эти "направленные мутации" во взглядах биологов Вавилов едко высмеивал. Давал понять, что они вызваны не действительным изменением взглядов, а отсутствием "генов порядочности", как он говорил иронически. Этот "диагноз" был безошибочным. Когда Вавилов в одной из публичных дискуссий напомнил, что известный академик, ученый Келлер, ставший яростным сторонником Лысенко, еще три года назад писал прямо противоположное, когда он напомнил, что с 1920 года знает Келлера как последовательного менделиста, тот перебил Вавилова репликой: "Спорили".

Келлер хотел тем самым сказать, что всегда спорил с Вавиловым, "забыв", что в 1928 году писал ему в частном письме:

"Вы, я думаю, знаете, с какой любовью я отношусь к Вам и как сочувствую и направлению Ваших работ и Вашим успехам (разрядка моя. — С.Р.).

Многое о Вас и Вашей работе я рассказываю своей молодежи — сотрудникам и слушателям. Должен сказать, что Вы действительно даете для этого исключительно благодарный материал, захватывающий молодежь".

Работать в ВИРе с каждым днем становилось труднее.

Одна за другой штурмовали институт комиссии, решения которых заготавливались заранее и лишь слегка корректировались на месте. Вот отрывки из одного такого "акта обследования":

"Во главу угла ставились (в значительной мере так остается и теперь) ботанико-систематическое и морфологическое описание коллекций (это в годы интенсивной работы над агро-экологической классификацией, циклическими скрещиваниями, теорией подбора пар! — С.Р.), выделению же из них хозяйственно ценных форм и селекции отводилось второстепенное место. Признавалось и признается сейчас (академиком Вавиловым) важнейшей продукцией ВИРа не выделение и внедрение в практику новых ценных сортов и форм культурных растений и их размножение, а большое количество литературных отчетов (так комиссии было угодно называть научные труды работников ВИРа, пополнявшие сокровищницу мировых знаний. — С.Р.), посвященных описанию различных ботанических форм, ботаническим квалификациям и т.п.

(...) Идеологическая дискуссия по вопросам наследственности и изменчивости воспринята в Институте многими сотрудниками необъективно, а в некоторых случаях классово враждебно.

Вавилов на активе института, посвященном 50-летию Дарвина (50-летие со дня смерти Дарвина отмечалось в 1932 году, то есть пятью годами раньше! — С.Р.), игнорировал значение работ Тимирязева, всячески подчеркивал роль идеалистов Лотси и Бэтсона. (Речь Вавилова, посвященная пятидесятилетию со дня смерти Дарвина была опубликована, в ней говорилось о необоснованности критики дарвинизма Лотси и Бэтсоном — С.Р.). Совершенно неправильную линию занимала в процессе дискуссии по отношению к ВИРу Академия им. Ленина. Это ярко выразилось в том, что Академией были отпущены после дискуссии специальные средства, как говорят научные сотрудники для "проверки положения Лысенко". ВИРу было отпущено 87 тыс. рублей. Ясно, что это было сделано Мураловым и Марголиным для того, чтобы смазать вопрос о перестройке работы ВИРа".

Так даже А.И. Муралова ухитрились записать в вавиловцы. Зловещий смысл такого "приобщения" просматривается невооруженным глазом: Муралов к тому времени был арестован и расстрелян как "враг народа", а на посту президента ВАСХНИЛ его сменил Т.Д. Лысенко.

После назначения на пост президента ВАСХНИЛ Лысенко окончательно сбросил маску. Административный нажим на ВИР резко усилился.

Вскоре были закрыты основной печатный орган института "Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции" и журнал "Социалистическое растениеводство". Тем самым Лысенко попросту стремился заткнуть рот вироведам.

Всякое же указание на административный нажим Лысенко объявлял "клеветой". Когда на обсуждении работы ВИРа в президиуме ВАСХНИЛ (на котором по предложению Лысенко эта работа была признана неудовлетворительной) всплыл вопрос о печатании работ ВИРа, Лысенко заявил, что Вавилов-де зря жалуется на трудности, так как за год институт издал 867 печатных листов. Это была беззастенчивая ложь. В официальной записке, адресованной Лысенко, сразу после этого обсуждения, Вавилов указал, что "эта цифра относится к тому, что ВИРом подготовлено к печати, в том числе (...) капитальные труды, как "Биохимия культурных растений", 6 томов, "Культурная флора СССР" и т.д., а также специальные выпуски по отдельным культурам.

Что касается изданий, т.е. фактически того, что издал ВИР, то таковыми являются (...) главным образом учебники и руководства".

В "Яровизации" одна сенсация появлялась за другой. Тут и "переделка" пленчатого ячменя в голозерный, и "вегетативные гибриды", и выведение сортов за один год...

Каждое новое положение Лысенко тщательно проверялось сотрудниками Н.И. Вавилова — либо в Институте растениеводства, либо в Институте генетики. И — не подтверждалось.

Бывали здесь и свои трагикомедии. Сотрудница Лысенко Ермолаева поставила опыты с целью опровергнуть законы Менделя, которые Лысенко давно уже объявил несуществующими. Не в пример другим опытам лысенковцев этот был поставлен чисто. Работу опубликовали и сильно разрекламировали. Однако генетики увидели, что данные Ермолаевой не опровергают, а... подтверждают законы Менделя! Приглашенный в качестве третейского судьи выдающийся советский математик Андрей Николаевич Колмогоров подтвердил, что с точки зрения теории вероятностей полученные соотношения в расщеплении гибридов строго укладываются в основное правило Менделя — 3:1.

В крайне трудном положении находился Лысенко, хотя он и достиг наибольшей высоты на административной лестнице в биологической науке.

Все время выскакивая вперед со своими идеями, не ожидая их экспериментальной проработки, выдвигая их при этом не в качестве возможных гипотез, а как непреложные истины, требуя немедленного осуществления своих начинаний в сельскохозяйственной практике, страстно защищая их от неизбежной в подобных случаях критики, Лысенко отрезал себе пути к отступлению. И если он приступал к экспериментам, то уже не мог объективно оценивать их. Он не испытывал природу, а навязывал ей свои представления. То был особый вид мышления, отбрасывавший науку даже не в девятнадцатый, а в восемнадцатый век, когда натурфилософы стремились проникнуть в тайны мироздания исключительно игрою мысли.

Но шел-то не восемнадцатый век, а двадцатый! И Лысенко вынужден был хвататься за любой факт, за любой самый подозрительный в смысле методической безупречности опыт, чтобы только подтвердить свои умозаключения...

Все это отлично понимали генетики, и Лысенко знал, что они это понимают.

В 1937 году Наркоматом земледелия было поручено ВИРУ составить проект государственной системы семеноводства, организация которого была крайне запутана.

Тем не менее, докладная записка, составленная комиссией специалистов во главе с Н.И. Вавиловым, несколько месяцев пролежала без движения, после чего было решено... создать новую комиссию во главе с Т.Д. Лысенко.

Скоро оба проекта были опубликованы для "широкого обсуждения". Сопоставление их с поразительной отчетливостью показывает, сколь глубокая пропасть разделяла два направления, два стиля в советской биологической науке.

Докладная записка Вавилова внешне касалась будто бы сугубо академического вопроса — терминологии в семеноводстве. По существу же, указав на путаницу в терминологии и предложив в результате обобщения мирового опыта единую, четкую терминологию, Вавилов распутывал сложный клубок и предлагал строго научную организацию семеноводческого дела в стране.

По мысли Вавилова, первый этап размножения сортовых семян должен быть возложен на селекционную станцию, которая после того, как выведенный ею сорт выдержит государственное сортоиспытание, должна ежегодно выращивать с у п е р э л и т у — семенной материал высокого качества и чистоты.

Выбраковав из полученного урожая все замеченные отклонения от стандарта, станция либо близлежащий семеноводческий совхоз под ее контролем выращивает на будущий год э л и т у.

Элитные семена поступают в семеноводческие совхозы п е р в о й г е н е р а ц и и, урожай первой генерации поступает в хозяйства в т о р о й г е н е р а ц и и, и так до тех пор, пока семена будут размножены до количества, достаточного для обеспечения всех хозяйств, культивирующих данный сорт. При этом на каждом этапе размножения, по мысли Вавилова, должна вестись строгая выбраковка всех появляющихся отклонений. В большинстве случаев, по подсчетам Вавилова, достаточно трех генераций... Исходя из того реального факта, что вопреки предостережениям генетиков во многих семеноводческих хозяйствах проводились массовые внутрисортные скрещивания, в проекте Вавилова предлагалось строго изолировать участки, выделенные под эти опыты.

В противовес вавиловскому проект Лысенко состоял в основном из общих мест и громких фраз, выдвигал совершенно нереальное требование стопроцентной чистоты семенного материала (по Вавилову, 99,5 процента) и, как это ни поразительно, не предлагал никакой конкретной системы семеноводства. Лысенко, правда, подробно описывал схему, применявшуюся Одесским селекционно-генетическим институтом, возможную в порядке эксперимента, но слишком громоздкую для повсеместного внедрения. Впрочем, Лысенко тут же писал, что приводит ее лишь для "иллюстрации"

и что эта схема "отноуде не является единственной для улучшения качества разных сортов, разных культур в различных районах".

"Обязательным же, по мнению комиссии, — читаем в записках Лысенко, — является признание, что условия воспитания растений не могут оказаться бесследными для последующих поколений. Задача каждой селекционной станции заключается в разработке системы мероприятий, отвечающих данному требованию улучшения качества семян путем воспитания растений на всех стадиях станционной семеноводческой работы".

Таким образом, государственное семеноводство, требовавшее четкой организации по проекту Лысенко пускалось на самотек. Хотел или не хотел того Лысенко, но объективный смысл его записки состоял в том, чтобы возвести свои ламаркистские идеи в обязательный для всех закон.

В 1939 году решением Наркомзема была принята инструкция, которая предписывала всем селекционным станциям страны изменить методику, введя в практику селекционной и семеноводческой работы "воспитание" растений в качестве основного принципа.

Между тем, дискуссии вспыхивали постоянно. При обсуждении работ научных учреждений и отдельных работников. В президиуме ВАСХНИЛ. В биологическом отделении Академии наук... Далеко не все они находили отражение в печати, и стенограммы их, разбросанные по разным архивам, ждут своих исследователей. Не все дискуссии и стенографировались. Но это не значит, что от них не осталось никаких следов. В архиве известного геолога академика И.М. Губкина неожиданно находим блокнот с конспективными записями какого-то совещания в Институте генетики. Среди выступавших Н.И. Вавилов, Б.А. Келлер, Т.Д. Лысенко, А.А. Сапегин. "Спор может быть разрешен только опытом", — записывает И.М. Губкин слова Н.И. Вавилова*.

Опытом. Казалось бы, чего проще! Создать комиссию из представителей обоих направлений, разработать удовлетворяющую обе стороны методику опыта и поставить его.

Генетики не раз выдвигали такое предложение. Но Лысенко заявлял, что "с ними" — менделистами-морганистами — он сотрудничать не желает.

Уже каждому из серьезных ученых стало ясно, что Лысенко не просто заблуждается. Стало ясно, что истина его не интересует, что он решил добиться победы любой ценой.

* . Сообщено Я.Н. Кумаком.

Вавилову советовали обратиться в правительство и ЦК партии с просьбой внимательно и непредвзято разобраться в положении, сложившемся в биологической науке. На это он отвечал:

— Если позовут, бегом побегу, а напрашиваться не буду.

Все же друзья без его ведома договорились о его встрече с вторым секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Андреевым. Поставленный перед фактом, Вавилов поехал в Москву. Андреев внимательно выслушал его, но помощи не обещал. Антон Романович Жебрак, сопровождавший Вавилова до приемной ЦК и поджидавший его потом в сквере, рассказывал мне, как бросился к Вавилову после его выхода из здания ЦК с вопросом:*

— Ну, как?

— Э, батенька, плохи наши дела. Сам Андреев его боится.

Антон Романович рассказывал мне, что подумал тогда: "Вот до чего довели Николая Ивановича! Ему уже кажется, что страшнее Лысенко зверя нет. Мыслимое ли дело, чтобы второй секретарь ЦК боялся какого-то шарлатана". Однако позднее Жебрак убедился, что Вавилов нисколько не преувеличивал. Андреев действительно боялся вступать в конфликт с "колхозным ученым", потому что лучше других знал, что на его стороне сам Сталин.

В 1939 году редакция журнала "Под знаменем марксизма" организовала новую дискуссию. Цель ее была ясна с самого начала, и Н.И. Вавилов, иронизируя в своем выступлении над "направленными мутациями" в умах некоторых ученых, заметил, что, очевидно, генетиков собрали на это совещание, чтобы и они промутировали.

Все же Лысенко не легко пришлось на этой дискуссии.

Можно представить себе состояние Лысенко, когда сотрудник Института генетики Ю.А. Керкис в своем выступлении выразил "удивление по поводу того, что тов. Лысенко устно и в печати описывает методику экспериментов по вегетативной гибридизации, по которой у него и его единомышленников получаются хорошие результаты. Когда же за проверку этих опытов берутся так называемые формальные генетики, то у них ничего не получается: результаты отрицательные".

— У кого? — пытался сбить выступающего Лысенко.

— У всех тех, кто критически к Вам относится, — спокойно ответил Керкис. — Положительные результаты получают только те, кто верует.

* А.Р. Жебрак, выдающийся ученый, возглавлял кафедру генетики Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени И.А. Тимирязева. Был подвергнут обструкции на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году, после чего лишился кафедры и всех других постов. Вновь стал заведовать кафедрой только в 1965 году, но вскоре после этого умер.

— Помимо рук нужна еще голова! — выкрикнул Лысенко.

— У всех генетиков получаются отрицательные результаты, — продолжал Керкис. — Непонятная вещь. Можно допустить, что один или несколько человек не умеют экспериментировать. Но у аспирантов Лысенко получается, а у генетиков, имеющих десять-пятнадцать лет экспериментальной практики, ничего по методике Лысенко не выходит.

”Станным кажется тов. Керкису, — указывает журнал, — и другое заявление тов. Лысенко:

”..для того, чтобы получить определенный результат, нужно хотеть получить именно этот результат: если вы хотите получить определенный результат, вы его получите”, — и затем: ”...мне нужны только такие люди, которые получали бы то, что мне надо”.

Лысенко. Правильно сказал.

Керкис заявляет, говорится в журнале, что это непонятно генетикам. ”Нам непонятно, как ученый может получать в столь спорных вопросах то, что нужно ему. Это мне непонятно. В мою голову это не укладывается”.

Тем самым Керкис недвусмысленно высказал общее мнение классических генетиков, что лысенковцы поросту подтасовывают факты.

Пытаясь доказать, что он ”тоже” стоит на базе эксперимента, на той же дискуссии Лысенко заявил, что менделевское соотношение 3:1 — единственное утверждение генетиков, которое он объявил несуществующим без единого опыта. Надо вдуматься в это признание. Ведь ”единственное утверждение генетиков” было для науки азбучной истиной, к тому же подтвержденной тысячами, десятками тысяч точнейших экспериментов!..

Нелегко пришлось Лысенко и во время выступления Н.П. Дубинина, который показал, как далеки взгляды ”мичуринцев” от взглядов К.А. Тимирязева и И.В. Мичурина.

Прочитировав высказывание К.А. Тимирязева о том, что законы Менделя разрешают самую большую трудность эволюционного участия*, Н.П. Дубинин сказал:

* Профессор К.А. Тимирязев был одним из самых активных и популярных пропагандистов дарвинизма в России. В начале XX века, когда началось бурное развитие генетики, и такие ученые, как Бэтсон, Лотси, Гуго де Фриз выдвинули новые концепции эволюции, опиравшиеся, как им казалось, на законы наследственности, К.А. Тимирязев выступил с резкой критикой в их адрес. В его выступлениях обнаруживалась тенденция принизить значение законов наследственности, смысл которых он, по-видимому, понимал не до конца. В то же время Тимирязев первым указал, что законы Менделя не только не противоречат дар-

”Тов. Лысенко и товарищи, которые так часто выставляют К.А. Тимирязева в качестве абсолютного антименделиста, я считаю, что с вашей стороны нехорошо (в самом мягком значении этого слова) пройти мимо такого совершенно ясного указания Климента Аркадьевича. Вам нужно совершенно прямо сказать, что К.А. Тимирязев ошибался в оценке законов Менделя в этой его части. Я уверен, что у Т.Д. Лысенко хватит смелости это сказать, если он считает, что К.А. Тимирязев действительно ошибался.

(...) Вы вчера говорили, — обращается Дубинин к Лысенко, — что исходя из философии диалектического материализма, можно отрицать закономерность расщепления по типу 3:1, вы писали об этом и раньше. Но ведь получается же расщепление потомков гибридов по одной паре признаков в отношении 3:1, это объективно существующий факт (...). Академик Лысенко заявил вчера: ”Я без единого эксперимента объявил, что этого не было, нет и не будет”.

Товарищи, видите, в чем дело. Вы нашим материалам о менделизме не верите.

Лысенко. Я вам верю, но фактов у вас нет.

Дубинин. Хорошо. Вы К.А. Тимирязеву верите?

Что по этому поводу писал Тимирязев? Вот что писал он, к этим словам нужно прислушаться: ”Так как, повторяем, — писал Тимирязев, — нас здесь интересуют не законы наследственности, обнаруженные любопытными опытами Менделя, а лишь их отношение к дарвинизму, то мы можем ограничиться этими сведениями, сказав только, что они были подтверждены многими позднейшими опытами”.

Дальше, обращаясь к Лысенко:

”Вы пишете в 1939 году: ”На мой взгляд, из программ курсов вузов, а также из теоретических и практических руководств по семеноводству пора уже нацело изъять менделизм со всеми его разновидностями”.

Всем известно, что Мичурин писал следующее:

”При исследовании применения закона Менделя в деле гибридизации культурных сортов плодовых растений рекомендую для начала ограничиться наблюдением наследственной передачи одного

винистской концепции наследственности, изменчивости и отбора, но разрешают основную трудность, с которой до сих пор сталкивалась теория Дарвина. Окончательно кажущиеся противоречия между дарвинизмом и менделизмом были ликвидированы в 1926 году благодаря классическим работам советского генетика С.С. Четверикова, вскоре после этого сосланного и до конца жизни не имевшего возможности в полной мере реализовать свой талант.

из двух признаков, как это имело место у самого Менделя в его работах с горохом”.

А дальше Иван Владимирович, как будто бы прямо отвечает Вам, тов. Лысенко, на вопрос о том, нужно ли преподавать менделизм.

”Крайняя необходимость, — пишет Иван Владимирович, — таких показательных практических опытов в настоящее время вполне очевидна по своей пользе, особенно в деле подготовки новых молодых кадров для социалистического плодово-ягодного хозяйства, практически знакомых с вопросом выведения новых улучшенных сортов плодово-ягодных растений”.

Товарищи, не представляет никакого сомнения, что у академика Лысенко с вопросом менделизма получился большой конфуз. Но я думаю, что в значительной степени этот конфуз нужно отнести за счет помощника вашего, академик Лысенко, — тов. Презента.

Г о л о с а. Правильно!

Д у б и н и н. Вы нам так и сказали в Вашем вчерашнем выступлении, что когда Вы без единого эксперимента решили объявить менделизм неверным, то философски это дело решал тов. Презент. Вот Ваши слова, сказанные вчера: ”Презент накручивал в этом деле”. Это Вы буквально сказали, я записал. Так вот, Трофим Денисович, Вы за этот конфуз скажите И.И. Презенту большое спасибо.

О такой философии, которую Вам подсунул Презент, при помощи которой он объявляет объективные закономерности несуществующими, — о такой философии Энгельс писал в 1890 году в письме к одному историку культуры, что марксизм здесь превращается в прямую противоположность, то есть в идеалистический метод”.

Верный своему принципу ведения дискуссии, Н.И. Вавилов в своем выступлении обратился к практике. Он напомнил об инцухт-гибридной кукурузе и привел данные о том, что в США уже десять миллионов гектаров заняты инцухт-гибридами и что для Советской страны этот опыт крайне важен, так как под кукурузой у нас занято около 2 миллионов гектаров.

Лысенко опять сорвался на реплики.

”Л ы с е н к о. А два ли миллиона?

В а в и л о в. 2 миллиона 300-400 тысяч.

Л ы с е н к о. Что-то я сомневаюсь.

В а в и л о в. Я растениевод и цифры знаю.

Л ы с е н к о. И я растениевод.

В а в и л о в. Я растениевод и географ.

Л ы с е н к о. Я не географ”.

Любопытнейший диалог! Человек, претендовавший на руко-

водство всей сельскохозяйственной наукой, оказывается, даже не знал, какие площади заняты в стране отдельными культурами!..

”Цифры я хорошо знаю, — продолжал Вавилов. — Думаю, что даже (!) с Вами могу в этом поспорить. Если Вы пожелаете, смогу сегодня же дать Вам точнейшие цифры по прошлому году. Они колеблются в нашей стране за последние годы от 2 млн. до 2 млн. 400 тыс. га”.

Переходя к основе теоретических разногласий — вопросу о влиянии условий среды на наследственность, Вавилов говорит:

”Как будто это положение (о том, что условия среды не приводят к направленным наследственным изменениям. — С.Р.) является ныне азбучной истиной, но вот акад. Т.Д. Лысенко (а вчера мы слышали о том же от акад. Б.А. Келлера) говорит нам, что различия между генотипом и фенотипом нет, различать наследственную и ненаследственную изменчивость не приходится, модификации неотличимы от генетических изменений. Больше того, дело уже дошло до того, что Наркомат земледелия, внимательно следящий, как и полагается в нашей стране, за движением науки, решает коренным образом изменить методику селекционных станций по предложению акад. Т.Д. Лысенко, который считает, что наследственную структуру сортов можно изменить путем воспитания, путем воздействия агротехническими методами. Изменение методики проходит в настоящее время в обязательном порядке по всем нашим инстанциям, хотя, по существу, никаких экспериментальных данных в пользу необходимости отхождения от экспериментально разработанной и принятой до сих пор концепции мы не видим.

Спросите корифея по вопросам удобрения в нашей стране, самого уважаемого агрохимика, исследователя по вопросам химизации, акад. Д.Н. Прянишникова, нашего учителя, который пятьдесят лет стоит около вегетационных сосудов, изучая действие различных видов удобрения, который к тому же крупный физиолог, биолог, крупнейший агроном, с молодых лет интересовавшийся вопросами селекции и наследственности и даже свою лекцию в Московском университете посвятивший вопросам селекции. Он вам скажет об огромном действии удобрений, об исключительной необходимости химизации земледелия. Это важнейший раздел в нашем социалистическом хозяйстве, в деле поднятия урожая. Но Д.Н. Прянишников как физиолог не видит никаких данных к тому, чтобы действие удобрений сказывалось на соответствующем изменении наследственного типа сортов”.

Лысенко опять вставляет реплику: ”А Вильямс?”

Это был коварный вопрос.

Василий Робертович Вильямс — старый противник Пряниш-

никова, чисто умозрительно (в этом бесспорное родство его "метода" с методом Лысенко) разработавший травопольную систему земледелия и без всякой экспериментальной проверки объявивший ее единственно необходимой для всех зон страны, противопоставлявший ее программе химизации земледелия, которую предлагал Д.Н. Прянишников, и с истинно лысенковским фанатизмом боровшийся с "буржуазными агрохимиками", еще в 1936 году официально поддержал Лысенко.

В письме на адрес президента ВАСХНИЛ он написал:

"Горячо приветствую акад. Трофима Денисовича Лысенко... Уверен, что он вскоре (!) делами докажет свою правоту даже тем, кто еще до сих пор не понял опыта истории развития природной и культурной растительности — опыт общей эволюции органического мира".

Что оттого, что Вильямс — почвовед по специальности — никогда не интересовался генетикой? Что оттого, что Вильямс, привыкший "размышлять", а не экспериментировать, если в своей молодости и ставил опыты, то с почвами, а не с растениями? Важно было обаяние имени, авторитета, тем более, что Вильямс был известен как "диалектик", на том основании, что к месту и не к месту жонглировал диалектической фразеологией.

Что мог ответить Вавилов?

"Я не знаю по этому вопросу высказываний акад. В.Р. Вильямса, — ответил Вавилов. — Я ученик В.Р. Вильямса, многому от него научился, но таких истин, таких фактов, таких опытов, которые бы свидетельствовали о воздействии агротехники на изменение наследственной природы, не знаю. Таких нет".

Дискуссия в журнале "Под знаменем марксизма" еще раз показала полную несостоятельность "мичуринского" учения. Речь самого Лысенко, крайне невыдержанная по форме, была совершенно пуста по существу. "Я был бы рад, — демагогически заявил Лысенко, — если бы менделисты, так яро защищающие свои научные позиции, были объективно правы в науке. Почему бы мне тогда не согласиться с их учением о закономерностях развития растительных и животных организмов?"

Лысенко говорил:

"Нужно вдуматься в то, почему Лысенко с переходом на работу в Академию с.-х. наук отказывается дискутировать с менделистами и в то же время все более и более отмечает (!) в агробиологии основные положения менделизма-морганизма. Плох будет тот работник (особенно когда он занимает в науке руководящее положение), если он не будет отмечать неверные, застоявшиеся научные положения, мешающие движению практики и науки вперед. А ведь

менделизм-морганизм не только тормозит развитие теории, но и мешает такому важному делу для колхозно-совхозной практики, как улучшение сортов растений и пород животных”.

(...) В газете “Социалистическое земледелие” (от 1 февраля 1939 года), — говорил Лысенко, — была помещена статья акад. Н.И. Вавилова “Как строить курс генетики, селекции и семеноводства”.* В этом же номере была помещена и моя статья под заголовком: “По поводу статьи академика Н.И. Вавилова”. В этой статье я писал (Лысенко любил цитировать собственные высказывания, видимо, по его мнению, самые удачные — С.Р.): “Н.И. Вавилов знает, что перед советским читателем нельзя защищать менделизм путем изложения его основ, путем рассказа о том, в чем он заключается. Особенно это невозможно стало теперь, когда миллионы людей овладевают таким всемогущим теоретическим оружием, как “Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Овладевая большевизмом, читатель не сможет отдать своего сочувствия метафизике, а менделизм это и есть самая настоящая, неприкрытая метафизика. Вот почему от изложения содержания этой науки уклонился в своей статье и тот, кто ее защищает”.

Повторив в своем выступлении этот политический донос на генетику и персонально на Н.И. Вавилова, Лысенко заявил, что “и на этом совещании менделисты так и не сказали, в чем же заключается менделизм”. А так как сторонники генетики якобы уклоняются от изложения сущности менделизма, то Лысенко берет эту задачу на себя. И выполняет ее излюбленным, уже много раз проверенным способом: надевает на великую науку века “дурацкий колпак”.

Менделисты говорят, что воспитанием нельзя улучшить сорта — значит они против высокой агротехники на семенных участках. Менделисты говорят об относительной устойчивости гена — значит они стоят на позиции абсолютной устойчивости, и не только гена, но и генотипа, значит, они антиэволюционисты, реакционеры, чело-веконенавистники и т.д.

“Менделисты-морганисты, — говорит Лысенко, — именующие себя представителями генетики “классической” (умалчивая о том, какого класса), в последнее время пустились просто на спекуляцию. Они заявляют, что критики менделизма разрушают-де генетику. Они не хотят признать, что настоящая генетика — это мичуринское учение”.

* Статья была написана в ответ на статью академиков Лысенко, Воробьева и Ольшанского, требовавших изъять из программы сельскохозяйственных вузов курс менделизма.

То есть Лысенко признавал, что "ненастоящую", классическую генетику он разрушает. В этом была святая правда. Лысенко даже не постеснялся сообщить, что академик Вавилов прислал в президиум ВАСХНИЛ официальное заявление, в котором отказывался выполнять распоряжения президиума. Лысенко не говорит, о каких распоряжениях идет речь. Но можно представить себе, что это были за распоряжения, если они вынудили Вавилова написать такое заявление! Лысенко в откровенно издевательском тоне привел этот факт в качестве иллюстрации того, что никакого административного нажима на институты академии он, как президент, не оказывает.

Но в то время была важна не сама дискуссия, а методы ее подачи. По поводу речи Лысенко, не раз прерывавшейся возгласами: "Неверно, неверно!" в редакционном комментарии сказано:

"Речь тов. Лысенко выслушивается совещанием с большим вниманием. На трибуне ученый-новатор, производящий значительные сдвиги в сельскохозяйственной науке и практике".

О выступлении Н.И. Вавилова сказано же, что ему не хватало "самокритики".

22.

Натиск извне приводил и к разрушению ВИРа изнутри. *Если маститые ученые под давлением лысенковцев "мутировали", что уж говорить о научной молодежи.* Многих молодых людей, не обремененных знаниями, увлекала "смелость" лысенковских взглядов. Другие попросту раскусили, что примкнуть к "новому" направлению — значит наилегчайшим путем добиться степеней известных.

Новый заместитель директора, некто Шунденко, взял их сторону. Он проводил закрытые совещания аспирантов, на которых вырабатывалась единая линия борьбы с Вавиловым и его сторонниками.

"Аспирантура у нас здоровая, — заявлял Шунденко,* — исключительно здоровая, а вот если бы не было противоречий в теоретических вопросах между руководителями и аспирантами, тогда бы аспирантура была нездоровая".

Основная причина "разногласий" между аспирантами и руководителями была совершенно ясна. О ней не раз говорили работники ВИРа, например, Н.А. Базилевская:

* Никакого отношения к науке Шунденко не имел и был внедрен в институт без согласования с директором. После ареста Н.И. Вавилова он оставался в институте недолго и при этом не стеснялся приходить на работу в форме майора НКВД.

”Я хочу отметить только, товарищи, что не бывает ли так, что под личиной непонятости руководителя и теоретического несогласия скрывается нежелание работать, нежелание нести свою тему”.

Что требовал от аспирантов Вавилов?

”Мы ждем, чтобы, закончив аспирантуру в определенной группе, вы по своему разделу стояли на глобусе. *Что такое глобус? Это — знание уровня науки, методов и знание динамики научного творчества, а специфика нашей научной работы в чем заключается? В том, что если вы пришли в науку, то вы обречены работать над собой до гробовой доски. Только тогда мы являемся научными работниками, если мы движемся. Мир весь движется, каждый месяц приносит новые ценности, поэтому надо научиться регулярно следить за пульсом, который имеется у глобуса, следить за всеми книгами, которые выходят по вашему разделу научной работы, знать даже, какие книги должны появиться, какие работники по вашему разделу работают, даже уметь сноситься с ними, ставить перед ними вопросы. Будьте покойны, что если вы основательно поставите вопрос перед самим Морганом, он вам ответит, даже сидя в Калифорнии он может вами руководить. Здесь существует этика, это этика дружбы, человечности, правило взаимопомощи. Если пошлете Моргану отгуск вашей работы, он пошлет в ответ свои работы. Завязывайте связи в молодости. Овладевайте иностранными языками — это орудие, это основной метод. Ничего трудного в изучении языков нет. Есть самые обычные люди — пятью языками владеют. Встав с утра, не под вечер, когда в голове туман, 3 часа позанимайтесь языками — английским, немецким, испанским, итальянским, и в пару лет 2-3 языка одолеете”.*

Да, нелегкие задачи ставил Вавилов перед аспирантами! Изучать иностранные языки? Следить за мировой литературой? Вести тщательно продуманные эксперименты? Зачем?

Зачем, когда можно добиться успеха, читая лишь один журнал — ”Яровизацию”? Когда можно даже и этот журнал просматривать от случая к случаю? Надо лишь погромче кричать о своем несогласии с руководящими работниками ВИРа, а заодно и со всей мировой наукой, надо лишь погромче восхищаться Трофимом Денисовичем.

Пусть Вавилов говорит:

”Я могу ошибаться, стоять на другой позиции, но я знаю много фактов. Эти факты, может быть, вам пригодятся под другим углом”.

Зачем им, этим аспирантами, е г о факты, когда перед их глазами факт поразительной карьеры Лысенко?

Конечно, так рассуждали не все критики. Многие молодые люди примкнули к ним в уверенности, что борются за действительно передовую науку. Но что меняется оттого, что в шулерскую игру оказались втянутыми субъективно честные игроки? Во всяком случае, они не гнушались получать свою долю шулерского выигрыша...

23.

По мере того как лысенковцы завоевывали одну позицию за другой, по мере того как под их натиском появлялись все новые перебежчики, а некоторые из тех ученых, что не отказались от своих взглядов, перестали участвовать в дискуссиях. Н.И. Вавилов все активнее боролся за науку — *против невежества и обскурантизма*. Он издает под своей редакцией труды Дарвина, Менделя и Моргана. Он работает над книгой "Этюды по истории генетики", участвует в коллективном сборнике "Критический пересмотр основных проблем генетики". (Двум последним работам, как и многим другим, написанным в 1939 — 1940 годах, не суждено было увидеть свет при жизни Н.И. Вавилова).

Вавилов по-прежнему не желает оправдываться, но все решительнее протестует против произвола в науке.

Он пишет докладные записки по вопросу о гибридной кукурузе. Об использовании зарубежного опыта. Об иностранной литературе, которая почти перестала выходить на русском языке с тех пор, как лысенковцы прибрали к рукам журналы и издательства. Он протестует против запрета посылать за границу семена растений, так как с этим запретом прекратился приток семян и из-за границы.

Но с каждым месяцем кольцо вокруг Вавилова сжимается. Все чаще прибывают в ВИР комиссии, все резче становятся их оценки. Все чаще арестовывают ближайших сотрудников Вавилова... А его критикуют. За менделизм-морганизм. За преклонение перед иностранщиной. За укрывательство "врагов народа". За игнорирование практики...

Вавилов отлично знает, что его ждет. Антон Романович Жебрак рассказывает, что Вавилов однажды сказал ему:

— Наука всегда в конечном счете берет верх над лженаукой, но не каждому поколению ученых удастся дожить до этого торжества.

Один из учеников Вавилова рассказывал автору этих строк, что Вавилов торопил его с докторской диссертацией, а он возразил:

— Да зачем она, Николай Иванович, докторская степень? Все равно нам одна дорога...

Вдруг ставший мрачным Вавилов на это ответил:

— Да, в кандидатах у вас больше шансов остаться незамеченным.

И, наконец, сказал публично, с трибуны во время одной из дискуссий:

— Взойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся.

А ведь достаточно было одного слова, ну, скажем, одного публичного заявления, что он, Вавилов, осознал правильность взглядов Лысенко... И он мог бы незаметно вести свою линию, как это сделали сотни селекционеров, официально признавших правоту Лысенко и продолжавших выводить сорта прежними методами.

Но на то он был ВАВИЛОВЫМ. На то был наделен мягко и непреклонностью своего характера...

Многими годами раньше, путешествуя по Греции, Вавилов объезжал полуостров Пелопоннес вместе с сотрудником советского полпредства Д.И. Макрояни и его женой. Остановившись в одной деревне, Вавилов и его спутники зашли в кабачок, где у них завязалась оживленная беседа с крестьянами. Крестьяне усердно подливали гостям местное вино рецину. Вавилов нахваливал вино и невзначай, чтобы не нарушать непринужденность разговора, расспрашивал о местных культурах.

Когда путешественники уже сели в машину, их попросили подождать и скоро вынесли большую бутылку с вином.

И тут, к удивлению супругов Макрояни, Вавилов испуганно зашептал:

— Уберите, уберите!..

Он побледнел, ему стало плохо.

Рецина — вино "на любителя": его настаивают на хвое, и оно имеет очень своеобразный вкус. Супруги Макрояни — греческие старожилы — пили его с удовольствием, Вавилов же — через силу.

— Зачем вы хвалили, зачем мучили себя? — с недоумением спросил Вавилова Дмитрий Иванович.

— Ах, чего не сделаешь ради науки! — ответил Вавилов.

Да, он весь был в этих словах. В этом была натура. И если в 1926 году ему просто не могло придти в голову, что можно пожертвовать двумя-тремя мелкими фактами и не мучить себя противным вином, то в 1939-ом ему не могло придти в голову, что можно сохранить жизнь, оставив на поругание науку.

Он знал, что его ждет. Он спешил. Программа его работы на 1940 — 1941 годы даже для Вавилова поражает насыщенностью. Десятки работ, и в том числе несколько на английском языке, задумал он написать за два года. *Чтобы выполнить намеченное, он*

должен был писать по восемь страниц ежедневно. И это сверх колоссальной нагрузки по руководству институтами и опытными станциями!

Он знал, что его ждет, и не терял работоспособности. Каждый новый научный факт, как и прежде, пробуждал в нем горячий интерес.

Он стал к этим годам плотен, тяжеловат. Залысины в волосах сильно углубились. Но "так же ярко блестели его глаза, с таким же увлечением он мог обсуждать интересующие его вопросы и делать одновременно много дел, — вспоминает о последних встречах с Вавиловым Е.А. Дояренко. — Так же таскал он всегда туго набитый раздувшийся портфель, так же приветливо улыбался. Но все же порой чувствовалась в этой улыбке где-то глубоко затаенная горечь, чаще срывалось осуждение бескультурья и недобросовестности некоторых собратьев-ученых, чего он органически не переносил".

Друзей и товарищей по науке он, как мог, старался подбодрить, вселить в них уверенность в будущем. Характерно в этом отношении письмо Н.И. Вавилова к К.И. Пангалю*, написанное в 1939 году в ответ на горестное письмо Константина Ивановича, который тяжело переносил сыпавшиеся на него нападки. Это письмо следует привести целиком:

"Дорогой Константин Иванович!

Работайте спокойно. Уделите сугубое внимание подытоживанию Вашей большой работы по бахчевым, в смысле капитальной монографии. Надо торопиться создавать бессмертные труды! Нодэн**, вероятно, работал побыстрее Вас, — надо его догнать и перегнать! Не напрасно я все время беру на себя роль беспокойного будильника. Это — первое.

Второе: колоцинтовые дела удивительно интересны теоретически и практически, и их продолжайте упорно. Как всегда в жизни, здесь действуют два начала — созидательное и разрушающее, и всегда они будут действовать, пока будет мир существовать!

Никаких сугубо угрожающих обстоятельств нет, и работайте спокойно, оформляя работы возможно скорее.

Когда Фарадея спросили, каким образом он достиг больших результатов, он ответил, что работал толково и регулярно, кратко и толково подытоживал результаты своей работы и опубликовывал их.

* Константин Иванович Пангало — близкий друг и последователь Н.И. Вавилова, специалист по бахчевым культурам.

** Шарль Нодэн — крупнейший французский биолог девятнадцатого века, работавший, как и Пангало, с бахчевыми. Близко подошел к открытию законов Менделя.

Вот и весь рецепт!

Только что вернулся с Кавказа. В Майкопе, Кубани, Дербенте и в особенности в Сухуми работа идет полным ходом, нормально. Посевы в прекрасном состоянии. Ведется настоящая, нужная, на большой высоте работа.

На севере стоит холод, и только приступаем к посеву. Озимые погибли процентов на 80, но и в гибели их много любопытного для философии бытия. В ближайшие дни этим буду занят.

Эколого-географическая классификация, несомненно, есть большое дело, и нужно довести его до конца, и Вам тоже нужно в него включиться! Возьмите-ка на себя в этом году задачу дать набросок эколого-географической классификации бахчевых культур. Скажем спасибо!

Учтите огромное внимание к созданию пригородных продовольственных баз. Это относится и к бахчевым.

Свою линию как комплексного растениеводческого учреждения мы будем вести неизменно, невзирая ни на какие препоны.

Привет!

Ваш Н. Вавилов”.

24.

Весной 1940 года стал вопрос об исследовании растительных ресурсов районов Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вавилов составил программу большой экспедиции, которая могла бы за короткое время выполнить необходимые работы. Но решение об экспедиции затягивалось. Только 20 июля приказ был подписан.

Оживленный предстоящим большим делом, Вавилов выехал в Москву оформлять документы.

Радостного, взволнованного, уверяющего, что теперь все пойдет по-другому, Вавилова встречали в те дни многие его московские друзья и ученики.

Видела в последний раз Вавилова и его старый, еще со студенческих лет, товарищ Лидия Петровна Бреславец, но уже в другом настроении. Поговорить с ним в ту последнюю встречу ей не удалось: она столкнулась с Вавиловым в Биологическом отделении Академии Наук, когда он вместе с Лысенко входил в зал, где обычно проводились заседания отделения. Считая, что мешать беседе не следует, Лидия Петровна пошла в библиотеку, а когда вышла, то стала свидетелем того, как Вавилов, сильно хлопнув дверью, выскочил из зала и разгневанный пробежал мимо.

Стоявшая здесь же сотрудница Института физиологии тихо сказала:

— Ну теперь карьера Николая Ивановича кончена. Он показывал Трофиму Денисовичу последние отчеты американского Департамента земледелия и сказал, что из-за Трофима Денисовича Америка обогнала нашу страну. Его теперь арестуют, вот увидите...

Под вечер Вавилова посетили на его квартире Н.В. Ковалев, И.А. Минкевич и Н.Р. Иванов.

Вавилов был мрачен.

В память Николая Родионовича Иванова врезались слова Вавилова о беседе с Лысенко:

— Я сказал ему все.

На следующее утро Вавилов выехал в Киев.

Разделив, как обычно, экспедицию на несколько отрядов, он сам путешествовал лишь с двумя спутниками — Ф.Х. Бахтеевым и В.С. Лехновичем*.

3 и 4 августа они объезжали опытные станции в районе Черновцов, собирали образцы посевов, знакомились с научной работой, а весь день 5 августа, как пишет Ф.Х. Бахтеев, Вавилов "знакомился с университетом, с немногими оставшимися здесь преподавателями и его научными сотрудниками; с музеями, Ботаническим садом, с самим городом .

Вечером Вавилов собрал на совещание местных работников и попросил их помочь экспедиции. Тут же решили следующим утром отправиться в горный район Карпат, в направлении Путиля.

"Желающих принять участие в поездке оказалось много, — вспоминает Ф.Х. Бахтеев. — К автомашине Николая Ивановича были добавлены еще две, но все равно одному человеку места не хватало. По совету Николая Ивановича мне пришлось отказаться от поездки в пользу одного из присутствовавших на станции гостей".

В.С. Лехнович рассказывает, что дорога в Карпаты оказалась усыпанной острыми камнями, а автомашины были с очень старыми, истертыми шинами. Проколы следовали один за другим. Особенно не везло одной машине, в которой ехал Лехнович. Она сильно отстала, а когда в запасе не осталось ни одной камеры, шофер повернул назад...

На обратном пути Лехновичу и его спутникам встретила черная эмка. Пассажиры ее попросили их остановиться и спросили, не встретили ли они академика Вавилова. Узнав, что машина Вавилова едет по направлению к Путилю, они заспешили к своей эмке.

* Вадим Степанович Лехнович — один из ближайших учеников Н.И. Вавилова, специалист по картофелю и другим клубневым культурам.

На вопрос Лехновича, зачем им понадобился академик Вавилов, они ответили, что его срочно вызывает по прямому проводу Москва и они обязаны его немедленно разыскать. В.С. Лехнович посоветовал им вернуться, сказав, что их машина все равно не пройдет, а Вавилов приедет сегодня же вечером. Но встречная машина тронулась по направлению к Путиля.

Вернувшись в Черновцы, Вадим Степанович рассказал о поездке Бахтееву, и не забыл упомянуть о встретившейся машине, разыскивающей Н.И. Вавилова.

"В те дни, — вспоминает Фатих Хафизович Бахтеев, — шли заседания чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР по случаю воссоединения западных районов Белоруссии и Украины. В связи с этим нам казалось вполне возможной срочная необходимость переговоров Москвы с академиком Н.И. Вавиловым. Мне даже это событие показалось хорошим предзнаменованием для самого Николая Ивановича, в том смысле, что, наконец, он будет огражден от сыпавшихся на него градом несправедливых нападок..."

"Уже стемнело, — продолжаем цитировать воспоминания Ф.Х. Бахтеева, — когда мы с В.С. Лехновичем возвращались из столовой к себе в общежитие; у ворот мы были остановлены дежурившим служителем, который сказал нам, что недавно на своей машине возвратился профессор (т.е. Н.И. Вавилов) и хотел пройти к себе, но в этот момент подъехала какая-то другая машина и вышедшие из нее люди пригласили профессора ехать вместе с ними для срочных переговоров с Москвой. Тогда, продолжал привратник, профессор передал ему свой рюкзак и попросил отдать его нам, чтобы мы при возвращении в общежитие захватили его с собой; профессор просил также передать нам, что он скоро вернется и чтобы мы его ждали..."

...Прошел не один час, а Николай Иванович не возвращался. Наступила полночь, мы забеспокоились. Вдруг постучали к нам в дверь; получив разрешение, вошли в комнату два просто одетых молодых человека, ничем внешне не отличавшихся от большинства наших обычных советских граждан. Один из них спросил, кто из нас Лехнович? Вадим Степанович ответил: "я" и взял протянутую ему записку от Н.И. Вавилова.

Записка содержала следующее: "Дорогой Вадим Степанович. Ввиду моего срочного вызова в Москву, выдайте все мои вещи подателю сего. Н. Вавилов. 6.VIII. 40. 23 часа 15 м."

Мы крайне удивились, недоумевая, почему же не приехал сам академик, чтобы дать нам указания перед своим отъездом о дальнейшей работе экспедиции во время его отсутствия. Молодые люди начали нас успокаивать, уверяя, что академик не смог этого

Департамент
Вадим Степанович
Ввиду моего срочного выезда
в Москву выдайте все мои
вещи немедленно сего

6/VI 40 23 г. 152. Шабалин

сделать, так как он уже на аэродроме у готового к вылету самолета, ожидающего лишь срочной доставки его вещей...

...Собрав и упаковав все вещи Николая Ивановича, мы и сами собрались ехать провожать его на аэродром. Против этого оба молодых человека ничего не возразили. Но когда все вещи были вынесены и уложены в такую же черную эмку, как и у Николая Ивановича, то оказалось, что в ней почти не остается места для нас двоих, так как за рулем оказался еще третий человек. Рядом с шофером на переднее сиденье сел один из приезжавших к нам курьеров, а на заднее — другой. В таком случае было решено, что провожать Николая Ивановича и переговорить с ним о дальнейших разработках экспедиции поеду я, а Вадим Степанович останется.

Когда я хотел уже садиться рядом с задним седоком, последний вдруг, позабыв о вежливости, довольно грубым тоном воскликнул: "А стоит ли Вам ехать?" Но я ответил, что товарищ, видимо, шутит, и что если нет места для нас обоих, то, по крайней мере, один из нас непременно должен увидеться с Николаем Ивановичем до его приезда из Москвы. С этим намерением я потянул к себе заднюю дверь автомашины и занес было ногу в нее, но тут же ударом правой руки заднего седока наотмашь я был отброшен и упал. Тем временем последовал резкий приказ шоферу: "Поехали!". Шумно захлопнулась дверь и автомашина быстро скрылась в темноте...

Только теперь, до беспамятства потрясенные случившимся,

безмолвно и без движения оставаясь на своих местах, мы, наконец, поняли, что с Николаем Ивановичем случилось большое несчастье... Катастрофа совершилась..."

25.

Катастрофа совершилась...

Разбирая рюкзак Н.И. Вавилова, Ф.Х. Бахтеев обнаружил в нем наряду с другими находками образцы реликтовой пшеницы полбы, которая, по предположениям Вавилова, должна была отыскиваться в предгорьях Карпат и о которой не подозревали местные ученые. Вавилов нашел ее в той последней своей поездке в Путиля, в те часы, когда следом за ним, невзирая на трудность дороги, уже гналась черная эмка, повстречавшаяся В.С. Лехновичу...

...Двести лет изучали пшеницу до Николая Вавилова, и двадцать с небольшим лет изучал ее Вавилов. За это двадцатилетие число известных науке видов пшеницы удвоилось, а число разновидностей возросло вчетверо.

Катастрофа совершилась... Тихо, по-воровски. Арест Николая Вавилова не сопровождался шумом, каким обычно сопровождалось "разоблачения" "врагов народа". В печати о его аресте не было никакого упоминания. Он просто исчез.

И не удивительно, что в адрес академика Вавилова продолжали идти письма от самых разных людей.

Нельзя без содрогания читать строки, написанные старательным почерком школьника:

"Глубокоуважаемый академик.

В популярных книгах: И.В. Мичурина "Итоги шестидесятилетних работ" и Н.А. Блукет "Охотники за растениями" я прочел и узнал, что Вы являетесь самым крупным охотником за растениями и много помогли И.В. Мичурину в добыче необходимых ему растений и семян, а также помогаете и многим нашим селекционерам, которые широко используют ваши семена, собранные в разных странах мира. Как начинающий опытник-мичуринец и селекционер, я также решил обратиться к Вам с убедительнейшей просьбой о высылке мне к весне будущего года некоторых семян, которые меня уже давно интересуют, но добыть их нигде не могу..." (далее перечень необходимых юннату сортов).

Письмо было написано 10 декабря 1940 года, то есть через четыре месяца после ареста Н.И. Вавилова.

Да что говорить о юннатах, когда разбросанные по всей стране ученики Вавилова не хотели верить, что случилось неправи-

мое. Среди них упорно ходили слухи, что Николай Иванович на свободе, что он переведен на секретную работу, хотя что секретного могло быть в его самой мирной профессии на Земле — профессии ученого-хлебороба!.. Между тем, не было недостатка и в "очевидцах", которые, будучи в Москве, лицом к лицу якобы сталкивались с Вавиловым, а он "делал вид", что не узнает их, или даже "подавал знак", чтобы его не останавливали...

Между тем, был человек, который своевременно узнал о случившемся, хотя не имел отношения к органам НКВД.

Один из ближайших сподвижников Лысенко, И.Е. Глущенко, в шестидесятые годы рассорившийся со своим шефом (с 1938 года он работал в вавиловском Институте генетики, подрывая и его изнутри), рассказывал автору этих строк, что чуть ли не на следующий день после ареста Вавилова Лысенко явился в Институт генетики, разыскивая работающего в поле своего ученика и со злорадством спросил:

— Где твой директор?

Когда Глущенко ответил, что Вавилов где-то в экспедиции, а где точно, он не знает, Лысенко сказал:

— Нет больше твоего директора! Арестовали твоего директора! И ушел.

Вскоре Лысенко был назначен директором Института генетики, а директором ВИРа стал бывший заведующий Полярной опытной станцией, один из тех, кто переметнулся на сторону Лысенко, И.Г. Эйхфельд.

В акте о сдаче-приеме Института говорилось:

"В своей интродукционной работе Институт растениеводства руководствовался теоретической концепцией руководителя Института Н.И. Вавилова о так называемых "центрах происхождения культурных растений" и "законе гомологических рядов изменчивости растений"...

Однако, практика работы по интродукции показала, что теоретические установки, которые руководителем Института были положены в основу этой серьезной работы, не оправдались...

Эта теоретическая концепция не только не оказалась полезной в плановом и быстром привлечении всего наиболее ценного из мировых растительных богатств, но мешала и оказалась вредной в использовании даже того ценного, что было привлечено в Советский Союз Институтом растениеводства".

Под документом стоят подписи: И.А. Минкевич, И.Г. Эйхфельд, А.И. Зубарев.

В примечании к акту сказано:

"И.А. Минкевич приступил к и.о. зам. директора по научной

части Всесоюзного Института растениеводства с мая 1940 года, и ни института, ни его дел от своего предшественника не принимал”.

Тут же пошли слухи, что ВИРа больше не существует, что он превращен в Институт северного земледелия. Местные власти стали прибирать к рукам опытные станции, Эйхфельд слал панические письма, доказывая, что ВИР все-таки еще существует...

ВИР существовал, но переживал агонию. Прежнее направление работ было признано ошибочным, а нового разработать никто не мог. Одного за другим арестовывали ведущих работников Института. Жертвой репрессий за неполный год с момента ареста Н.И. Вавилова до начала Великой Отечественной войны стали Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитский,* А.И. Мальцев,**, Л.И. Говоров – двенадцать ведущих работников Института. Никто из них не выжил в заключении...

26.

Умирать Николая Вавилова увезли в Саратов, город его исследовательской молости, с которым столько было связано тяжелых и радостных воспоминаний***.

Могучий деятельный организм Вавилова сильно страдал от недоедания. Между тем, именно в Саратов эвакуировалась из осажденного Ленинграда Елена Ивановна.**** Живя с малолетним сыном Юрием впроголодь и не зная, что ее муж рядом, она урывала от скудных пайков военного времени и отправляла в Москву посылки, уверенная, что они доходят по назначению. А в это время академик Вавилов умирал в нескольких кварталах от нее...

Еще будучи в Ленинграде, Елена Ивановна обивала пороги разных учреждений, молила замолвить словечко у влиятельных, как ей казалось, ученых. Ее принимали по-разному: с состраданием и сочувствием, с грубой жестокостью, с испугом. Но никто помочь ей не мог...

Дмитрий Николаевич Прянишников, сам постоянно терроризируемый противниками агрохимии, обвиняемый в тех же смертных грехах, что и Николай Вавилов, сумел добиться приема у Берии.

* Левитский Григорий Андреевич – член-корреспондент АН СССР, заведовал в ВИРе отделом цитологии растений. Погиб в заключении.

** Александр Иванович Мальцев – крупный растениевод, заведовал в ВИРе отделом сорных растений. Умер в заключении.

*** Н.И. Вавилов работал в Саратове в 1917-1920 годах; там им было сделано первое крупное открытие – закон гомологических рядов.

**** Елена Ивановна Барулина – жена Н.И. Вавилова, генетик и систематик культурных растений.

Но как только Прянишников стал просить непредвзято разобраться в деле Вавилова или, по крайней мере, облегчить его положение и предоставить возможность работать в заключении, Берия грубо оборвал старика и фактически выставил за дверь. Уже во время войны из Алма-Аты, куда эвакуировался Прянишников, он телеграммой представил Н.И. Вавилова к Сталинской премии, прося учесть хотя бы практическую ценность собранной мировой коллекции.

То был акт отчаяния и поразительного мужества.

Что-то старался сделать и Сергей Иванович Вавилов*, но об этом никому не рассказывал. Один из учеников Николая Ивановича в 1944 году, приехав в Москву и стремясь что-либо узнать об участии учителя, пришел в Оптический институт АН СССР, директором которого был С.И. Вавилов. Институт только что вернулся из эвакуации, и в здание вносили ящики с оборудованием. Сергей Иванович оживился, узнав, что к нему пришел ученик брата. Он сказал, что Николай Иванович умер, но что невиновность его теперь доказана.

— Вы можете мне не поверить, но я сделал все, что мог, даже больше, чем мог, — сказал он, прощаясь.

27.

В послевоенные годы биологическая дискуссия вспыхнула с новой силой.

Еще во время войны Лысенко выступил с очередной авантюрой — посевами в Сибири озимых по стерне (то есть без вспашки). Авантюра провалилась. Нужны были новые сенсации, и Лысенко выдвинул теорию отсутствия внутривидовой борьбы. То было логическое продолжение его ламаркистских взглядов.

Считая, что эволюцию направляет не отбор, а изменение наследственности в сторону приспособления к внешним условиям, он д о л ж е н б ы л прийти к отрицанию и внутривидовой конкуренции. Маскировать эту идею под дарвинизм было уже невозможно, и "подлинный дарвинист" объявил Дарвина "плоским эволюционистом", а автором настоящей теории эволюции — себя.

В статье "Дарвинизм в кривом зеркале" П.И. Жуковский показал несостоятельность и антидарвиновскую сущность новой теории, на что Лысенко ответил очередным каскадом политических обвинений. Он заявил, что теория внутривидовой борьбы нужна

* С.И. Вавилов — младший брат Н.И. Вавилова, выдающийся физик, впоследствии (с 1945 года) президент Академии Наук СССР.

буржуазии, чтобы оправдать классовое неравенство и угнетение в капиталистическом обществе. Тем самым и сторонники дарвиновской теории внутривидовой конкуренции, а следовательно, противники новой концепции Лысенко, объявлялись сторонниками капитализма, а значит, противниками социализма.

Все же в ряде дискуссий лысенковцы потерпели ощутимые поражения. Трон их апостола зашатался. Лысенко начал готовить окончательный разгром "менделизма-морганизма", для чего решил созвать внеочередную сессию ВАСХНИЛ.

Чтобы обеспечить себе большинство, Лысенко одним росчерком пера ввел в Академию 39 своих сторонников. Составленный им список был утвержден Сталиным — без всякого обсуждения и голосования в Академии.

Сессия ВАСХНИЛ в столь сильно обновленном составе готовилась в строжайшей тайне. "Менделистам-морганистам" приглашения были посланы в самый последний момент, так что они не успели подготовить выступления. Многие ученые были в это время в отпуску и не знали, что дома их ждет приглашение на столь ответственную сессию: они и не явились.

Доклад Лысенко предварительно прочел и одобрил Сталин, что Лысенко скрыл от своих противников, вызвав их на полемику. Лишь в заключительном слове он сказал, что доклад одобрен Центральным Комитетом партии. Нужно сказать, что заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) Юрий Жданов был на стороне "менделистов" и только под нажимом в предпоследний день сессии выступил со статьей, в которой "признавал свои ошибки".

На сессии большинство лысенковцев было подавляющим. Каждого сторонника классической генетики, рискующего подняться на трибуну, они встречали и провожали свистом, улюлюканьем, топотом. На последнем заседании сессии, после того, как появилась покаянная статья Юрия Жданова, а Лысенко заявил, что его доклад одобрил ЦК, некоторые ученые были вынуждены выступить с заявлениями об отказе от прежних взглядов; другие это же сделали в ближайшие дни в печати.

Но нашелся человек, который, взяв слово якобы тоже для покаяния (иначе слова бы не дали), поднялся на трибуну и сказал, что считает сессию актом полицейского произвола в науке. Тут же поднялся шум и свист "новых" академиков, но оратор договорил все, что считал нужным, до конца. Это был доктор биологических наук И.А. Рапопорт — блестящий генетик, еще в 1940 году основавший новую область науки о наследственности — химический мутагенез (вызывание искусственных мутаций не облучением, а специ-

ально подобранными химическими соединениями). Его заявление не вошло в опубликованную стенограмму сессии.

В последующие месяцы по всей стране производилась расправа. Тысячи ученых-биологов должны были официально отречься от своих взглядов, в противном случае они увольнялись. Классическая генетика была изгнана из университетов, сельскохозяйственных и медицинских вузов, из программ средних школ.

Если еще в конце тридцатых годов перестали выходить переводы работ иностранных биологов, то теперь вся зарубежная литература по генетике стала храниться в библиотеках под строжайшими грифами, так что и тот, кто владел иностранными языками, не мог с ними знакомиться. Были даже уничтожены десятилетиями выводившиеся линии мух-дрозофил.

Естественно, что шумиха, поднятая на августовской сессии и после нее, не могла не обратить на себя внимание Запада. Даже в кругах, симпатизировавших СССР, методы, которыми в советской биологической науке насаждалось монопольное господство лысенковского направления, заставили некоторых представителей интеллигенции выступить с протестом. Все это не трудно было предвидеть. Но мы ведь уже убедились: те, кто прикрываясь фразами о борьбе за "истинно советскую генетику", "против буржуазной генетики", по существу, преследовали лишь свои личные цели, ради достижения которых готовы были пожертвовать и престижем родной страны.

Некоторые зарубежные биологи – члены советской Академии наук – прислали официальные заявления о своем выходе из состава Академии. В этих заявлениях указывалось на прямую связь между "исчезновением" в 1940 году Н.И. Вавилова и решениями Августовской сессии ВАСХНИЛ.

Вот что писал в адрес президента выдающийся ученый Генри Г. Дейл:

"Г-Н Президент!

Я пришел к решению, вынудившему меня к отказу от звания почетного члена Академии наук СССР, каковым я был избран в мае 1942 года.

Когда Ваш выдающийся предшественник академик В.Л. Комаров письменно уведомил меня об оказанной мне чести, в своем письме он сослался на тот факт, что я в то время состоял председателем Лондонского королевского общества. Я верю, что многие британские ученые расценили и приветствовали мое избрание в то время как символ общности целей ученых наших двух стран, которые уже около года совместно вели войну против гитлеровской Германии, защищая, как мы верили, свободу науки, как и свободу всех

других достойных видов человеческой деятельности, от угрозы агрессивной тирании.

В том же 1942 году Лондонское королевское общество выбрало Николая Ивановича Вавилова в число своих 50 иностранных членов. При поддержке и поощрении Ленина он имел возможность, будучи первым директором Института генетики имени Ленина, положить начало и способствовать дальнейшему быстрому росту участия исследователей СССР во всемирном прогрессе генетики, который последовал за признанием открытий Менделя. Его использование этих возможностей рассматривалось как приносящее большую пользу сельскому хозяйству Советского Союза. Мы хотели почтить эти заслуги как большой вклад в мировую науку. Однако, в Британии стало известно уже в 1942 году, что Н.И. Вавилов каким-то образом впал в немилость тех, кто пришел после Ленина, хотя причина этому оставалась неизвестной. Мы могли лишь предположить, что она носила политический характер и не имела отношения к его научным достижениям. Только в 1945 году королевскому обществу стало известно, что он был смещен со своего поста, исчез с некоторыми из своих сотрудников по генетике и умер неизвестно когда между 1941 и 1943 годами. Некоторые запросы об указании лишь даты и места его смерти, адресованные Вашей Академии королевским обществом через все открытые для этого возможности, остались без всякого ответа. Насколько мне известно, королевское общество еще до сих пор не было официально уведомлено о том, был ли жив этот выдающийся русский ученый во время избрания его в число иностранных членов королевского общества.

Недавние события, о которых теперь получены полные сведения, осветили то, что случилось. Покойный Н.И. Вавилов был заменен Т.Д. Лысенко, проповедником доктрины эволюции, которая по сути дела отрицает все успехи, достигнутые исследователями в этой области со времен, когда в начале девятнадцатого столетия были опубликованы рассуждения Ламарка. Хотя труды Дарвина все еще формально признаются в Советском Союзе, его основное открытие будет теперь отвергаться. Все великое построение точного знания, которое продолжает расти усилиями Менделя, Бейтсона и Моргана, подлежит отрицанию и поношению, и последние немногие, кто еще содействовал его созданию в СССР, теперь лишены своих положений и возможностей.

Это — не результат честного и открытого конфликта научных мнений. Из предъявлений и заявлений самого Лысенко ясно, что его догмат установлен и насильно введен Центральным Комитетом коммунистической партии как отвечающий политической философии Маркса и Ленина. Многие из нас, г-н Президент, с гордостью

считали, что в науке, общей для всего мира, нет политических границ или национальных разновидностей. Однако, теперь эта наука должна быть отделена от "советской науки" и порицаема как "буржуазная" и "капиталистическая".

Постановления, изданные Президиумом Вашей Академии 27 августа текущего года, являются ясным выражением этой политической тирании. Мой старый уважаемый друг академик Орбели, выдающийся неврофизиолог, последователь школы вашего великого Павлова, снят с поста секретаря отделения биологических наук Вашей Академии за то, что он не сумел предвидеть Ваши постановления, ограничивающие всю исследовательскую и преподавательскую работу в области генетики. Время покажет, потребуется ли такое подчинение догме и в других отраслях науки. Пока нам известно только то, что генетика, которую поощрял Ленин, теперь запрещается как чуждая политическая философия.

С тех пор, как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток пообавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха. Последним потерпел в этом неудачу Гитлер. Считая, г-н Президент, что Вы и Ваши коллеги действуете под аналогичным принуждением, я могу лишь выразить Вам мое сочувствие.

Что касается меня самого, пользующегося свободой выбора, я верю, что я оказал бы дурную услугу даже моим коллегам по науке в СССР, если бы я продолжал связь, которая казалась бы в согласии с действиями, согласно которым Ваша Академия теперь ответственна за тот ужасный вред, нанесенный свободе и целостности науки, под каким бы давлением это ни было сделано.

С глубоким сожалением я должен просить Вас исключить меня из числа почетных членов Вашей Академии".

Аналогичное письмо прислал и Герман Меллер.

И эти письма должен был читать Президент АН СССР Сергей Иванович Вавилов...

Глубоко травмированный расправой над братом, Сергей Иванович был поражен, когда в 1945 году ему предложили занять пост президента Академии наук СССР.

— Для меня это так же неожиданно, как назначение индийским раджей, — сострил он, выслушав предложение.

Но отказаться не посмел. А, может быть, думал, что власть президента позволит ему что-либо сделать для восстановления справедливости хотя бы по отношению к имени покойного брата.

Он должен был молчать по поводу сессии ВАСХНИЛ и даже

проводить реорганизацию в Академии наук в свете решений этой сессии.

В том же 1948 году с большой помпой отмечалось пятидесятилетие Лысенко. Юбилей "главы" "мичуринской" биологии был превращен в политическую кампанию, и Сергей Иванович Вавилов должен был присутствовать на торжестве и поздравлять юбиляра от имени Академии...

Сергей Иванович любил бывать в биологических институтах, особенно в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова, где нашли приют многие ученики его брата. Особенно он любил оранжереи с декоративными растениями. Он вообще был равнодушен к цветам, обожал розы. Зная эту его слабость сотрудники Ботанического института одаривали его роскошными букетами.

Рассказывают, что, увидев букет, Сергей Иванович с трогательной непосредственностью бросался к нему и тут же испуганно оглядывался, как бы боясь, что кто-то отнимет дорогой подарок... Не напоминали ли ему розы брата? Николай Иванович к цветам был равнодушен, но розами восхищался из-за их удивительного сортового разнообразия. Сергей Иванович об этом, конечно, знал...

Президентство превратилось для него в пытку. Особенно тяжелы были приемы иностранных гостей, которые спешили выразить ему соболезнование в связи с гибелью брата. Сергей Иванович не знал, что на это ответить, лицо его каменело... За несколько лет президентства он так и не сумел выработать линию поведения.

Постоянные душевные пытки, безусловно, способствовали его преждевременной кончине*.

И все же августовская сессия ВАСХНИЛ не принесла лысенковцам тех результатов, на которые они рассчитывали. Им не удалось "покончить, наконец, с этой непомерно затянувшейся дискуссией", как выразился один из участников.

Уже с 1952 года "Ботанический журнал" начал печатать статьи, критиковавшие антидарвинистские положения Лысенко. В последующие годы началось медленное возрождение генетики в СССР. На помощь биологам приходили ученые других специальностей. Физик Л.А. Арцимович привез из-за границы дрозофил для Н.П. Дубинина. Академик И.В. Курчатов основал в своем институте ядерной физики лабораторию радиационной биологии, возглавить которую пригласил С.И. Алиханяна. Академик Н.Н. Семенов создал в своем институте химической физики лабораторию химического мута-

* С.И. Вавилов умер в 1951 году.

гене́за, заведовать которой пригласил И.А. Рапопорта. Академик М.А. Лаврентьев создал в Сибирском отделении Академии наук СССР Институт цитологии и генетики во главе с Н.П. Дубининым. Директором ВИРа стал П.М. Жуковский.

Но возрождение генетики наталкивалось на большие трудности. Лысенковцам удавалось поддерживать мнение, что только их "наука" приносит пользу сельскохозяйственной практике. В 1958 году была смещена возглавляемая академиком Сукачевым редколлегия "Ботанического журнала". Отрицательно была встречена деятельность Н.П. Дубинина как директора Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР. Институт оказался под угрозой закрытия: чтобы спасти Институт Н.П. Дубинин уволился "по собственному желанию".

После реабилитации Н.И. Вавилова в августе 1955 года о нем появлялись статьи, очерки, даже книги. Но в них обходятся все острые углы, о биологических дискуссиях не упоминается, о связи его работ с учением Менделя — ни слова.

Уже в то время, когда задумывалась и начиналась работа над этой книгой, М.А. Ольшанский (в то время президент ВАСХНИЛ) требовал в печати отдать под суд "за клевету" тех ученых, которые заявляли, что гибель в годы культа личности ряда крупнейших генетиков СССР непосредственно связана с методами, с помощью которых боролись против классической генетики Лысенко и его сторонники.

А между тем, лысенковщина переживала агонию. Все новые и новые "идеи" Лысенко, потерявшего над собой всякий контроль, заставляли выступать против него и тех, с чьей помощью он пробивал себе дорогу.

Рассорился с Лысенко и И.Е. Глущенко. И.И. Презент выступил против некоторых его положений. Активно начала выступать против лысенковских догматов молодежь. Талантливые молодые исследователи — даже те, что учились по лысенковским программам и о менделизме слышали лишь как о "реакционном", "идеалистическом" учении, стали убеждаться в несостоятельности концепций Лысенко.

И когда наступил момент, лишивший лысенковцев административной поддержки, могущественный колосс рассыпался в прах под первыми же ударами объективной критики.

А сам Лысенко?

Он продолжает работать на своей экспериментальной базе в Горках Ленинских. На жизнь его никто не покушается.

Потому что истинная наука по сути своей противоположна фанатизму.

Потому что наука широка.

Потому что наука не мстительна.

Потому что наука великодушна.

И есть нечто символическое в том, что Лысенко — уже в преклонных годах человек — физически пережил свой бесславный конец. В этом (как и во всем) он — прямая противоположность Николаю Ивановичу Вавилову, который пережил свою физическую смерть.

Его изъяли из жизни в расцвете лет. Он был уже не молод, но по всему складу своей натуры, по широте взглядов, безграничной терпимости к инакомыслию, постоянной готовности учиться и переучиваться — был молодым, и кто знает, сколько свершений ждало его впереди!

Николай Вавилов умер 26 января 1943 года...

Обстоятельства его смерти остались неизвестными.

Могила его до сих пор не найдена...

Москва — Ленинград — Москва.
1963 — 1968

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работая над книгой об Н.И. Вавилове, я, естественно, старался собрать как можно больше сведений о его заключении, но это оказалось нелегко. Доходившие до меня свидетельства были скудны и противоречивы. Мне рассказывали, что какие-то бывшие эки встречали Вавилова в Свердловске, и даже на Колыме. По одному свидетельству его растерзали сторожевые собаки, когда он, не таясь, направился к выходу из лагеря, в котором в тот момент были открыты ворота. Другие говорили, что он умер от истощения. По одному из рассказов, на Лубянке, еще в период следствия, новым сокамерникам Вавилов представлялся так:

”Николай Иванович Вавилов, академик Академии наук СССР, академик ВАСХНИЛ, бывший президент и вице-президент ВАСХНИЛ, президент Географического общества, ...” и дальше он долго перечислял все свои титулы и звания, после чего заключал: ”...а по мнению гражданина следователя — дерьмо!”.

Однако достоверность всех этих сведений была очень сомнительна: среди бывших эков оказалось немало людей, желавших задним числом ”посидеть” вместе с такой знаменитостью, как Вавилов.

Кроме того, что Вавилов умер в Саратове, долгое время достоверно ничего не было известно, и вот профессор Ф.Х. Бахтеев, как член Комиссии по разработке научного наследия Н.И. Вавилова поехал в Саратов и привез оттуда несколько бесценных документов, фотокопии которых здесь воспроизводятся.

Прежде всего обращает на себя внимание ”ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ №11” — краткий, но необычно содержательный документ.

Из него мы, во-первых, узнаем точную дату ареста (она совпадает с первоначальным свидетельством Ф.Х. Бахтеева и В.С. Лехновича: 6 августа 1940 года), затем узнаем, что в Саратовскую тюрьму Вавилова доставили 29 октября 1941 года, причем он поступил ”из внутренней тюрьмы города Москвы”. Это сразу отмечает все версии о том, что Вавилова могли видеть в уральских или сибирских лагерях. Как ”особо опасного преступника” его держали в Москве, и только нависшая угроза захвата Москвы гитлеровцами, заставила власти вывезти Вавилова в тыл.

Из истории болезни мы узнаем также, что Вавилова осудили по грозной 58-й статье и срок ему был назначен — 20 лет.

История болезни свидетельствует о том, что Вавилова практически лишили какого бы то ни было лечения. Болел он семь дней, а на лечение в больницу поступил перед самой смертью, только 24 января, и не утром, так как в дневнике отмечена только вечер

няя температура. Всего он провел в больнице две ночи и один день. Умер 26 января "в 7 часов утра при явлениях упадка сердечной деятельности".

Среди "объективных признаков болезни" указано, что "больной ослаблен, истощен". Даже накануне смерти Н.И. Вавилов не получал нормального питания...

Не менее выразительны "Акт судебно-медицинской экспертизы", составленный 30 января, и "заключение" о смерти Н.И. Вавилова, составленное 5 февраля 1943 года. Оба подписаны одним и тем же лицом — Резаевой, однако в первом случае она "судебно-медицинский эксперт", а в другом — "старший судебно-медицинский эксперт". Невольно возникает вопрос: уже не получила ли она повышение за Вавилова, которого, кстати сказать, "состарила" в документах на 10 лет?

Горькой насмешкой в обоих документах выглядит второй пункт: "Смерть ненасильственная".

Наконец, весьма выразительно и задокументированное Ф.Х. Бахтеевым свидетельство бывшего работника Саратовской тюрьмы А.И. Новичкова, опознавшего примерное место захоронения Н.И. Вавилова и утверждавшего (лично я сомневаюсь в достоверности этого утверждения), что "в порядке исключения" (!) Вавилов "был похоронен в отдельном гробу переодетым в чистое белье".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ №11

3-й корпус
57 камера
12 палата

Арестован 6/У11-1940 год
В Сар. тюрьме с 29/X-41 г.
Прибыл из внутренней тюрьмы гор. Москвы
Домашний адрес:
г. Ленинград, ул. Гоголя,
дом №2, кв. 13

на больного заключенного г. Саратов тюрьмы УНКВД Саратовской области.

1. Фамилия имя и отчество — ВАВИЛОВ Николай Иванович.
2. Возраст 1887 года.
3. Предварительный диагноз: Крупозное воспаление легких.
4. Окончательный диагноз: крупозное воспаление легких и энтерит.
5. Поступил на лечение 24/1- 1943 года. Осужден ст. 58 — 20 лет.
6. исход — 26/1- 1943 года умер в 7 часов утра.

Жалобы больного: жар, боли в груди, кашель, одышка, понос три раза в день, плохой аппетит, сильная слабость. Болел 7 дней. Объективные признаки болезни — язык обложен, живот мягкий, состояние тяжелое, больной ослаблен, истощен, кожа бледная. В легких справа в нижней доле дыхание с бронхиальным оттенком, тоны сердца глухие. В прошлом болел малярией.

ВРАЧ СТЕПАНОВА

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ И Л

3-4 этаж
17 этаж
12 этаж

Арестован 6/II-1940 год
в Сар. тюрьме с 29/I-41г
прибыл из внутренней
тюрем гор. Москвы
домашний адрес:
г. Ленинград, ул. Гоголя,
дом № 2, кв. 13

на основании заключения с г. Саратов тюрьмы УИ.ВД
Саратовской области

1. Замечание, как и отчество - ВАШЕНКО Николай Иванович
2. Возраст 1907 года. 3. Предварительный диагноз: крупозное воспаление легких. 4. Констатированный диагноз: крупозное воспаление легких и эмпиема. 5. Поступил на лечение - 24/I-1940 года. Осужден ст. 58 - 20 лет. 6. Исход 26/I-1940 года ушел в 7 часов утра.

Анамнез заболевания: пер. боль в груди, кашель, одышка, потов в руке на ладонь, сильная слабость.

Болезнь 7 дней. Состоятельные изменения болезни - язык обложен, пульс частый, состояние тяжелое, больной ослаблен, истощен, кожа бледная. В легких слышно в нижней доле дыхание с крепитацией отточенной, крепитирующие хрипы, тоны сердца глухие. В правой доле слышны.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Время часов, год	Температура градусы		Состояние больного заключенного	Позначение лечения и даты и часов состояния лечения
	утро	вечер		
24/I-40		37,2		И стол и по- дско. Бактерио- лог.
25/I-	37,3			Болезнь на гру- ду клетку
26/I-40.			В 7 часов утра ушел из камеры уходя сердечной неполнотой.	Рис. 102 0,5 1,3 Рис. 102 0,5 1,3 Рис. 102 0,5 1,3

ВРАЧ - ОТКЛАНОВА

Забегин

наказан на основании вынесенного
приговора № 1/10 - Валентин (Иванович)

Из акта судебно-медицинского вскрытия

30 января 1943 года суд. мед. эксперт по гор. Саратову РЕЗАЕВА, согласно устного предложения начальника санчасти Саратовской тюрьмы №1 производила вскрытие ВАВИЛОВА Николая Ивановича, 65 лет.

Наружный осмотр

Труп мужчины на вид 65 лет, роста среднего, телосложение среднее, питание резко понижено. Кожа бледная, подкожная (клеточка) клетчатка отсутствует; мышцы слабо развиты, скелет правильный, температура: труп холодный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: 1. Смерть ВАВИЛОВА последовала от долевой бронхопневмонии, на что указывает: наличие плотных нижних долей легких и неравномерной плотности верхней доли левого легкого темно-красного цвета на разрезе с сероватыми, слегка набухшими островками, тонущими при опускании в воду. Наличие мутно-кровянистого отделяемого с поверхности разреза при сдавлении и гиперемии слизистой трахеи и бронхов.

2. Смерть ненасильственная.

СУД. МЕД. ЭКСПЕРТ – РЕЗАЕВА.

Из акта судебно-медицинского
вскрытия

30 января 1945 года суд.м.д. эксперт по гор.Саратову
Р.А.АБА, согласно устного предложения начальника санчасти
Саратовской тюрьмы № 1 производил вскрытие ЗАВЯЛОВА
Николая Ивановича, 65 лет.

.....

Внешний осмотр

Труп мужского на вид 65 лет, роста среднего, телосложение среднее, питание резко понижено. Кожа бледная, подкожная (жировая) клетчатка отсутствует; мышцы слабо развиты, окраска правильная, температура: труп холодный.

.....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: 1. Смерть ЗАВЯЛОВА последовала от долевой бронхопневмонии, на что указывает: наличие плотных нижних долей легких и неравномерной плотности верхней доли левого легкого темного-красного цвета на разрезе с омертвениями, легкими выходящими стропками, тонкими при опускании в воду. Наличие мутно-красноватого отделяемого с поверхности разреза при сдавлении и гиперемии слизистой трахеи и бронхов.

II. Смерть естественная.

СУД.МЕД.ЭКСПЕРТ - Р.А.АБА.

Получено
наказанием иркутской судебной
инстанции
и.о. прокурора *Валиев* *(подпись)*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании данных протокола судебного медицинского исследования трупа ВАВИЛОВА Николая Ивановича 65 лет вскрытого в покойницкой Саратовской тюрьмы №1, согласно предложения начальника сан. части 30/1-1943 года заключить:

1. Смерть его последовала от долевой бронхо-пневмонии, на что указывает: наличие плотных нижних долей легких и неравномерной плотности верхней доли лвого легкого, темно-красного цвета на разрезе с сероватыми слегка выбухающими островками, тонушими при опускании в воду. Наличие мутно-кровянистого отделяемого с поверхности разреза при сдавлении и гиперемии слизистой трахеи и бронхов.

2. Смерть ненасильственная.

СТ. СУД. МЕД. ЭКСПЕРТ – РЕЗАЕВА.

Суд. мед. - медицинская экспертиза
5 ноября 1943 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании данных протокола судебно-медицинского исследования трупа ВАВИЛОВА Николая Ивановича 65 лет, вскрытого в похоронной Саратовской тюрьме № 1, согласно предложению начальником сан. части 30/1-1-43 года заключить:

1. Смерть его последовала от долевой бронхо-пневмонии, на что указывает: наличие плотных нижних долей легких с неравномерной плотности верхней доли левого легкого, темнокрасного цвета на разрезе с сероватыми слегка выбухшими островками, тонущими при опускании в воду. Наличие кутно-пропитного отделяемого с поверхности разреза при сдавливании и надрезах слизистой трахеи и бронхов.

2. Смерть возмозрительна.

СТ. СУД. М. Д. ЭКСПЕРТ - РЕДАКТА.

Завертно

Медицинская экспертиза

Медицинская экспертиза

Медицинская экспертиза

АКТ.

Составлен февраля 16 дня 1967 года начальником Саратовского следственного изолятора №1 ОМЗ УООП майором В.В. АНДРЕЕВЫМ, в присутствии бывшего служащего Саратовской тюрьмы НОВИЧКОВА Александра Ивановича, ныне пенсионера, проживающего в городе Саратове, по улице Железнодорожной, д. №77, кв. 3; члена комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. ВАВИЛОВА — проф. Ф.Х. БАХТЕЕВА и профессора Саратовского Государственного Университета С.С. ХОХЛОВА о нижеследующем:

Сего числа, мы, нижеподписавшиеся в сопровождении А.И. НОВИЧКОВА — участника погребения останков Н.И. ВАВИЛОВА в январе 1943 года посетили территорию Саратовского городского кладбища и на месте установили по показанию А.И. НОВИЧКОВА участок погребения умерших в заключении в 1942-1943 годах.

По дополнительным расспросам А.И. НОВИЧКОВ указал примерное место погребения Н.И. ВАВИЛОВА, который в порядке исключения был похоронен в отдельном гробу переодетым в чистое белье. Это место находится в 26-м участке кладбища близ дороги, между могилами, обозначенными каменной плитой с надписью Копернаум (см. фото) и могилой, обозначенной железной табличкой с надписью: уч. 26, №890, Татьяна Галактионовна НОСОВА, рожден. 25 января 1891 г. умерла 8 сентября 1962 года". Это место погребения сфотографировано профессорами Ф.Х. БАХТЕЕВЫМ и С.С. ХОХЛОВЫМ

По свидетельству А.И. НОВИЧКОВА в 1943 году этот участок был совершенно свободен и находился на окраине кладбища, где не производились захоронения обычных граждан.

НАЧАЛЬНИК САРАТОВСКОГО ИЗОЛЯТОРА №1
ОМЗ УООП гор. Саратова

Майор — (подпись) (В.В. АНДРЕЕВ)

БЫВШИЙ РАБОТНИК ТЮРЬМЫ,
НЫНЕ ПЕНСИОНЕР.

(подпись) (А.И. НОВИЧКОВ)

Профессор (подпись) (Ф.Х. БАХТЕЕВ)
Профессор (подпись) (С.С. ХОХЛОВ)

Судебно-медицинская экспертиза
5 февраля 1943 года

Составлен февраля 16 дня 1967 года начальником Саратовского следственного изолятора № 1 ОМЗ УООП майором В.В. АНДРЕЕВЫМ, в присутствии бывшего служащего Саратовской тюрьмы НОВИЧКОВА Алексея Ивановича, ныне пенсионера, проживающего в городе Саратове, по улице Беловодорожной, д. № 77, кв. 3; члена комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. ВАВИЛОВА - проф. Ф.Х. БАХТЯЕВА и профессора Саратовского Государственного Университета С.С. ХОХЛОВА о нижеследующем:

Сего числа, мы, нижеподписавшиеся в сопровождении А.И. НОВИЧКОВА-участника погребения останков Н.И. ВАВИЛОВА в январе 1943 года посетили территорию Саратовского городского кладбища и на месте установили по показанию А.И. НОВИЧКОВА участок погребения умерших в заключении в 1942-1943 годах.

По дополнительным расспросам А.И. НОВИЧКОВ указал примерное место погребения Н.И. ВАВИЛОВА, который в порядке исключения был похоронен в отдельном гробу переодетым в чистое белье. Это место находится в 26-м участке кладбища близ дороги, между могилами, обозначенными каменной плитой с надписью Коперник (см. фото) и могилой, обозначенной железной табличкой с надписью: уч. 26, № 890, Татьяна Галактионовна НОСОВА, рожден. 25 января 1891 г. умерла 8 сентября 1962 года". Это место погребения сфотографировано профессорами Ф.Х. БАХТЯЕВЫМ и С.С. ХОХЛОВЫМ.

По свидетельству А.И. НОВИЧКОВА в 1943 году этот участок был совершенно свободен и находился на окраине кладбища, где не производились захоронения обычных граждан.

НАЧАЛЬНИК САРАТОВСКОГО ИЗОЛЯТОРА № 1
ОМЗ УООП гор.Саратова

майор *В.В. Андреев*
(В.В. АНДРЕЕВ)

БЫВШИЙ РАБОТНИК ТЮРЬМЫ, *А.И. Новичков*
НЫНЕ ПЕНСИОНЕР (А.И. НОВИЧКОВ)

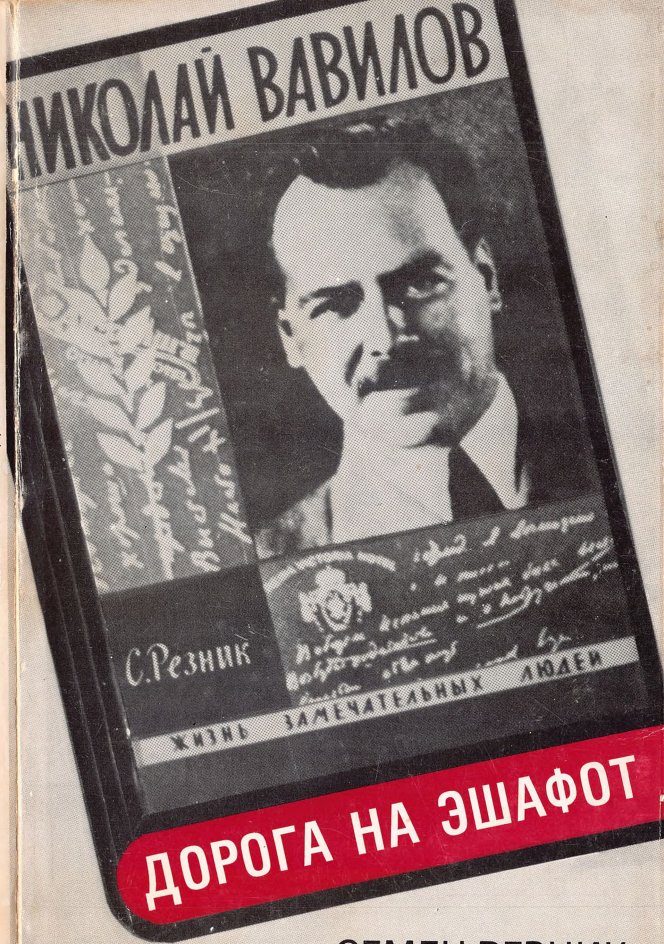
Профессор *Ф.Х. Бахтяев* (Ф.Х. БАХТЯЕВ)

Профессор *С.С. Хохлов* (С.С. ХОХЛОВ)

Семен Ефимович Резник родился в Москве в 1938 году. По образованию инженер-строитель. С 1960 года занимается литературной деятельностью. С 1976 года — член Союза писателей СССР. В Советском Союзе было опубликовано семь его книг, посвященных жизни и деятельности ученых. Каждая из этих книг была в большей или меньшей степени искалена цензурой. Последние три книги С. Резника были цензурой вообще не пропущены. В 1982 году писатель эмигрировал из СССР и сейчас живет в США. Публиковался на страницах "Посева", "Нового русского слова" и других русскоязычных газет и журналов.

СЕМЕН РЕЗНИК. ДОРОГА НА ЭШАФОТ.

СЕМЕН РЕЗНИК